

ЕСЛИ Б ЗАГОВОРИЛ СФИНКС...

НОЧЬ ПЕРВАЯ,

*или рассказ о событиях разрозненных и, как бусинки
порванного ожерелья, закатившиеся у разные углы...*

1

Земля в потемках - подобна усопшему. Ночью она - что завязанные глаза. Что труп с заткнутыми ноздрями. Глаз не видит глаза! И змея жалит. И лев покидает свое логово. Молчит земля.

Вот почему ночь хороша, когда человек дома, а его дыхание сливается с дыханием семьи. Под открытым небом в такую пору - человек без головы...

Так думал Нефр-ка, третий смотритель ступенчатой пирамиды Неджерихета, притаившись у одной из гробниц, окружавших усыпальницу царя.

Он с уважением поглядывал на пирамиду и старался не шуметь, чтобы не беспокоить дух Неджерихета - да и его друзей, привыкших к покою за многие десятилетия.

Нефр-ка знал, что до вступления на трон фараон был человеком. Зато после магического обряда коронования он превращался в бога.

А любое божество состоит из Силы и, как бы это сказать, Тела, что ли... Оболочки. Эта его плоть творила волю Силы. Без божественных тел в мире царил бы хаос.

Потому-то плоть божества условно называют рабом - хем. То есть рабом Силы. И обращаясь к фараону, говорят "Хем-ек", а говоря о нем, вельможи называют его "Хем-еф".

А после смерти все фараоны, отдыхая телесно, продолжают - через свои незримые лучистые сущности - наблюдать за подопечными и их потомками и даже могут, при необходимости, вмешаться в их дела.

Поэтому здесь, в Городе мертвых, да еще ночью, лучше не терять к ним уважения.

При воспоминании о душах усопших в груди Нефр-ка стало холодно, будто в ней открылось окошко. Поймут ли они, почему он здесь в этот час?

В смелости он уступал своему отцу Джеди, кто происходил из города Джед-Снофру и дожил до совершеннейшей старости - ста десяти лет. Тот был фокусником и чародеем, забавлявшим даже самого Хуфу, кто ныне покоится в Великой пирамиде, севернее этих мест.

Да, отец не зря слыл жизнелюбом. Говорят, однажды на царском пиру он съел половину быка и запил ста кружками пива! О другом такое и не придумают...

А вот Нефр-ка не пошел в него. Он - обычный богобоязненный человек, чтит предков, поклоняется Хефрэ и его небесным родственникам.

От отца он унаследовал лишь охотничью страсть читать следы и как-то

необъяснимо чуют притаившегося неподалеку зверя - это он умел.

Но здесь, ночью...

Видно, не зря знающие говорили ему, что все пространство вокруг заполнено всевозможными мыслями и чувствами и если, например, страх проникнет в твое сердце - средоточие ума, то по этой невидимой тропинке туда устремятся из окружающего воздуха его "друзья": родственное всегда идет к родственному.

И человеку тогда может стать невыносимо жутко!

А чтобы восстановить внутреннюю упругость и стойкость, надобно подумать о другом. Тогда иные, более приятные мысли и чувства заполнят твою грудь и вытеснят страхи.

Чтобы достичь этой цели, Нефр-ка стал думать о своем сыне Каре. Сыну исполнилось двадцать семь лет, и он рос копией деда. Так же как и тот, стал фокусником и приобрел немалую известность. Пожалуй, он превзошел Джеди. Умеет дрессировать животных, творит чудеса на глазах и всех и даже отцу не раскрывает секретов своих проделок.

Что же касается охоты - не уступает никому... кроме царя, разумеется.

Нефр-ка вспомнил, как они придумали охотничью игру: один уходил в пустыню или в заросли дельты и рисовал по пути определенные знаки. Немного спустя второй тоже пускался в путь и по этим знакам отыскивал его.

Нефр-ка на всякий случай начертил возле себя на земле круг - свой опознавательный знак - и принялся размышлять о цели своей засады.

Разумеется, не покойники тревожили его. Накануне он увидел здесь свежие следы человека, ведущие на запад и обратно, но обрывающиеся на камнях, и Нефр-ка вспомнил рассказы о грабителях усыпальниц.

Если его предположение верно - дело может принять рискованный оборот, и предусмотрительность не помешает.

Чу!

Обостренный слух уловил чьи-то шаги, и каждая мышца Нефр-ка напряглась. Луна светила ярко, но густая тень, отбрасываемая стенами гробниц, служила хорошим укрытием.

Нефр-ка шепотом попросил богов воодушевить его и, зорко всматриваясь, потер мочку уха, чтобы оно не уставало и не обманывало.

И тут же увидел рослого незнакомца в темном переднике, с мешком на плече. Черты его лица издали, к тому же измененные лунным светом, казались странными и даже уродливыми.

Нефр-ка унял свое волнение, чтобы душа незнакомца не почуяла его душу, и неслышно двинулся за ним...

"Ведь сегодня день Сета, - вдруг вспомнил Нефр-ка, - черный день, не предвещающий ничего приятного".

Он стал еще осторожнее, но продолжал преследование, оставляя условные знаки по пути. Незнакомец шел к ступенчатой пирамиде. Не доходя до высокой и длинной стены, окружавшей ее, взял правее и направился к усыпальнице какого-то вельможи, давным-давно засыпанной песком.

Имя похороненного нигде не сохранилось, и усыпальница считалась заброшенной.

"Но зачем?! И кто он?.. Как поведут себя духи знатных предков? А боги: вмешаются или нет?"

Обогнув угол усыпальницы, грабитель - иначе его не назовешь! - огляделся (Нефр-ка вовремя как бы превратился в камень) и принялся молиться.

Издали еда доносилось его бормотание, и Нефр-ка снова обратил свои помыслы к небу.

- О великие дети Рэ-Атума - Шу и Тефнут, - шептал он, - родители Геба и Нут, помогите мне! Только служение вам и верность тем, чьи тела покоятся здесь, привели меня сюда... Укрепите мою силу и ловкость!..

Он тщательно подбирал слова. Ведь обращение к богам - по существу, та же жертва или приношение.

Молитвой и заклинанием человек может сделать многое, если точно знает, кого из богов, когда и как надо умиротворить. Лишь бы не упустить нужного слова!

А вот грабитель заведомо решился на святотатство и находился в худшем положении: зло - плохой советчик...

Помолившись, оба несколько успокоились надеждой на помощь свыше и могли теперь не отвлекаться.

Незнакомец, пыхтя, отваливал плоский камень, стоявший на ребре, и Нефр-ка даже издали увидел за ним зловещий овал входа в гробницу!

Это более чем странно. Входы всех гробниц страны Кемт на века заваливались камнями и маскировались. Значит, этот либо устроен заново, либо найден людьми. Именно - людьми, потому что духи обходились и так: стены им не помеха...

Проникнув в отверстие, грабитель долго добывал огонь, зажег фитиль, и пятно света в стене усыпальницы с неровными краями стало колебаться и тускнеть.

Нефр-ка смело пробежал расстояние, отделявшее его от гробницы, и протиснулся в устье входа. Истина и боги на его стороне!

Торопливо оставляя для Кара условные знаки, он почти добежал до угла и свернул влево, где совсем близко виднелся качающийся, словно маятник, силуэт незнакомца. Низкий потолок вынуждал обоих идти согнувшись, к тому же дым и пламя светильника мешали грабителю, который то и дело отворачивался и сердито сплевывал на гладкие камни пола.

Нефр-ка извлек из-за пояса нож, как вдруг заметил другой ход, справа, более удобный и высокий. Пораженный тем, что грабитель не воспользовался им, Нефр-ка задержался, но задел лезвием ножа за выступ и выронил свое единственное оружие. Оно звякнуло...

Грабитель бросил огонь и рыгнул в сторону преследователя. Нефр-ка инстинктивно развел руки, но ступни его стояли близко одна от другой, и он потерял устойчивость.

Они покатались по земле, кусая и царапая друг друга, рыча от гнева и боли, но не произнося ни слова, чтобы не всколыхнуть мир духов, населяющих гробницу.

Смотритель начал уставать первым: он чувствовал твердость мышц и молодую свежесть кожи противника. Ноги его, на беду, свело судорогой, и Нефр-ка на секунду обмяк. Этим воспользовался грабитель, который успел заломить ему правую руку за спину и так нажал подбородком на плечо, что судорога охватила все тело, и Нефр-ка лишь смутно почувствовал, как его волокли по земле, затем камень под ним как бы повернулся на оси, и он провалился в бездну.

Яма, поглотившая смотрителя, оказалась неглубокой, но неожиданность падения, нервное напряжение и удар о ее дно лишили его сознания...

Дворец Хефрэ находился южнее столицы, за двойными стенами. Восточная наружная зубчатая стена имела два входа, указывая, что здесь живет хозяин Верхней и Нижней страны.

От каждого из главных входов вели аллеи, оканчивающиеся у площади перед дворцом - большим одноэтажным зданием из дерева и кирпича, расположенным в северо-восточном углу обширного двора.

Колонны перед фасадом дворца поддерживали высокий - на уровне крыши - помост, защищенный от солнца тентом. Здесь в часы приемов восседали на троне царь и царица и взирали на своих подданных, распростертых на земле.

Во дворце - трапезная, кухня, комнаты для особо торжественных приемов и для отдыха, ванная и спальни. Плоская крыша с ажурными перилами служила террасой, устланной коврами и защищенной от солнца тентом на деревянных резных шестах. Этим уголком безраздельно пользовался сам Хефрэ.

Отсюда ему был виден "деловой двор", расположенный за южной дворцовой стеной: там склады, канцелярии, место для экзекуций, жилище стражи и всякого рода мастерские.

У главных входов - набережная и широкая лента Хапи, несущей свои воды на север. На западе - редкие силуэты гробниц царей и вельмож...

...Ночь. Шустрый ветерок примчал прохладу с моря и резвился в пламени множества светильников. Тишину и покой дворца не нарушали, а скорее приятно разнообразили хор лягушек на реке и прерывистое пение цикад.

Хефрэ любил одиночество в такие часы на крыше своего дворца. Он и сейчас лежал один на высоком ложе из черного дерева, устланном мягкой шкурой пантеры. Ложе опиралось на ножки, вырезанные в виде львиных лап; изголовье, сделанное из слоновой кости, имело форму полумесяца.

Рядом, на круглом столике, - тонкостенный кувшин, выточенный из цельного камня, наполненный пивом, и два бокала.

- Сенеб! - раздался веселый голос, и перед царем появился высокий, тонкий в поясе, но широкий в плечах Мериб, младший брат и любимец Хефрэ, меджех нисут, то есть начальник всех работ царя, зодчий, спроектировавший погребальные сооружения владыке Кемта.

- Сенеб! - улыбаясь ответил Хефрэ на приветствие и, не торопясь, на одних руках, поднялся, повернул свое холеной, но уже полнеющее тело и опустил ноги на пол.

- О Хем-ек, видел я сейчас, какое тело у льва! - засмеялся Мериб.

- Никогда не увидишь ты его хрупким, словно кость... - хвастливо заметил Хефрэ. - Самим Рэ послан я, послан Кемту!

- Ты истинный Хор...

- Я сын самого Рэ, - отчетливо произнес Хефрэ, останавливая его движением руки и с любовью всматриваясь в узкое лицо брата, с тонкими, изнеженными чертами и миндалевидными черными глазами.

В свою очередь и Мериб внимательно следил за старшим братом: широкоскулое лицо с крупным носом, четкими надбровными дугами и волевым подбородком казалось надменным, а карие глаза сорокалетнего царя смотрели озорно и чуть смешливо.

Мериб привык к своему особому положению в царской семье. Ему позволялось многое, и все же он не забывал, кто его брат, и понимал, что может проявлять в его присутствии "вольность" лишь настолько, насколько

это приятно царю, и только ему - а не им обоим...

Уловив жест царя, Мериб наполнил бокалы.

- Это хенкет, - сказал Хефрэ, - с южными финиками.

- Да, южные - вкуснее наших, - согласился Мериб.

Пока они пили, зодчий размышлял: он уже оценил скрытое значение царских слов, но не спешил высказаться и предпочел молчание.

- Смотри, - негромко и словно лениво заговорил Хефрэ, - Хор всегда наш родич, покровитель. Одно время цари Кемта вели свою родословную от самого Рэ. Это выше!

Мериб понимающе кивнул.

- Потом забыли говорить так... Роме должны знать сейчас истину. Мое величие - сила государства. Оно объединяет всех роме, а без этого нельзя укрощать Хапи, направлять ее влагу в хранилища, на поля...

- Да, Хем-ек, ты - истинный распределитель Хапи!

- Смотри. Пирамида отца нашего, великого Хуфу, да будут к нему милостивы боги в Царстве Запада, подпирает небо.

- Твою гробницу, Хем-ек, я делаю немного ниже. Но я возвожу ее на большем возвышении. Она будет казаться...

- Хорошо услышанное мною, - прервал Хефрэ. - Я прочел твою записку, Мериб. Ты хочешь сделать облицовку основания моей гробницы из красного камня?

- Это мысль Анхи, моего зодчего - строителя нижнего заупокойного храма. Очень дорого? - вздохнул Мериб.

- Совсем нет. Ты можешь придумать еще более трудное!

- Еще более?! - со страхом переспросил зодчий.

- Да, Мериб. Тогда сильнее будет Кемт! Иначе роме скажут, что я стал слабее...

- Буду думать, Хем-ек, буду думать я...

- Не спеши, Мериб. Сделай хорошо.

- Твоя воля, Хем-ек...

Мериб невесело подумал, что пока он сам не видит способа сделать усыпальницу и два заупокойных храма (верхний - у пирамиды и нижний - на незатопляемом берегу) еще внушительнее.

- Исполнено будет, - склонился он.

3

Главный жрец храма бога Птаха, высокий, широченный Хену, славился упрямством, ставившим в тупик даже царя, его родственника.

Бритоголовый, с короткой шеей, маленькими глазами, теряющимися рядом с мясистым носом, слоновьими ушами и большим ртом, Хену не отличался приятностью. Весь его облик, рыхлое огромное тело, жирный подбородок, вздрагивающий при ходьбе, и особенно выражение тупости, почти не сходившее с его лица, придавали ему нечто бычье.

Казалось, что нечто человеческое не могло пробудиться в его душе, и вместе с тем Хену был мечтателем...

Жречество при фараоне Хефрэ только начинало набирать силу. Обычно вельможи и чиновники поочередно исполняли несложные еще жреческие обязанности.

Родственные же отношения с царем помогли Хену одолеть соперников и пристроиться в храме Птаха постоянно. Вначале рядовым жрецом.

К счастью, он имел бойкую жену Сенетанх ("Сестра живущего"), самую белокожую красавицу столицы. Ей было тогда немногим более двадцати. Ее маленькая фигурка обращала на себя внимание всюду, где она появлялась.

Бледное круглое лицо в обрамлении черных волос, заплетенных тонкими косичками, огромные темные глаза, смотревшие внимательно и с достоинством, длинная шея с голубыми черточками вен, муравьиная талия и стройные ноги - такова Сенетанх.

Все это в сочетании с веселостью и отзывчивостью сделало ее желанной на пирах и снискало славу, дошедшую до ушей владыки Обеих Земель.

При первом же взгляде на это искушающее создание Хефрэ оживился и довольно скоро одарил ее своею милостью...

Друзья поздравили удачливого Хену, царь назначил его Главным жрецом храма Птаха в ознаменование услуг общегосударственного значения, а благодарный слуга бога велел начертать на стене своей гробницы надпись для будущих поколений, рассказывающую эту нравоучительную историю.

Роме знали два мира: тот, что окружал их, и тот, что жил в них самих. Оба - одинаково реальные, в их понимании. Но, увы, не всегда гармонично сочетавшиеся друг с другом.

Вознесясь, Хену пожелал - теперь, правда, без помощи Сенетанх - утвердить не только свое благополучие, но будущее всего жречества. Он мечтал о том времени, когда сам фараон станет считаться с ним, Хену, и в стране появятся как бы две власти!

Известие о том, что Хефрэ, земное олицетворение бога Хора, объявил себя еще и "сыном Рэ", - смутило Хену, а вскоре вызвало глухую ярость и беспокойство.

Нашлись и единомышленники...

Сегодня они были гостями Хену и собрались в одной из потайных комнат его храма. Это Главный жрец священного быка Аписа, покровителя Белых Стен, - престарелый Инхеб; справа от Главного скульптора царя - заместитель знаменитого Рэура, тридцатипятилетний баловень судьбы, троюродный брат царя - Хеси и один из жрецов Птаха - Небутеф, человек преданный и исполнительный.

Поводом для разговора была судьба священного быка Аписа, в котором "жила" душа Осириса. Животному исполнилось двадцать восемь лет. В этом возрасте погиб Осирис, и по традиции быка следовало заменить.

Задача труднейшая. Чтобы признать нового бычка священным, нужно было найти в нем двадцать восемь особых признаков (определенной формы и цвета пятна и прочее). И хотя в поисках принимал участие порой весь Кемт, бывало, что храм Аписа пустовал десятилетиями...

В данном случае на примете имелось подходящее животное, но Хену, прославивший строгим ревнителем веры, воспротивился, и тут уж никто ничего не мог поделать.

- Мне жалко Аписа, - вздохнул Инхеб. - Умертвить его не смогу я.

- Я сделаю это, - успокоил его Хену.

- Спасибо, дорогой друг, - повернулся к нему Инхеб. - Жаль мне, что храм будет пустовать. Жители Белых Стен не привыкли к этому...

- Храм не будет пустым, - вкрадчиво произнес Хеси. - Признаюсь, в свободное время, втайне от других, высекал я из алебаstra скульптуру Аписа. Я... могу уступить ее.

- О боги! Ты добрейший человек, Хеси! - воскликнул Инхеб.

- Владыка Обеих Земель разрешил, - с улыбкой добавил жрец Небутеф. - Сам Хену разговаривал с ним.

- Сколько ты хочешь за скульптуру, Хеси? - спросил Инхеб.

- Немного, - подумав, ответил Хеси и назвал цену, от которой у старика захватило дыхание.

Торг длился долго, в изысканных выражениях. Трое осаждали одного.

- Семь месяцев работал я, - перечислял Хеси свои расходы. - Весь мой дом подчинился этой скульптуре... Десять юных наложниц услаждали меня, дабы я не терял художественного вкуса... Повара готовили особую пищу, чтобы тело мое общалось с богом, образ коего я создавал.

- Не забудь включить сюда содержание быка, с которого ты высекал скульптуру, и его стоимость, - напомнил Небутеф.

- Почему же стоимость? - удивился Инхеб. - Содержание - другое дело...

- Животное умерло от переутомления, часами стоя передо мной, - пояснил Хеси. - Надо включить сюда еще работу моего помощника, точильщика инструментов, Сенмута. Стоимость десяти глыб камня, которые доставили мне, но они оказались с трещинами внутри... Расходы по их вывозке на свалку...

- Смотри, Хеси, смотри, не забудь особую плату, - сказал Небутеф, - за то, что ты один из немногих скульпторов, имеющих право высекать изображения богов!

- А за свой личный труд я ничего не прошу, - скромно добавил Хеси. - Пусть это будет моим даром храму, Инхеб.

- Соглашайся, - сказал Хену. - Я тогда еще сам разрублю твоего Аписа согласно ритуалу.

- Хорошо, - сдался Инхеб, больше всего на свете боявшийся роли палача животного, которого успел полюбить...

- Наш владыка Обеих Земель повелел разъяснить народу Кемта, что он прямой потомок Рэ, - бесстрастно произнес Хену, давая понять, что с первым вопросом покончено и можно поговорить о другом. - Что скажешь ты, Инхеб? Не думаешь ли ты, что жрецы храма Рэ в городе Он займут при дворе, да и среди народа такое положение, которое затмит наше?..

Но тут они заговорили совсем тихо...

4

Друзья расположились вокруг костра, отвоевавшего у ночи уголок света и тепла. Смуглая, с редкими в Кемте синими глазами Туанес прижалась к мужу, молодому столичному скульптору Мериптаху.

Напротив нее нежился серый в "яблоках" охотничий кот Миу. Рядом с ним - его хозяин, весельчак и силач Кар.

Удивительный человек! Он и Мериптах - "сыновья" одного учителя - Рэура. Однако Кар по-своему воспринял мудрость учителя и стал фокусником, а не скульптором.

Туанес, дочь смотрителя Великой пирамиды Хуфу, - да живет он вечно! - знала их обоих с детства. Кар был заметным мужчиной. Пожалуй, только три человека в Кемте обладали таким ростом и физической силой: Кар, его приятели - телохранитель царя Унми и Главный жрец Птаха, сорокалетний

Хену.

Мериптах не похож на них. Он среднего роста, удивительно стройный, курчавоволосый, с красивыми и тонкими чертами лица. Уступал он им и в силе, зато отличался необъяснимой нежностью. Порой его черные, как угольки, глаза светились так необычно, что у Туанес захватывало дух и она готова была готова на все, лишь продлить такие мгновенья.

Они приплыли сюда в дельту, в заросли Гошен, на тростниковой лодке, чтобы нарезать гибких стеблей папируса и изготовить из них бумажные ленты для чертежей и записей. Таково задание Анхи, старшего брата Мериптаха, архитектора и строителя нижнего заупокойного храма царя. А Кар присоединился к ним - поохотиться.

Мериптах сидел лицом к неразрушимым звездам севера, в которые превратились души умерших царей. Кар расположился напротив, и казалось, будто Нога быка и Бегемотиха лежали на его плечах.

Ах, как занимательно рассказывал Кар, как владел он мудрым даром богов - умением покорить окружающих одними словами!

- Никогда не увидите вы этот оазис, - рассказывал бывалый охотник. - Нашел я его населенным зверями в год, что недавно уступил нынешнему. Сперва узнал дорогу, потом пошел по ней. Провел я там три дня совсем один, при небе пылающем. Гораздо лучше увидеть это место, чем слушать о нем. Я не боялся того оазиса, потому что я ловкий. Сперва я добыл огонь, сделал жертву всесожжения богам. Потом отдыхал, чтобы собрать силы, необходимые охотнику. Действовал я как змея пустыни, не боялся одиночества ночи.

- Верно, Кар, - восхищенно заметила Туанес, - ты действовал как змея пустыни.

- Ты царь слова, Кар, - чуть сдержаннее подтвердил Мериптах, в общем одобрявший умение друга подчеркнуть свое достоинство, что приличествует мужчине.

- Да, после был я награжден во дворце, - согласился Кар. - Вельможи восхваляли меня, а я нашел их знающими толк в охотнике. Я всегда умею поступить правильно, у меня острые глаза, два чутких уха, быстрые ноги, крепкие руки. Слушая голоса оазиса, я отгадывал его жителей, места, где они прятались.

- Кто же там живет, Кар? - торопила Туанес.

- Многие звери того оазиса ушли на Запад, в Страну мертвых. Ведь у меня были длинный лук, острые стрелы, - скромно пояснил Кар. - Дикого быка поразило копье мое, еще зайцев трижды по пять, страуса три, козлов четыре. Антилопам я счета не вел...

- Только и всего? - с деланным разочарованием произнес Мериптах, переведя взгляд на Туанес и любясь отблеском в ее потемневших от ночи глазах.

- Не заблуждайся, Мериптах, - возразил Кар. - Один из этих дней, наступивши, дал мне множество приключений... Увидел я зверя: у него четыре ноги, голова птицы, два крыла, точно такие, как у сокола.

Мериптах напрягся от странного удовольствия, овладевшего им, и даже жестом или непрошенным движением опасался помешать рассказчику.

- Затем, - продолжал Кар, - я видел павианов, шумно приветствующих утреннего Рэ. Я, умный, успел завязать свой пояс узлом, ведь все знают, что это верный амулет, означающий жизнь. Еще успел я нарисовать на песке глаз Хора - такой, как показывал нам учитель, - символ благополучия... Затем увидел я змею пустыни. Она ела лягушек, что тут же родились из ила

возле источника. Потом к воде пришли львица с головой ястреба, на конце ее хвоста рос лотос...

- О боги! - воскликнула Туанес, потирая ладонью магическое изображение глаза на своем золотом браслете.

Вдруг Кар схватил Мериптаху за руку и больно сжал ее.

- Что с тобой, Кар? - удивился скульптор, взглянув на побледневшего друга.

- Смотри, Мериптах, смотри, Туанес... - вполголоса заговорил Кар. Его крупное, обычно доброе лицо окаменело, темные глаза как-то отрешенно глядели вдаль. Мой отец в беде... Ему плохо сейчас, Мериптах! Плохо! Я чувствую это. Он кусает землю. Мне надо вернуться домой...

- Сейчас ночь, - сказал Мериптах. Волнение Кара невольно передалось и ему. - Подожди утра...

- Хорошо, Мериптах. Ты иди спать: сегодня ты много работал, да еще стирал белье - свое, Туанес, даже помог мне. Завтра тоже немалый труд у тебя... Смотри, Мериптах. А мы с Миу на заре - в путь... Иди спать, Туанес...

Кот услышал свое имя, открыл глаза, мякнул и потянулся: он тоже поработал сегодня на славу, вытащил из зарослей не одну раненую стрелой хозяина утку, а для себя выловил у берега приличную рыбку. Он подполз к Кару и положил голову на его колено.

- Не спрашивай больше, Мериптах, спи. Увидимся дома... Сенеб!

- Сенеб, Кар!

5

...Шумный всплеск прервал сон Мериптаху. Он вскочил с тростниковой циновки и выглянул из шалаша: уже утро, его Туанес выходила из воды на берег.

Коричневая и точно отполированная ласковой рекой, она казалась золотистой в лучах рассвета. Высокие ноги с сильными бедрами ступали упруго, слегка погружаясь в мелкозернистый сырой песок.

Закинув за шею руки и склонив набок голову, Туанес старательно выжала воду из распущенных черных волос, обрезанных ниже плеч.

Синие глаза ее весело глядели на мужа. Тонкие брови слегка касались друг друга на переносице. Белозубая улыбка оттеняла ямочки на щеках и углубление на подбородке.

Удлиненное лицо казалось детским, да и вся она, такая маленькая и хрупкая, с туго подтянутым животом, выглядела совсем девочкой.

- Рэ! - восхищенно произнес Мериптах. - Когда появляешься ты в небе, ты делаешь это для Туанес!

Молодой скульптор был счастлив, но... Но счастье, как и произведение искусства, редко бывает совершенным. Двадцать пять лет сравнялось Мериптаху, девятнадцать - Туанес, а у них до сир пор нет детей...

Может, чем-то заслужили немилость Мут-Нечер, богини-матери?

- Сенеб, Мериптах! Будь здоров! - весело крикнула Туанес и побежала к нему, точно за ней гнались чудища из вчерашних рассказов Кара.

- Сенеб, Туанес, сенеб!

Мериптах нежно обнял жену и мозолистыми ладонями провел по ее

влажному телу сверху вниз, сбрасывая прохладные капли на сухую землю. Будто вспомнив что-то, он вдруг нырнул в заросли высокой травы. Там, в квадратной яме, лежала завернутая в сырую ткань неоконченная статуэтка.

Вернувшись, он укрепил ее на плоском камне. Теперь он знал, чего не доставало скульптуре, а его пальцы, еще храня живую прохладу и свежесть тела Туанес, безошибочно лепили изгиб торса и отклоняли назад ровную спину.

- Но я отклонилась вбок, а не назад, - заметила Туанес.

- А так еще больше похоже на тебя! - упрямо сказал Мериптах, и Туанес не стала возражать: когда он говорил "таким тоном" - лучше не мешать.

Мериптах трудился молча, сосредоточенно шлифуя мокрой подушечкой большого пальца скульптуру, а мысли его почему-то возвращались к прошлому, к дням первой встречи с Туанес.

Их дома стояли почти рядом, в районе, где жили мастера по дереву и металлу, скульпторы и камнерезы, художники и писцы, не знавшие бедности, но... и славных родословных.

Хотя это не совсем так. Дед Мериптаха, камнерез Рахеритеп, ушедший за горизонт еще до его рождения, прославился при Хуфу. Ему поручили высечь пирамидион - остроконечный последний камень царской усыпальницы - и установить его на вершине Великой пирамиды перед началом ее облицовки.

Неб-тауи, то есть покойный владыка Обеих Земель, - да будет он счастлив и в Царстве Запада! - пожаловал тогда Рахеритепу усадьбу и немалый участок земли.

Отец Мериптаха, мастер Минхотеп, был проектировщиком жилых домов в столице, а старший брат Анхи стал архитектором и автором проекта нижнего заупокойного храма ныне здравствующего царя.

Матери своей Мериптах не знал - она умерла при его рождении, и он чувствовал себя виноватым и обреченным на житейские неудачи (может, бездетность Туанес - одно из таких наказаний).

Итак, жили они с Туанес на одной улице, но впервые встретились в городке неподалеку от Великой пирамиды, населенном бедными строителями богатых усыпальниц.

Прямые узкие улицы с глухими стенами домов имели особые неглубокие каналы, которые специальные рабочие наполняли водой утром и вечером.

На их же улице в столице вода журчала в любое время дня...

Мериптаху тогда было одиннадцать лет. Он прилежно учился, хорошо рисовал, но больше всего радовал учителя Рэура, когда лепил что-нибудь из глины, высекал из камня или резал по дереву. Делал он это быстро, хорошо улавливал сходство, и как-то по-своему.

Может быть, его дарование унаследовано от деда?..

В тот день Мериптах пришел в городок с Анхи. Брата здесь хорошо знали, относились к нему с уважением и по возможности всегда старались устроиться на работу именно к нему.

Зайдя к камнерезу Тхутинахту, Анхи завел с ним деловой разговор, а Мериптах остался на улице, чтобы испытать "на плаву" маленькую ладью, вырезанную накануне из куска священной акации.

Кораблик, спущенный на воду, тотчас принял необходимое положение!

Тут Мериптах заметил, что его восторг разделяет крохотное синеглазое существо с ямочками на щеках и подбородке, еще незнакомое с одеждой.

- Ты кто? - спросил он, недовольный тем, что нарушено его одиночество.

- Туанес, - вежливо ответило существо.

Мериптах хотел прогнать ее, но, почувствовав неподдельное удовольствие девочки, смягчился и позволил остаться.

- Ты откуда?

- Мой отец Хуфу-ка-иру, смотритель Небосклона Хуфу, - послушно объяснила пятилетняя Туанес.

- Как ты оказалась здесь?

- Не знаю...

- Надо бы знать, - назидательно сказал Мериптах.

- Отец пришел к рабочим, а я жду его здесь.

Пока боги размышляли, оставить это знакомство случайным или занести его в книгу судеб, ладья, наткнувшись на камень, изменила направление, заплывала в боковое ответвление и попала бы в чей-то двор, если б не застряла на мели в проеме стены.

Мериптах взмахнул руками, как крыльями, и кинулся на выручку, но отверстие было мало даже для него. Тогда Туанес легла на живот прямо в воде, подползла под стену, взяла ладью и стала выбираться наружу, как вдруг плечом коснулась острого камня, оставившего кровавый след.

Мальчик немедленно обмыл ранку и закрыл ее пластырем из чистой глины. Девочка не уронила ни одной слезы.

- Смелая ты, Туанес, ты смелая! - похвалил он, и девочка весело рассмеялась.

...Прошло пять лет. Еще год. Еще... Их дружба не прерывалась ни на один день и крепла. Видно, таково было желание богов, у которых есть время, чтобы вершить и людские дела.

Они часто бродили в окрестностях Белых Стен, а поскольку ее отец по долгу службы был приставлен к Великой пирамиде, они посещали и эти места.

Над ними уходила в самое небо сверкающая пирамида. Солнечные лучи обнимали ее, одинокую, и, отражаясь, образовывали в голубой вышине прозрачные треугольники, видимые издалека. Воздух, накаленный ее широким подножием, беззвучно скользил по пирамиде колеблющимся маревом.

Жаркий ветер пустыни порой кинет в эту громаду облако песка, и оно взвьется и закрутится жгутом над вершиной, но тут же опустится вниз. И только гордый сокол, друг и покровитель фараонов, высоко кружит над пирамидой, раскинув свои могучие крылья.

Тело Хуфу покоилось где-то в каменной толще, освобожденное от нечистых внутренностей, пропитанное благовониями, запеленатое в несколько слоев материи, укрытое золотыми погребальными доспехами, украшенными драгоценными камнями, с золотым мечом у бедра.

И оттого, что оно так близко, хотя и недосыгаемо, благоговение охватывало их.

А рядом уже строилась гробница здравствующего царя Хефрэ, с восхода и до заката стучали молотки и раздавались крики рабочих, волоком тащивших в гору огромные каменные блоки.

Здесь высилась скала, изрядно "худеющая" на их глазах, - рабочие то и дело откалывали от нее камни для заполнения внутренности пирамиды, как это делалось и раньше при строительстве усыпальницы Хуфу. Постепенно скала принимала все более причудливые формы и напоминала то сидящего человека, то лежавшую... кошку.

С востока в скале имелся просторный грот, обращенный к реке. Мериптах и Туанес облюбовали его для себя. В разгар полевых работ строительство

прекращалось, и можно было оставаться тут сколько хочешь.

Кроме того, Анхи, в нескольких шагах воздвигавший нижний заупокойный храм, разрешил брату устроить себе в гроте мастерскую.

Однажды они засиделись до темноты. Мериптах обнял Туанес и почувствовал волнение, незнакомое до сих пор.

Туанес первая пришла в себя, отстранилась и молитвенно обратилась к небу:

- О боги, прошу вас: не смотрите на меня. Отвернитесь, пожалуйста, я хочу целоваться с Мериптахом!

И, уверенная, что воспитанные небожители исполнили ее просьбу, девушка прильнула к своему верному другу и закрыла глаза.

6

Закончив работу, Мериптах покрыл глиняную фигурку магической красной краской, чтобы скульптура была здоровой и удачливой. Скинул с себя набедренник и с разбегу мягко, без всплеска, ушел в воду.

Проводив его взглядом, Туанес принялась готовить завтрак. Разложила на земле у входа в шалаш пальмовые листья для пищи и мягкие комки сухих водорослей - вытирать пальцы и рот.

В раздумье перебрала продукты в прохладной яме. Выбрала любимое Мериптахом жирное мясо бегемота, несколько черепаших яиц, священный лук, лепешку и несколько молодых кисло-сладких побегов папируса.

Раздув огонь из тлеющих угольков, Туанес подогрела мясо на вертеле. Мериптах уже вылез из воды, отряхнулся и, не вытираясь, присел к костру.

Ели с достоинством и молча: болтливость за трапезой - грех. Мериптах с удовольствием запивал мясо темно-коричневым пивом, от которого Туанес по обыкновению отказалась.

Увидев у реки пьющего ибиса, она направилась туда с кувшином, подождала, пока птица отошла в сторону, и набрала воды из этого места: она знала, священный ибис чувствует плохую воду и не любит ее...

Напившись Туанес поблагодарила богов и убрала остатки пищи. Они надели шляпы из узких и длинных листьев папируса, сели в лодку и отправились на работу, благо плыть было недалеко.

Достигнув заводи, где папирус был выше человеческого роста, Мериптах притормозил лодку веслом у края заросли и принялся за дело.

Выдергивая из воды упругие трехгранные стебли, он отламывал верхушку с цветком, отрезал корневище и передавал Туанес, которая связывала стебли пучками и укладывала посередине лодки, вдоль обоих бортов, чтобы не нарушить равновесия.

Когда запас стеблей становился угрожающе тяжелым, Мериптах направлял лодку к островку, где была их походная мастерская. Они освобождались от груза и возвращались в заросли.

...На северо-западе виднелась ярко освещенная солнцем каменная гряда холмов. Тысячи людей вырезали там в каменоломнях гигантские плиты, вставляли в пропилы деревянные клинья и поливали водой. Дерево разбухало и с треском отрывало известняковые блоки от массива.

Одни грузчики волокли эти заготовки - весом в десятки тонн - на каменных катках к баржам, чтобы речники доставили их к строительной

площадке пирамиды, а другие вновь тащили их по твердой, но увлажненной дороге, с криками и стонами, в облаке пыли и песка. Камнерезы вновь должны были распилить камень на куски, обтесать и отшлифовать, а рабочие по насыпям поднять их в небо и с точностью до волоска уложить в предназначенные места усыпальницы очередного фараона, пока еще нежащегося в прохладной тени дворцового сада.

И так день за днем, столетие за столетием...

После трехчасового отдыха в самую жаркую пору Мериптах и Туанес снова принялись за работу.

Особенно ловко работала Туанес. Усевшись на маленькую скамейку, она захватывала пальцами левой ноги нижнюю часть стебля, держа левой рукой его верхний конец, в правую брала острый камень и разрезала стебель вдоль.

Нарезав нужное количество стеблей, Туанес разворачивала их в длинные ленты и осторожно как бы раздавливала их между двух гладких и ровных камней. Потом склеивала из этих лент полосы.

Полоса для письма состояла из двух слоев. Для гибкости и прочности в наружном слое волокна стеблей располагались сверху вниз, а во внутреннем - горизонтально, то есть слева направо. Куски полос шириной менее локтя в свою очередь склеивались крахмалом из кусков до необходимой длины. Изготовленные таким образом полосы подвергались длительной сушке в тени.

Окончив работу, Туанес пошла под навес, где на шестах висели уже готовые полосы, и с удовлетворением осмотрела их.

- Смотри, Мериптах, смотри, как я научилась... Особенно вот этот папирус...

- Вижу руку умеющего, Туанес. На такой белой, гладкой полосе жаль писать обыденное.

- Пусть она будет моей, Мериптах. Когда-нибудь ты напишешь на ней что-нибудь особенное. Для меня!

- Хорошо, Туанес, я сейчас помечу ее. Спрячу в глиняный футляр...

НОЧЬ ВТОРАЯ, полная беспокойств...

1

Если от Белых Стен пойти на северо-запад, то за чертой города, совсем недалеко, встретится поселок, где живут скульпторы, мастера по камню, надзиратели гробниц, а также вскрыватели трупов, бальзамировщики - одним словом, все те, кто обслуживает Город мертвых - некрополь столичной знати, растянувшийся до самой Великой пирамиды.

На западной окраине поселка стоит дом, ничем не примечательный: глинобитный, одноэтажный, с несколькими комнатами и скромным бассейном во дворе.

Здесь живут Нефр-ка, его сын Кар и маленький черный человечек пигмей Акка, вызывающий острое любопытство соседей. Акка - слуга в доме, помощник Кара во время представлений и просто друг, полноправный член этой

небольшой мужской семьи.

Во дворе - от входа направо - зверинец. Там живут мыши, гуси, петух, лиса, змеи и молодой лев Ара. Тут же и стойло ослика.

У Акка две неперенные обязанности: ухаживать за животными и тщательно выбривать на своем лице скудную растительность - бороду в Кемте носит фараон, а усы - лишь некоторые из вельмож. Не имеет смысла услаждать доносчиков и раздражать сильных мира сего...

Возбужденный недобрым предчувствием, Кар распахнул калитку и, не глядя на своих четвероногих, крылатых и безногих друзей, шумно приветствующих его, вбежал в дом.

Сперва ему пришлось пройти по глухому коридору с окнами под потолком, затем по следующему коридору свернуть влево, до угла, еще раз влево, и только тогда он попал во внутренний дворик, куда выходили окна и двери жилых комнат.

У одной из них на толстой циновке крепко спал Акка. Увидев его небритое лицо (значит, что-то помешало ему!), Кар, слабея от волнения, присел рядом и пальцами коснулся маленького черного, вздрагивающего во сне плеча.

Акка мгновенно открыл глаза, подскочил и пал ниц, уткнувшись лицом в прохладный, вымазанный глиной пол.

- Встань!

Акка присел. Его широко открытые черные глаза с желтыми белками выражали испуг.

- Говори...

- Я не виноват, Кар. Не виноват я!

- Говори.

Хозяин ушел ночью. Сказал: Акка, будь только дома. Пропал он...

- Что еще говорил он?

- Злой человек ходит у гробниц... Я выслежу его, сказал он.

- Зверей кормил?

- Да, Кар.

- Возьми еду, воду. Скорее. Еще - веревку...

Несколько минут спустя они покинули двор и направились в сторону гробниц. На их счастье, солнце стояло в зените, почти не давая теней, а улицы поселка были еще пустынные.

Нарисовав на обжигающем песке круг, Кар сказал:

- Ищи этот знак.

- Да, Кар, я ищу этот знак...

...К вечеру они стояли у стены заброшенной безвестной гробницы, и Акка обнаружил камень, неумело или наспех прикрывавший вход.

Добыли огня и осторожно пошли, освещая путь фитилями - Акка впереди. Кар поминутно оглядывался: не выследил ли их кто.

- Нож... хозяина! - в ужасе воскликнул Акка.

Спина у Кара стала мокрой и холодной, как у лягушки: Акка не ошибся. На рукоятке вырезана антилопа и дикая утка - Кар с детства знал этот рисунок, когда-то при нем сделанный отцом. Нож лежал на углу просторного хода, ведущего вправо. Куда идти? Внимательно, уговаривая себя не торопиться, Кар осмотрел следы на густом слое пыли и понял, что здесь происходило...

Нефр-ка пробыл в подземелье без малого двое суток.

- Спасибо, сын... - прошептал он, щурясь от света. - Ты спас меня...
- Хорошо сделал, отец, что рисовал знаки. Кто он?
- Не знаю. Было темно. Мы молчали оба. Молодой. Сильный. Тяжелый,

думаю я.

- Пей еще, отец. Ешь...
- Как дома, Акка?
- Все ладно, хозяин. Соседка спрашивала - я сказал: по делам

хозяин...

- Верно, Акка. Умение правильно говорить - от богов!
- Пойдем домой, отец. Потом мы вернемся...
- Зачем потом, Кар? В яме воздух плохой - ослаб я. Полежу, а вы

посмотрите сейчас.

- Хорошо, отец. Только опасайся змей. Вот тебе огонь, - и Кар пошел исследовать подземелье.

Гробница была построена по старинному плану: без разветвленных ходов, как в нынешних пирамидах.

В нее вел низкий ход. Кар и Акка шли с удвоенной осторожностью, чтобы не угодить в новую ловушку, но все обошлось. Комната большая - целый зал. Если в ней жить - хватило бы на несколько семей. Если же похоронить... Но в ней никто не похоронен! Нет саркофага, ритуальных рисунков и надписей, остатков приношений и главное - мумии.

Очевидно, что-то случилось с заказчиком гробницы: может пропал без вести на охоте... Кто знает? Боги и те подвержены случайностям.

Это известие позже укрепило дух набожного Нефр-ка. Значит, он не совершил святотатства, войдя сюда и участвуя в драке? Но тогда и грабитель - не совсем грабитель?! Впрочем, точнее сказать, не осквернитель...

В самом зале Кар и Акка увидели каменные сосуды, украшения, но главное - скульптуры. Десятки! Одни - готовые, другие - только начаты.

В дальнем углу на каменном столе стоял алебастровый Апис, высотой около двух локтей, отполированный воистину божественной рукой! Круглый диск луны покоился на его рогах, на шее - ожерелье, на спине - нарядная попона. Каждый мускул - точно живой.

Акка забрался в самый угол, чтобы взглянуть на чудо с другой стороны, и в пламени его фтиля диск на рогах стал почти прозрачным и розовато-золотистым.

- О Мериптах, - прошептал восхищенный Кар. - Если б ты видел... Но что это?..

На полу блеснула полированная поверхность. Кар присел и, осторожно разгребая песок руками, извлек тяжелую черную диоритовую фигурку льва... с головой человека!

Лев как бы приготовился к прыжку, а его человеческое лицо выражало гнев воина, нападающего на врага. В ладонь шириной, две ладони в длину и полторы ладони высотой.

- Вот достойный подарок Мериптаху! - решил Кар и тотчас подумал: "Надо предупредить его, чтобы он пока никому не говорил об этой находке: грабитель еще неизвестен..."

- Что здесь, Кар?

- Кладовая древних скульпторов, Акка.

В потолке видны квадраты окон, заложенные каменными плитами, возможно после смерти главного художника. А имя его стерли в надписях завистники.

Так подумал Кар, и, надо полагать, догадка его не лишена смысла. Точно знает лишь богиня истины Маат, но она неразговорчива...

3

...Они подплывали к столице в сиреневый предвечерний час. На северной набережной, где против храма устроен канал и прямоугольный залив, толпится народ. Издали будто муравьи облепили тело мертвой змеи. Сотни плакальщиц вопили на все голоса. Бритоголовые жрецы тянули заунывную молитвенную песню.

- Что это? - встревожилась Туанес.

Мериптах пожал плечами и повернул к берегу. Здесь течение спокойнее и преодолевать его легче. Но теперь высокий берег время от времени скрывал от них непонятное и беспокойное зрелище.

- Неужели?.. - сказала Туанес и прикрыла рот рукой, чтобы неосторожное слово не вырвалось на волю.

Мериптах понял ее: может быть, умер царь? И опять молча пожал плечами. Добравшись до острого выступа скалы, Мериптах убрал парус и взялся за весла. Шагах в семидесяти от места события ему удалось привязать лодку, и теперь они с Туанес могли видеть все сквозь щель в камнях, сами оставаясь точно в засаде.

В заливчике напротив храма стоял по колена в воде священный бык Апис. Рослый, играющий мускулами, бритоголовый Хену был на берегу. Вот он сбросил с левого плеча булую накидку, омыл руки и лицо свежей водой из кувшина. Взял веревку и подошел к быку.

Животное спокойно смотрело на него старческими подслеповатыми глазами. Не чуя беды, доверчиво обнюхивало своего палача.

Не торопясь, стараясь придать каждому жесту торжественность, Хену завязал прочный узел у основания правого рога. Протянул веревку к правой задней ноге и сделал там петлю. Вновь выпрямился и перекинул веревку через левое плечо быка, где ее подхватили трое дюжих помощников.

Веревка стеснила свободную позу, и теперь голова Аписа слегка отклонилась назад. Отдохнув, Хену стал говорить что-то ласковое, и животное, все еще повинувшись, сделало два неуверенных шага к середине реки, медленно погружаясь в воду.

И вот тут Апис - если не понял, не поверил в вероломство людей, то инстинктивно - рванулся к суше. По знаку Хену веревка натянулась - бык потерял равновесие. Он снова рванулся, но могучий Хену крепко ухватил его за рога и стал топить.

Теперь Апис догадался, в чем дело... В его взгляде немой ужас. Он хотел жить, только жить. Он рванулся - уже в последний раз, - тягостное предсмертное мычание пронеслось над равнодушной водой, захлебнулось ею, а рев фанатичной толпы как бы смял этот крик протеста и мольбы.

Мериптах обнял плачущую Туанес и нежно прижал к себе. Он молчал и сейчас, пораженный увиденным.

А в нескольких шагах от них, за высоким кустарником, рыдал в траве

седовласый Инхеб. Он слышал крик Аписа, словно обращенный к нему. Мольбу о сострадании. Вопль о пощаде. Вой толпы уничтожил все остальные звуки. А в ушах Инхеба все еще звучал зов Аписа...

Главный жрец Хену сегодня герой дня. Он доволен собой, очень доволен. Со стороны - он, если можно так сказать, "незаинтересованное" лицо. Ведь Апис - священное животное бога Птаха, кому служил Хену верой и правдой.

Но Хену помнил главное. При живом Аписе состоял жрец Инхеб - некая доля доходов доставалась ему. Кстати, не ценящему богатство и влияние в обществе.

Теперь же - со смертью Аписа - должность Инхеба упраздняется и роль Хену станет более весомой. Доходы - тоже. Каждому - свое.

Например, жена Хену, неунывающая Сенетанх, затерявшаяся в толпе, думала сейчас о другом. Ее взор привлек красавец Кар. Она мысленно сравнивала его с мужем. Правда, это давалось с трудом. Хену вообще ушел в храмовые дела. А последние девять дней он "очищался" и не имел права прикасаться к женщине, даже если это жена. И Сенетанх порой совсем забывала о нем.

Вид Кара доставил ей удовольствие. Она пробралась к нему. Он охотно вступил с ней в беседу и, желая помочь, без труда приподнял ее, чтобы она видела через голову толпы происходящее на берегу.

Ощувив на себе сильные руки Кара, Сенетанх поклялась при удобном случае завоевать и его...

4

Человек начинается с внешности - так говорит Мериптах, которому Кар привык верить. Так вот это начало в Сенетанх - весьма привлекательное. И многообещающее. Кар не рожден однолюбом, как Мериптах, и смыслит в таких делах. Кар - сущий клад для женщин такого же свойства!

Он лежал сейчас на зеленой лужайке пологого берега, возле Хапи, величественно и задумчиво бегущей к северу. Кар тоже задумался. Вода располагала к этому сама по себе, а тут еще одиночество и ночь, наступившая быстро, как беда...

Думать же человеку всегда есть о чем: окружавший его мир полон Нечто, то есть неизвестного. Самое же самое Нечто - это для чего живет человек? Чтобы служить фараону и богам - утверждают жрецы. Чтобы разгадать Нечто - говорит Мериптах. Чтобы любить Мериптаха - призналась Туанес.

Вот поди и разберись...

А может быть, так и должно: у каждого своя цель? Собственная? А у Кара? Гм... Я живу, подумал Кар, точно зернышко в ожерелье: вместе со всеми - вещь, а отдельно?.. Отдельно это "зернышко" не дает даже ростков - ни жены, ни детей... А ведь жить еще предстоит долго, может быть Вечность! Говорят - человек не уничтожим: поживет на этом свете, а потом - в Царстве Запада уже без конца.

И Мериптах верит в это. Иначе, говорит он, жизнь человека бессмысленна и непонятно было бы - к чему его создали боги? Однако, если верить жрецам, это область богов, а в чужом саду следует вести себя осторожно и лучше вовсе покинуть его.

Во власти человека - другое. Можно прожить в этом мире дольше или

уйти раньше, сделать себе гробницу большую или маленькую. Не зря художники изображают царя высоким, а фигуры даже его жены или приближенных - маленькими...

Но ведь люди и внешне разные. Как понять их внутренне отличие друг от друга? Мериптах и это знает: решающим будет то, как долго и за что именно будут живые помнить умерших!

Ну, а как надо жить, чтобы потом не жалеть себя?

Необходимо делать то, что доставляет тебе и другим удовольствие, отвечает его друг Мериптах. К примеру, рисовать, лепить или вырезать фигурки людей, животных, богов.

А я бы, подумалось Кару, я бы сейчас не прочь встретиться с красавицей Сенетанх!..

Едва он подумал так, как вдруг послышался шорох шагов по речной гальке, и пораженный Кар увидел... Сенетанх!

Не глядя в его сторону, она потянулась устало, медленно сняла свое платье и замерла между луной и Каром.

- Ах, это ты, - сказала она, вероятно почувствовав его присутствие, ибо он не издал даже крошечного, как пыльца лотоса, звука, а она не поворачивала головы. - Не смотри на меня...

В голосе ее не было испуга.

- Боги отнимут у меня зрение, если я перестану любоваться тобой, - прерывающимся голосом сказал он. - Где найдешь еще такую красу?!

- Довольно, - строго ответила чаровница. - Моя скромность не позволяет слушать такие речи! - Хотя Кар не произнес ничего недозволенного. - Ты вынуждаешь меня прервать твои слова...

Она решительно подошла к нему, присела рядом и прикрыла его рот своей маленькой дрожащей ладонью.

Лишенный возможности говорить, Кар заключил ее в свои могучие объятия.

- Так просто? - удивилась Сенетанх. - Если уж ты настаиваешь, то... сдулай мне сперва какой-нибудь подарок. На память...

Кар пошарил рукой в темноте и, нащупав омытый и отшлифованный водой камешек, дал его Сенетанх. "Соппротивление" ее было сломлено, и Кар приник к ее губам.

"Не знаю, что есть в Царстве Запада, - подумалось ему, - но эта земная жизнь и есть настоящий дар богов!.."

5

Мериптах и Туанес проводили этот вечер возле "своей" скалы у Города мертвых. Солнце только что уступило место высокому яркозвездному небу, но прохладный ветер Ливийской пустыни, огибая Великую пирамиду, обходил и их стороной, не мешая теплу, струившемуся с раскаленных за день склонов молчаливой усыпальницы и теперь согревавшему их.

Он рассеян и замкнут. В такие минуты его чувства обострялись: он вдруг слышал самые отдаленные и бледные звуки, видел ночью, как кошка, и воспринимал совсем легкие - как мысль - запахи, в другое время недоступные ему.

Иногда раздражался по пустякам.

Но Туанес знала, что все это - вдохновение. И ждала... Когда же, по ее мнению, настала пора, она тихо обратилась к нему:

- Говори, я хочу слушать.

Скульптор, казалось, ждал этого.

- Смотри, Туанес, смотри... Люди приходят, уходят. А звезды вверху остаются. Так остаются многие творения людей. Как эта пирамида, вон те гробницы вельмож, скульптуры. Почему бы все это не назвать звездами людей, только на небосклоне Времени!

- Повтори, Мериптах.

- Вот эти пирамиды, Туанес. Скульптуры. Рисунки. Письмена. Я называю их сейчас: Звезды Времени! Понятно?

- Ты хорошо говоришь, Мериптах, нельзя не понять...

- Я хочу, моя Туанес, зажечь на земле еще одну Звезду Времени!

- Говори... Я почему-то волнуюсь...

- Мы изображаем богов в виде людей с головою зверя или птицы... Ведь так?

- Верно.

- Я хочу, Туанес... Я хочу изобразить зверя с головой человека!

- Продолжай, Мериптах, только сразу. Ладно?

- Я хочу вырубить из нашей скалы Шесеп-анх: льва с головой человека... Вроде той скульптуры, что Кар нашел в кладовой древних и подарил мне. Я не перестаю о ней думать...

- А чья голова будет у него, Мериптах?

- Нашего царя, Туанес. На плечах льва!..

- ...но льва разъяренного, пожирающего своих врагов, Мериптах.

Трудная скульптура...

- Ну что ж. Трудности не пугают меня!

- О Мериптах, как я счастлива, что люблю тебя!

- Мы зажжем свою Звезду Времени, Туанес. Еще знаешь что? Я напишу на куске твоего папируса - помнишь, что ты недавно сделала в Гошене? - я напишу наши имена. Спрячу написанное где-нибудь внутри Хор-ем-ахета. Пройдут эти тысячи лет, а он будет хранить в себе нашу тайну.

Все больше воодушевляясь, они принялись обсуждать новый замысел. Обошли, казалось повеселевшую в лучах восходившей луны, скалу, радуясь воистину счастливому сочетанию возможностей.

Например, Клафт - головной платок царя, - по существу, как бы уже был вытесан солнцем и ветром. В выпуклости восточной стороны скульптор уже видел будущие черты лица... По распоряжению Анхи рабочие извлекали камень на склоне высокого берега, где находился Город мертвых, не у самой скалы, а шагах в ста от нее. Поэтому образовался глубокий и широкий ров подковообразной формы, будто нарочно очерчивающий "тело" будущей скульптуры.

С одной стороны ров зашел далеко, но с другой - вырыт лишь наполовину: можно было оставить часть его "на потом", чтобы рабочие и мастера могли вплотную подходить к "голове" и приставлять лестницы. Отпадала необходимость в подсобных насыпях...

Хуже обстояло с "передними лапами". Здесь скала обрывалась с незначительным наклоном вперед, над гротом, где была мастерская Мериптаха. Значит, придется их пристроить из каменных блоков. Также и "задние лапы", но они - короче. Да ведь это работа грубая, не требующая - при таких гигантских размерах - особого умения.

Мериптах принялся высчитывать необходимое число людей. Конечно, главная трудность - высечь голову. Допустим, будет занято здесь сто опытных мастеров. На каждую переднюю лапу - по тысяче рабочих. Но пятьсот - на задние лапы. И тысяча - на туловище. Четыреста - на различных непредвиденных работах и - резерв. Итого - четыре с половиной - пять тысяч человек...

Не так много?

Главное, не надо строить дорогу и возить материал издалека - все есть на месте, рядом. Готовое. Только бы добиться разрешения.

- Завтра же начну из глины изображение нашей скалы и местности вокруг, - сказал Мериптах. - Поможешь мне изверить все, записать...

- Хорошо, Мериптах.

Они радовались, как дети, этой затее, которая вдруг придала такой глубокий смысл их жизни и подарила им Великую Цель!

Теперь им станут радоваться все роде, думалось Мериптаху. Похвалят за талант.

Ах, как интересно жить, если знаешь - для чего!

6

...Кар тоже сегодня радовался жизни. Сенетанх крепко привязалась к нему. А нет мужчины, которой вначале не забавлялся бы этим...

- Почему ты не спрашиваешь, как меня зовут? - удивилась она.

- Потому что не слышу такого вопроса от тебя.

- Да, верно. Кто ты?

- Кар.

- Знакомое имя... Я, кажется, припоминаю... У меня дома подарков от мужчин...

- Я подсунул тебе простой камень, - признался смущенный Кар.

- Неважно, - отмахнулась она. - Зато я буду помнить тебя.

Кар весело засмеялся.

- Среди них, - продолжала она, не обижаясь, - есть плоский песчаник.

На нем нарисован кот, пасущий гусей. Мне подарил его один из жрецов моего мужа. Сказал, что это Кар так научил своего кота.

- Да.

- Разве ты фокусник?

- Это тоже так. А кто твой муж?

- Главный жрец Хену.

- Ого! - Кар оживился и проявил к ней больший интерес.

- Меня зовут Сенетанх.

- Краса царя?!

- Да, царь одарил меня своей милостью, - да будет он жив, цел, здоров! Он возвысил моего мужа в храме. Мне пора домой, Кар...

- Я провожу тебя.

Они пошли, болтая о том о сем, а потом - словно ручей с камня на камень - разговор перешел на предстоящий день.

- Завтра мастер Хеси будет дарить храму свою новую скульптуру - Аписа. Я хочу посмотреть...

- Аписа?! Сенетанх, ты сказала, что любишь меня?

- Люблю. Я всех люблю, а тебя - больше!
- Помоги мне спрятаться в твоём доме, а потом - проникнуть в храм и тоже посмотреть это зрелище. Прошу тебя!
- Хорошо, Кар.
- Ты очень любишь своего мужа?
- Он надоел мне.
- Гм... Тем лучше. Мы будем друзьями, Сенетанх.

Кар заметил ещё одну поляну и обнял свою подругу. Месяц укоризненно глянул на него с небес: ведь Сенетанх торопится домой...

7

Рабы бога ["рабами бога" в древнем Египте называли высокий разряд жречества] - жрецы Птаха - готовились к торжеству. Среди приглашенных особым вниманием пользовались жрецы из заупокойного храма Хуфу. Последние

привыкли к прочности и благоустройству своего храма и шепотом критиковали скудность и простоту обители небесного бога, покровителя мастеров, чей талант и труд овеществлялись главным образом в сооружениях погребальных.

В самом деле, храм Птаха был скромнее. За двойными стенами в глубине внутреннего двора со священным бассейном стоял дом на известняковом фундаменте. Его резной деревянный каркас выглядел нарядно, но все же это - не камень... Плетеные тростниковые стены - конечно, подлинные произведения искусства, но и они много беднее ослепительных белых стен заупокойных храмов царей.

В чистых и тенистых комнатах было жарко и душно - несовершенная вентиляция не обеспечивала их воздухом. Другое дело - дренаж. Желоба вокруг крыши имели по углам отверстия, чтобы собранную влагу отдать множеству канавок, выложенных камнем, по которым в дни редких дождей мутные струи сбегали в объемистые кюветы с наклонным дном. Затем вода, успокаиваясь и отшумев, могла не торопясь миновать жилые кварталы, чтобы, встретясь с другими ручьями, с шумом пробежать длинный ступенчатый спуск и соединиться с водами Великой Хапи.

Нынче во дворе храма Птаха оживленно, и Хеси, как всегда, свежий, веселый и изысканный, переходил от одной группы к другой, с усилием храня приличествующую скромность. Хену уже видел его изумительного алебастрового Аписа, успел выразить свое восхищение и как-то удовлетворил первое нетерпеливое тщеславие художника. В ожидании похвалы самого фараона можно было и побездельничать...

...Первыми во двор вбежали скороходы, уведомившие о приближении царя. Затем в воротах появились десять высоких нехсиу - нубийцев из личной охраны владыки Обеих Земель. Правитель великого двора Никаурэ, везир Иуимин и "заведующий всем, что есть и чего нет" (начальник казначейства) Сехемкарэ - все трое сыновья царя - шли в первой шеренге вельмож. За ними следовали: врач левого глаза царя Инухотеп, врач правого глаза Ренси, врач великодержавного сердца и желудка мудрый Ихгорнахт, начальник скота Схотцу, начальник туалета Габес, хранитель царского гардероба Схетепибрэ, начальник кебех - палаты омовения - Сенбеф, мастер и носитель царских

сандалий Хеперсенеб, начальник писцов Аменемхетсенеб, начальник охотников Хаанхеф, управляющий пустыней Хафраанх, начальник поручений Неджемид и...

Но теперь во дворе храма стало нестерпимо от сияния, сравнимого разве что с сиянием полуденного солнца. Сердца присутствующих замерли от сладкого волнения, все вокруг одухотворилось благочестивым восторгом, колени жрецов дрогнули, и тела их безмолвно распростерлись на земле, освященной появлением Благого бога!

Чернокожие гиганты внесли его на эбеновых носилках, инкрустированных золотом, серебром и слоновой костью. Уни, самый сильный человек в государстве, личный телохранитель, помог повелителю сойти. Голову царя украшал платок в белую и красную полосы, с золотым уреем - огнедышащей коброй, покровительницей фараонов. Широкое ожерелье из драгоценных камней ощутимо давило ему на плечи. От золотого пояса спускался белый набедренник из тонкого полотна, в мелких складках. На поясе висел передник из золота и слоновой кости, а сзади - львиный хвост. Ноги обуты в золоченые сандалии с перемычкой между пальцами.

В руках царь держал символы своей власти - гиппопотамовую плетъ и волопасовый крюк. Его карие глаза смотрели миролюбиво и, пожалуй, весело. Крупный ровный нос покрылся бисеринками пота. Лучезарный Рэ сегодня, как видно, тоже в отличном настроении - такой жары не было давно.

Слуги держали над головой повелителя плотный, ярко раскрашенный полог на эбеновых шестах из страусовых перьев. Хефрэ сделал знак, и Хену, бойко вскочив на ноги, начал приветственную речь:

- Владыка Обеих Земель, живущий вечно, родитель людей, бог премудрости, обитающий в наших сердцах, солнце лучезарное, озаряющее обе земли ярче солнечного диска, зеленающий поля больше Священной Хапи, жизнь, дающая дыхание, производитель существующего Птаха!

- Сенеб, Хену, Хеси, достойные слуги бога... Мне доложили о твоём даре, - царь повернулся к художнику, тут же поднявшемуся с земли и стоявшему с почтительно опущенной головой. - Я приготовил тебе награду, но прежде хочу взглянуть на дело твоих рук, подружившихся с камнем...

- О Хем-ек, да будешь ты жив, цел, здоров, - ответил ликующий Хеси. - Главный жрец Хену проводит тебя в святилище, да пусть взор твой порадуется моим Аписом.

Придворные расступились, Хену жестом пригласил царя войти в храм и последовал за ним в небольшом отдалении. Он как бы возглавлял теперь царскую свиту, сгоравшую от любопытства и с завистью посматривавшую на Хеси, шедшего по левую руку и чуть отступая от жреца.

Щель между стенами и потолком в святилище давала достаточно дневного света, но Хену приказал зажечь светильники, придавшие особую торжественность ритуалу.

Престарелый Инхеб, еще более ссохшийся после умерщвления Аписа, встретил царя у самой ниши, укрытой черной занавеской.

Припав к ноге царя, он поднялся, с грустью вздохнул и негромко сказал:

- Нет моего друга Аписа, Хем-ек, нет его. Сегодня я слагаю с себя жреческие обязанности после того, как представлю тебе творение Хеси из камня - творение достойное самого Птаха. Я сниму с себя шкуру пантеры...

- Сенеб, Инхеб, - с заметным интересом произнес Хефрэ. - Я хочу видеть его...

Инхеб поклонился и откинул занавес.

Но вот отчего-то Хеси закрыл глаза, и, словно подрубленный ствол пальмы, упал он на руки стоявших рядом с ним. Хену затрясся. Лицо царя стало суровым, глаза его округлились, а рот сжался от гнева.

Старый Инхеп невольно обернулся и обмер - ниша святилища была пуста!..

8

На городской площади, шагах в ста от храма Птаха, Кар потешал мемфисцев, окруживших фокусника тесной толпой. Вот Акка подал ему кувшин с водой, и Кар жадно пьет. Акка подставил теперь пустую чашу, и Кар выпустил изо рта воду... и с ней несколько маленьких серебристых рыбок.

Накинув на плечи просторный халат до пят, Кар очертил на земле круг. Акка уселся на камень и принялся выбивать на барабанах дробь, затянув заунывную песню. Засучив правую руку, Кар отважно извлек из корзины молодую кобру и пустил ее в центр круга.

На глазах мигом отступивших зрителей змея плавно приподняла голову с блестящими глазками и, раскачиваясь, стала раздувать шею. Но вот Кар на секунду покрыл ее халатом и... выпрямившись бросил ее в толпу.

Крик ужаса потряс площадь - и наступила тишина, вскоре нарушенная веселым смехом и возгласами одобрения: каким-то непонятным образом кобра на лету превратилась... в палку.

Кто-то из смельчаков кинул палку обратно. Кар ловко поймал ее, вновь обратил в змею и упрятал своего извивающегося и блестевшего, как горный ручей, партнера в корзину.

Затем Миу, упитанный кот, пас гусей, а Кар немного отдохнул. Тем временем Акка извлек из костра груды раскаленных угольков и рассыпал их в виде плотной дорожки. Кар кинул на них клочок ткани, вспыхнувший недолгим пламенем и упавший горсткой серого пепла.

Потом воздел руки к небу, как бы призывая богов помочь ему в эту трудную минуту, и... неторопливо прошел босиком по огнедышащей, словно урей в ярости, тропинке. Это был воистину славный подвиг!

Не только простолюдины, но и несколько знатных вельмож в длинных одеяниях примкнули к веселой, прославляющей Кара толпе в сопровождении слуг, грубо расталкивающих и малого и старого перед своими господами.

Вдруг на краю площади, со стороны храма, возникло новое оживление, все повернулись лицом туда и один за другим пали ниц, заведя процессию царя, быстро скрывавшуюся за углом ближайшего квартала. Телохранитель царя Уни и Кар успели обменяться многозначительными взглядами. Легкая улыбка как бы осветила напряженное лицо фокусника. Он кивнул Акке, и они принялись собирать свой реквизит и засыпать песком еще нестерпимо жаркие угли.

- Слава Кару! - вскричало несколько голосов.

Царь появился и скрылся так быстро, что толпа не успела прийти в себя и как следует приветствовать своего владыку, и теперь, точно замороженные одним видом промелькнувшего пышного эскорта, люди расточали похвалы своему любимцу фокуснику.

- Я думал, ты прыгнешь с огня, как саранча! - крикнул один.

- Я чуть не умер, когда ты кинул в нас змеей, - признался другой.

- Даже крокодил - виновник ужаса в воде - не холодил меня так! - подтвердил третий.

- Будь славен и впредь, отчаянный! - крикнули ему девушки.

Акка едва успевал собирать подарки и нагружать ими корзины на спине ослика. Даже когда все было убрано - городские власти строго следили за чистотой столицы! - и Миу погнал хворостинкой гусей домой, а за ним пошли Кар и Акка, к их ослику все еще подбегали то один, то другой и кидали подарки в корзины.

Кар весело отвечал провожающим, и по всему было видно, что он и сам был доволен сегодня собой, своим выступлением, а может быть, и еще чем-то...

9

День, когда везир велел Анхи и его младшему брату Мериптаху явиться к нему, ознаменовался событием, немаловажным для Кемта: утром дочь царя Рэхатра родила сына.

Радость вельмож неподдельна. Рождение царевича укрепило их надежду в скором времени пристроить своих сыновей в его свите. Многие из их дочерей - те, что еще появятся в будущем! - возможно, пополнят гарем молодого отпрыска царского рода.

Сегодня важно успеть в числе первых поздравить фараона с внуком, одарить младенца, погреться у костра царской радости - и кто окажется ближе, тому будет теплее.

- Хорошее предзнаменование, - успел шепнуть брату Анхи, когда курьер пригласил к везиру.

Мериптах кивнул и вслед за Анхи шагнул в большую светлую комнату. В дальнем ее конце, у квадратного окна с цветастой шторой, на ковре сидел царский сын Иунмин. Облокотясь на расписную подушку, он держал в руках длинный трехгранный стебель папируса. Сорок свитков с записями законов лежали перед ним на низком эбеновом столике.

По правую руку от него, скрестив ноги, сидел писец со своими принадлежностями и стоял в почтительной позе начальник кабинета. По левую - докладчик.

Братья приблизились к везиру на длину стебля, пали ниц, потом выпрямились и сели, поджав ноги.

- Мудрый Анхи, строитель нижнего заупокойного храма царя, обратился с прошением от имени своего младшего брата, скульптора Мериптаха, - доложил чиновник.

- Письменно? - поинтересовался везир.

- Да, муж правды, они написали все по форме, - подтвердил докладчик.

- Говори, - везир повернулся к Анхи.

- Позволь, премудрый, поздравить тебя с рождением племянника - усладой твоих очей!

- Спасибо, Анхи, тобою сказанное приятно мне. Как идет строительство?

- По воле богов. Еще порадуя тебя: на брата моего Мериптаха с неба упало вдохновение... Задумал он скалу, что возле нашего строительства, оживить скульптурой в образе льва с головой и лицом твоего отца, нашего царя, владыки Обеих Земель, да будет он жив, цел, здоров!

С первых же слов Анхи Иунмин уловил всю необычность замысла, и на лице его отразилось сильное волнение.

- Воистину боги озарили твоего брата! - воскликнул он, выслушав прошение.

- Тобою сказанное повторил ранее брат твой Мериб, начальник строительных работ царя.

- Он уже знает? - обрадовался Иунмин.

- Дозволь доложить... - робко вмешался в разговор курьер.

- Говори.

- Начальник белой палаты, казначей, брат твой Сехемкарэ, следует сюда...

- Торопи его, торопи. Он очень нужен сейчас!.. А, вот пришел ты, брат, пришел ты в самое время. Садись, прошу тебя, слушай мною говоримое.

Пока высокопоставленные вельможи обменивались мнениями, Мериптах исподволь рассматривал их самих, длинные одеяния - привилегию высокорожденных, - всматривался в их лица. Он впервые видел их так близко и впервые был в таком важном присутственном месте. Наблюдая за тем, как оживлялось лицо Сехемкарэ, он понял, что дело его осуществимо, на душе становилось легко и свободно, а мир - в эту минуту - казался ему населенным лишь добрыми, счастливыми людьми.

- Брат твой, Анхи, - обратился наконец Сехемкарэ к архитектору, - оправдывает свое имя: он действительно любим богом Птахом, говорю я! Обещаю тебе уговорить Хем-ефа утвердить ваше прошение...

- Благодарю тебя, начальник двух житниц, - пал ниц Анхи. - Позволь предсказать тебе долгую жизнь. Друг мой Кар учил меня распознавать долголетие на лицах людей.

- Хорошо, Анхи, хорошо, говорю я.

Если б знали они тогда, что оба будут жить при пяти фараонах! Что не раз еще вспомнят этот разговор...

- А каково мнение главного скульптора Белых Стен Рэура, который находится сейчас в южных каменоломнях? - спросил Иунмин.

- Думал я об этом, муж правды, - горячо отвечал Анхи. - Дозволь направить брата моего к нему для совета?

- Дальний путь, - задумался везир.

- Но ему все равно необходимо время, - убеждал Анхи. - Время нужно, чтобы сделать модель из глины, увидеть в себе готовую скульптуру, каждую мелочь...

- Хорошо сказанное тобою, - согласился везир. - Пусть едет, а мы доложим Хем-ефу.

...Братья снова на оживленных улицах Белых Стен. Они идут, не обращая внимания на прохожих, окрыленные успехом и жестикулируя, как бы лепя в воздухе величественного Шесеп-анха.

И кто бы мог подумать сейчас, глядя на них со стороны, что вот идут два этих человека, задумавшие нечто невиданное доселе, достойное пережить даже всех фараонов Кемта!..

НОЧЬ ТРЕТЬЯ,
под алым парусом и звездным небом...

"Слово труднее всякой работы!.."

Прав, воистину прав был многоопытный Птах-хотеп, однажды, тысячелетия назад, написавший эту фразу в своих поучениях.

И перо есть, и бумага, а... слов - нужных, единственных, выразительных - маленькая горстка. И ту сидишь и перебираешь, как рис из замусоренного мешка: не знаешь, что проще - выгребать сор или выискивать драгоценные зерна.

Кто сможет описать каирский базар Хан-аль-Халили, где вот уже сотни лет происходят ристалища мастеров и ценителей, умельцев продать и гениев, наловчившихся купить только то, что им нужно?

Более достойные, чем автор этих строк, считают каирский базар вторым после истамбульского, а тот - вторым после багдадского. Не бывал я в Багдаде, а под крышей истамбульского базара бродил. Нет, не то, друзья мои, совсем не то! Там более благоустроено и четко распланировано - это верно. Зато на каирском базаре любой запутается!

Зайдешь в одну лавку - и ладонью прикрываешь глаза, до того нестерпимо сияние медных тазов и кувшинов, старинных ламп и кальянов. Присмотрев какую-то дверь, толкаешь ее, но... вместо улицы снова попадаешь в лавчонку, где несколько прохладнее и еще светлее от звонкого сияния серебра.

Хочешь выйти на воздух? Ступай вон в ту дверь... Но будь внимателен - улица узка, и ты, идя по ней, невольно задеваешь плечами гирлянды золотых украшений, что висят по сторонам, как шнурки для ботинок.

А вот золотых дел мастер. Не спеши, присмотришь, как он ловко чеканит бесценную безделушку. Рядом горн и простейшие инструменты. Постукивая молоточком, мастер чеканит браслет. Какая красавица наденет его? Бог весть! Теперь чадра не в моде - девушки ходят в коротких платьях и оголяют руки, - чтобы украсить их, надо немало вдохновенного труда, споря с самой природой.

А вот гравер покрывает мелким узором золотой кулон с головкой прекрасной Нефертити. Заметив мое любопытство, мастер весело смеется. "Нынешние девушки ничуть не хуже, - уверяет он. - Чья грудь и бронзовая гибкая шея созданы для этого украшения?"

За поворотом - башмачник. Виртуоз! Глядя на его товар - расписные панталеты, сандалии и туфли на высоком каблучке, - веришь ему, будто нет на свете ничего прекраснее и более всего примиряющего с житейскими невзгодами, нежели стройная, нежная женская ножка! На этот раз башмачник изобрел больше эпитетов, чем их имеет сам Аллах.

Но что это? Я набрел на уникальный магазин шахматных досок и фигур. Но каких! Из слоновой кости, эбена, красного дерева, пальмы. Одни доски инкрустированы перламутром, другие утопают в орнаментах из серебра.

- Ах, эффенди, - тянет меня кто-то за рукав. - Именно вас я и ожидал... Еще утром, открывая магазин, я сказал себе: Санд, сегодня у тебя необычный день... Заходите ко мне - и вы поймете, что металлы - это мразь, как бы их ни называли благородными. Дерево и перламутр - забава. Истинное наслаждение человек получает в созерцании драгоценных камней. Вы мусульманин?

- Нет, добрый человек, я по происхождению христианин, но стал безбожником...

- Мир велик, а Аллах - мудр, - уклончиво говорит продавец. - Места в мире хватит всем. Не знаю, почему люди воюют, когда можно честно торговать? Смотрите, это - александрит...

Он ловко включает освещение с разных сторон, поочередно, - и чудесный камень изменяет не только свой цвет, но кажется, будто меняет размеры и форму. А ведь прав шельмец! Может быть, любование такими камнями и породило в головах поэтов и сказителей волшебные сказки "Тысяча и одной ночи"?

"Добрый человек" назначает королевскую цену и готовится к самому священному обряду в этих торговых храмах каирского базара - торгу. Длительному и страстному. Образному и неустанному.

Но я не подготовлен к ритуалу и исчезаю быстрее обычного: меня привлекает иное...

Гордость базара Аль-Халили - антикварные лавки. Вы заходите в обширное помещение, погруженное в полумрак. Пыль веков на старых стенах и ветхом, подозрительно упругом полу. И попадаете в мир вещей, услаждавших сердце и глаз наших предков тысячелетия назад.

Браслеты и кольца, кувшины и скульптуры, летающие сундуки и волшебные лампы, ковры-самолеты и амулеты, письма и фигурки из гробниц фараона... Как в сказке!

Большая часть их - оригиналы. Каждое произведение искусства снабжено документом, подтверждающим его подлинность и историю открытия. А рядом - бумажный кружочек или квадратик с ценой, взглянув на которую покупатель издает цокающий звук, закатывает глаза к небу и начинает быстро перебирать четки...

Но как бы то ни было, а каждая лавка древностей Аль-Халили - настоящий музей, и многие часы, проведенные в них, оказались весьма полезными для меня. Благо, что добрые по натуре продавцы с явным удовольствием давали необходимые пояснения на смеси из десятка языков и ста тысяч жестов и даже позволяли потрогать или взять в руки, если сама вещь была мала, а то и зарисовать.

2

В одной из таких лавок - на левой стороне главной улицы базара, если идти от мечети Аль-Азхар, - я бываю чаще, нежели в остальных, ибо хозяин ее не только гостеприимный человек, но и прирожденный египтолог.

Ему очень нравится название моего города и смущает необычность моего имени. Поэтому, едва я переступаю его порог и вхожу в таинственную сень его волшебной обители, он направляется ко мне и громко восклицает:

- О Ростов-Дон-бей, салам!

- Салам, отвечаю я, с удовольствием пожимая его руки, через которые прошли тысячи произведений искусства, пролежавшие до того десятки веков в египетской земле.

- Вы не были у меня два дня!.. Я смирал тревогу надеждой, что вы благополучно путешествовали в Прошлом... Не так ли?

- Угадывать истину - лишь одно из многих ваших неоценимых качеств, -

отвечаю я в тон ему. - Не удивлюсь, если сегодняшний визит к вам увеличит мое огорчение, вызванное столь долгой для меня разлукой!

- Ваши слова - бальзам. Придет время - и многое исчезнет на земле, даже пирамиды обратятся в пыль... Но ласке человеческой - конца не видать! В последний раз вы изволили четыре часа просидеть у этой фигуры...

С этими словами он вновь подводит меня к черному диоритовому сфинксу, который, как я рассказал собеседнику еще в прошлый раз, вдохновил Мериптаха.

- Но он был найден в кладовой древних скульпторов, этот маленький сфинкс, - задумчиво говорит хозяин лавки. - Как же он опять попал на то же место, откуда его взял Кар, чтобы подарить своему другу?

- Не все сразу, - говорю я. - Очевидно, и эта тайна раскроется когда-нибудь...

- Вы полагаете, что и воображение способно угадывать истину?

- А кому нужна фантазия, не угадывающая ничего? Беспочвенная?..

- Вы правы! Аллах разумно устроил человека... Тогда взгляните сюда: возможно, это, в самом деле, наведет вас на след.

С этими словами мой собеседник извлек из папки, на которой стоял сфинкс, фотографию и какие-то бумаги.

- Я думал, что это просто подложено под скульптуру, чтобы не портить полированную поверхность столика, - смутился я.

- Его отполировали две тысячи пятьдесят лет назад, - с гордостью сказал он. - Нет, нет, здесь акт, подтверждающий, что диоритовый сфинкс найден археологами... Посмотрите на фото: вот здесь лежал труп мальчика двенадцати-тринадцати лет. Рядом нашли этого сфинкса и еще кое-что...

- Не томите, умоляю!

- Сейчас, сейчас... - он зашел на минуту в свою "подсобку" и вынес глиняную фигурку девушки.

Красивое удлиненное лицо с ямочками на щеках и углублением на подбородке.

- Но ведь это... Туанес! - воскликнул я.

Хозяин лавки внимательно посмотрел на меня, молча вздул угасающий кальян и сделал несколько затяжек.

- Тогда, - проговорил он, - тогда вам есть смысл побывать на месте... Сейчас я объясню, как туда добраться... Эта кладовая была засыпана песком снаружи и внутри, вероятно, не одно тысячелетие. А теперь - можно ее посетить...

...Я был там к вечеру, когда спала дневная жара. Западная стена оказалась разрушенной - обвалились при раскопках, - и я увидел помещение как бы в разрезе. Рядом с самим зданием, вернее наскоро переоборудованной усыпальницей, был двор и три - теперь высохших - колодца.

В восточной стене зиял неровный проход. В потолке, в сохранившейся его части, имелось четырехугольное отверстие и тонкая плита рядом, некогда прикрывавшая его.

Все, что было найдено внутри, - вывезено. Я присел на камень в углу, где, судя по фотографии, лежал труп мальчика. Вокруг еще сохранились обломки камня: что-то происходило здесь - отчего частично обвалился потолок и, возможно... придавил мальчика...

Множество видений возникло передо мной. Уже взошла луна, когда я вновь вернулся к событиям предыдущей главы.

Мериптах полулежал на палубе "Быка", облокотясь на бухту папирусного каната, неподалеку от кормчего, ворочавшего тяжелое рулевое весло. Попутный северный ветер надувал алый, расписанный белыми, синими и желтыми розетками парус, гудел и посвистывал, помогая судну бороться с ровным встречным течением.

Был период наводнения. В этом году начало разлива, совпадавшего с появлением на небе Сотиса, пришлось на сорок пятый день.

Вода принесла с юга горы плодородного ила и, покрыв поля на берегах, медленно оттаивалась, вновь отдавая его земле. Еще в разгаре работы по строительству царских усыпальниц, гробниц вельмож и их домов. Сверху, по течению, шли встречные суда из Суна, груженные розовым камнем.

Кормчий монотонно тянул знакомую песню:

Привет тебе, Хапи,
Выходящий из этой земли,
Приходящий напитать Кемт...

Неделю за неделей плывут они на юг по величественным водам Хапи, любясь ее то ровными зелеными, то гористыми серыми берегами. Как необъятен Кемт, сколько интересного в нем!

Два дня провели они в Оксиринхе, где люди поклоняются остроносой рыбке с длинным плавником на спине и красным хвостом. Другое дело их соседи из Песъей области, что живут выше по течению: их бог изображается в виде человека с головой собаки. Это привычнее. Нехорошо только, что там не уважают верований оксиринхцев: ловят их священную рыбку и едят...

Сегодня путешественники в гостях у этих людей и в тени кустарников развели костер, чтобы приготовить рыбный суп. Пожилой роме по имени Хунух, один из уважаемых здесь, заметив оксиринха в серебристой трепещущей кучке, приказал выбросить рыбу обратно в Хапи.

- К чему? - удивился юноша, тоже уроженец этих мест. - Рыба вкусная, пусть соседи позлятся, если узнают! - и беззаботно рассмеялся.

- Молчи! - повелел разгневанный Хунух. - Я сказал: надо уважать всех роме!

- Вот еще... - неуверенно произнес юноша.

- Раньше, - сурово сказал старик, - роме жили обособленно друг от друга, каждый в своем сепе. А сейчас у нас у всех одно государство - Кемт. У нас один божественный царь, да будет он жив, цел, здоров! Единые боги. Знаешь ли, что такое Та-Мери?

- Знаю, отец: "Земля возлюбленная..."

- Та-Мери? - взволнованно повторил Мериптах.

Он слышал и ранее это название своей страны, но оно значило для него то же, что Кемт. Сейчас оно вдруг наполнилось новым содержанием.

Так бывает, когда с факелом зайдешь в пещеру или гробницу, но ветер тут же задует его. Мгновение - и мрак окружает тебя, но ты уже видел все и сумеешь пройти даже не на ощупь, а просто так...

- Царская дочь Рэхатра родила наследника, - сказал Мериптах, меняя

тему разговора.

- Да ну?! - воскликнул юноша. - В Белых Стенах все радуются?..
- А вы не знали? - спросил Мериптах старика.
- Новость не сокол, - ответил старик, укрепляя над огнем чан с водой.
- Но ты сказал - и теперь мы тоже знаем.
- В столице действительно все торжествуют.
- Может, не все... - заметил Хунух.
- Почему? - спросил юноша.
- Забота затмит радость простых роме, - неопределенно ответил старик.
- Слышу я лишь начало... - Намекнул Мериптах.
- Я сказал: роме живут далеко друг от друга, на берегах Хапи, но все мы - одно государство.
- Так что же?
- А то, что жены свободных простых роме должны сейчас родить много, очень много сыновей... Строителей дома для нового царевича... Мастеров для его усыпальницы... Садовников его сада... Слуг для умощения его тела... Поваров для его кухни... Еще понадобятся врачи для его здоровья... Писцы для пополнения его библиотеки... Учителя для его воспитания... Художники нужны, скульптуры для украшения его жилища и заупокойных храмов...
- Ну, это уже не дело простых роме! - запальчиво возразил юноша.
- Правду говоришь, да не всю...
- Слушаем мы тебя, внимательно слушаем, - сказал Мериптах.
- Конечно, большинство мастеров, врачей, художников дадут семье вельмож.
- Но будут они еще из простых роме, тоже будут убежденно сказал Мериптах.
- Верно тобою говоримое, - согласился Хунух. - Выйдут они из простых роме, а труд свой отдадут царевичу. Весь, думаю я. Еще вельможам часть. Нам - ничего не останется.

"Прав старик, - задумался Мериптах. - Ведь Кемт - одно целое. Царь. Еще вельможи. Больше же всех простых роме. И все - одно государство! А что бы делал царь, если б не было остальных роме?.. Прав старик... Голове без тела - трудно... А телу без головы? Как понять все это? Боги устроили мир слишком сложно?.. А художники, когда говорят, - думают только о царе. Богах. Еще вельможах. А роме? Нужно ли думать о них тоже? И как это может выразить скульптор?"

- Садись ближе, - прервал его Хунух. - Суп готов... Думать еще будешь. Потом. Раньше богиня Маат открыла истину только ею избранным. Теперь, Мериптах, она обратит свое лицо еще к тому, кто сам многое поймет...

- Как добиться этого, Хунух? Скажи, если знаешь.
- Как? - вздохнул старик. - На месте сидеть - очень долго жить надо, говорю я. Ходить вдоль Хапи - быстрее жизнь поймешь. Точно не знаю я...

И стал разливать в миски рыбный суп, а кто ест - не должен словами отгонять аппетит и портить настроение соседу. Все воспитанные люди знают это.

На подходе к Шмуну, центру Заячьей области, с обеих сторон показались фиолетовые горные кряжи, и Мериптах с удивлением смотрел на них. Всю свою жизнь он прожил в низовьях Хапи, где только на западном берегу есть небольшие холмы и в Гошене - каменоломни. Сильное впечатление на него произвел город Кебто. Если отсюда идти пять дней на восток, то за черными горами откроется тебе теплое море, по которому можно доплыть до самого Пунта!

Туда, к морю, вела хорошая дорога, но люди отправлялись с тяжелым грузом воды и продовольствия и с сильной охраной. Мериптаху удалось даже проводить один такой караван, и он насчитал в нем более трех с половиной тысяч человек!

Среди этих бывалых путешественников оказалось немало занимательных рассказчиков. Он с удовольствием слушал рассказы проводника Сеннофра - знатока неисчислимых божественных истин.

Однажды разговор шел у костра, дававшего не столько тепло (в этой местности его всегда хватало с избытком), сколько свет, а главное - повод собраться вот так группой, от нечего делать, но плечом к плечу, и поразмышлять.

Кто начал разговор, которые заинтересовал Мерептаха, он не запомнил. Но вот кто-то спросил: "Откуда взялись роме?" - и Сеннофр, радуясь тому, что считал себя осведомленным, решил ответить.

- Все, что видим мы, - начал он, - солнце, луна, небо, стоящее на четырех столбах над землей, - вылупилось из волшебного яйца...

Слушатели разом смолкли, давая понять, что именно это интересует их, а глубокие познания рассказчика ни у кого не вызывают сомнений.

- Боги же, - продолжал Сеннофр, - были сами по себе. Однажды бараньеголовый бог - горшечник Хнум, супруг Хекет, что с головою лягушки, вылепил на своем гончарном круге первых роме. Из глины. Дальше они стали рождаться сами, как и мы с вами, покидая чрева своих матерей... Стало много роме в стране Кемт. А было это дважды, трижды давно, когда предки наши остались одни...

- Как один?

- Очень просто. Боги тогда управляли страной. Потом старели они, стали уходить к себе на небо. Пока не ушли все... Одичание, запустение воцарилось в стране Кемт. Рассыпались домашние очаги. Позабылись законы. Роме принялись поедать друг друга! Долго было так. Пока молодой бог Осирис вновь сошел к ним. С любовью стал он заново учить роме отличать злаки от диких трав, обрабатывать землю, варить хенкет, готовить вино. Его жена, единоутробная сестра, Исида срезала колосья, показала, как извлечь зерна. Натерла муки. Спекла лепешки. Вдвоем они вновь раскрыли роме сладость поклонения богам, а мудрый Тот - с головою ибиса - обучил возрожденных жителей Кемта божественному искусству письма...

- А я слышал, что роме произошли из слез божества, - возразил кто-то, пользуясь минутной паузой.

- Многое можно услышать, - солидно ответил Сеннофр. - Я говорю вам истину...

- Продолжай, - раздались недовольные голоса. - Не перебивайте его!

- А потом Осирис отправился на помощь другим одичавшим народам, поручив жене своей Исиде управление страной. Когда же Осирис вернулся, брат его, злой, уродливый Сет, на пиру велел принести красивый ящик. Он сказал еще, что подарит его тому, кто свободно уляжется в нем. Одному

Осирису ящик пришелся в пору... Сет тотчас накрыл его крышкой, залил щели свинцом и бросил гроб в Хапи!

- Дальше, - торопили Сеннофра. - Долго отдыхаешь...

- Много странствовала Исида, пока отыскала тело мужа, но краснолицый Сет разрубил его на четырнадцать кусков, раскидав по всей стране Кемт. Исида вместе со своим сыном Хором собрали их. Но тут Сет вступил в бой. Вырвал он глаз Хору, а все же Хор победил! Оживила Исида тело мужа заклинаниями. С той поры Осирис не может ни стареть, ни умереть. Оставил он землю, но не вернулся и на небо, а поселился в Царстве Запада, где время - вечно. Тогда и остальные боги присоединились к нему, обретя бессмертие. Так Осирис избавил все живое от страха смерти, а ведь нет, говорю я, иного блага, сравнимого с этим!

- Потом?

- Теперь боги решили не покидать Кемта. Добрый Хор взял на себя управление страной: на троне всегда есть царь, который - частица божества. Потому роме никогда больше не останутся одни...

- Хорошо рассказал, - похвалил Мериптах, сидевший рядом с Сеннофром.

- А что такое роме?

- Объяснил я тебе уже, что роме есть творение богов, - ответил Сеннофр. - Тело наше состоит из вещества, еще - из божественных незримых сущностей: ка, еще - ба... Ка - это наш "двойник", душа нашего тела. Ба - главный дар богов - есть то, что живет в нашем теле, в нас самих.

- А что такое жизнь?

- Это - дыхание...

- А смерть?

- Тление... Поэтому бог Анубис - с головой шакала - обучил роме искусству бальзамирования, сберегающего тело от разрушения. Иначе, после смерти ка, ба лишится своего жилища.

- А если тело сгниет?

- Можно в гробнице поставить статую умершего взамен тела!

- Не каждый сможет это сделать, - вздохнув, произнес кто-то в темноте.

- Это не обязательно, - горячо пояснил Сеннофр. - Главное, чтобы в Царстве Запада жил царь, еще вельможи - его божественные лучи.

- А остальные? - тихо спросил Мериптах.

- Важен тот, кто при жизни имел значение! - убежденно ответил Сеннофр, и слушатели согласно закивали головами.

- Ты много путешествовал, - продолжал Мериптах, - скажи: а другие народы тоже создал наш Хнум?

- Нет. У каждого свои боги. Потому-то человек должен постоянно жить в своей стране, охраняемый своими богами.

- Разве ты покинут ими, бывая в далеких землях?

- Нет, говорю я. Но там есть другие боги... Они могут вмешаться...

Путешествия поэтому опасны. Так всегда было - всегда будет!

- Расскажи о самом дальнем крае, где ты был...

- Ты имеешь в виду Пунт? - осклабился Сеннофр. - Далеко он - верно. Но я бывал в стране черных людей на Юго-Западе!..

Шум восхищенных голосов прервал его. Об этой полулегендарной стране слышал и Мериптах. Да что там - нет человека в стране Кемт, кого бы не волновали слухи о таинственной земле.

- Я был среди тех, кто открыл ее! - самодовольно признался Сеннофр. -

В тот год мы прошли по пескам и травам больше, чем за всю свою жизнь... Видел я, видел город, обнесенный стеной, с башнями по краям. Богато живут в нем! Видел я в хранилищах стволы эбени, кость, драгоценные камни, золота - больше всего... Люди живут в нем мирные, не знающие битв. Леса там густые, без края... Своя Хапи у них... Свои боги...

"Сколько же народов в мире? - задумался Мериптах. - И каждый - сам по себе, не зависит от другого. Прав старик Хунух из Песьего сепе, говоривший о том, что главное для людей - свое государство. И что простые роме есть живая часть страны Кемт. И царь, и его подданные, и простые роме - есть одно целое... Тем более что у каждого народа - свои боги! Но если правда в этом - художник может создать облик все своей страны... А как? Возможно ли такое вообще?.."

Нельзя сказать, что Мериптах не знал раньше легенд о сотворении людей. Слышал от несколько версий - ведь на земле немало сменилось поколений и каждое по-своему стремилось объяснить мир.

Но как приятно вот так, у костра, услышать еще раз из уст даровитого даже известное тебе, и, кроме того, в такие минуты легче переосмыслить познанное в беседе с самими собой, - что есть одно из наиболее загадочных и ценных милостей богов...

5

Подплывая к Омбосу, покровитель коего священный крокодил Собек, они заметили еще издали мрачную, молчаливую толпу. А когда люди на берегу приняли канаты и накинули петли на швартовочные столбы, врытые в землю, и путешественники сошли по трапу на пристань - их взорам предстала грустная картина.

Тридцать усердных исполнителей отряда нравоучителей секли розгами пятнадцать покорно распростертых голых худых тел. Чиновник, взимающий налоги, и его писец сидели рядом за столиками с вкусными угощениями и лениво отсчитывали удары.

- Сенеб, - негромко произнес Мериптах, подходя к ним.

- Сенеб, - оживился чиновник. - Откуда ты?

- Из Белых Стен.

- О! Длинный путь за твоей спиной, - уважительно сказал чиновник.

- Что происходит здесь?

- Разве не видишь? - усмехнулся писец, поворачиваясь к Мериптаху.

- Не отвлекайся! - строго одернул чиновник своего помощника.

- Как сказал ты? О боги, я уже сбился со счета, - огорчился писец и махнул экзекуторам. - Стойте! Потерял счет... Начинайте сначала... Р-раз... Два... - и, чтобы не мешать начальнику и гостю, принялся дальше отсчитывать удары про себя, беззвучно шевеля толстыми влажными губами.

- Эти люди, - кивнув в сторону истязуемых, пояснил чиновник, - в минувшем году уклонились от строительства усыпальницы нашего царя, да будет он цел, жив, здоров! Лентяи: всего три месяца каждый роме должен отработать в Городе мертвых... Не хотят... Некоторые же не уплатили налогов...

- Ты, верно, забыл наказать их в прошлом году?

- Тобою сказанное обидно мне. Я труженик, труженик я - не в пример

этим ленивцам... Но время прошло: захотел я напомнить им - пусть стану я хвалимым вельможами нашего сепе. Скоро вновь наступит их черед...

- А остальные? - Мериптах оглядел густую толпу, заполнившую пристань.

- Ждут своей доли... Куда путь держишь?

- На южные каменоломни.

- Дело. Там проще, чем у нас. У них рабы есть. Тысячи. А мы забыли, когда воевали... - сердито добавил чиновник. - Наши рабы почти все повымерли. А свободные роме становятся лишь причиной моих забот... Не платить налоги?! Что же тогда будут есть вельможи? Верные слуги царя... А жрецы? Кемт - наше общее государство.

6

...Мериптах и сегодня работал весь день. Хотелось явиться к учителю с готовой моделью новой скульптуры. Несколько вариантов перебрал он, но нужное решение пришло только сейчас. Еще дома они вдвоем с Анхи обсуждали будущий облик Шесеп-анха. Можно сделать его в духе "статуи согласно жизни", то есть таким, как он выглядел бы "на самом деле". К этому тяготел Мериптах. Можно решить его и условно, подчеркнув божественность и величие. Так хотелось Анхи.

Постепенно они уступали друг другу.

- Надо, чтобы лев выглядел как живой, - настаивал Мериптах.

- Хорошо, - соглашался Анхи.

- А лицо человека тоже настоящее!

- Пожалуй.

- Условность остается в самом замысле.

- Понимаю.

- В этом случае правдивость деталей оттенит общий облик замысла...

- Я слушаю.

- ...условность же замысла заставит обратить внимание на верность исполнения.

- Согласен, брат...

Радостью был отмечен день отъезда Мериптха. Анхи с утра вызвали к везиру, а вернулся он ликующий.

- Мериптах, брат мой, - волнуясь, сказал он, - царь наш - да будет жив, цел, здоров! - разрешил строительство Шесеп-анха! Он пожаловал тебе гробницу, которую хотел подарить Сепу...

Мериптах присел на циновку. Отныне жизнь его стала свркающей, как сам Рэ: нет радости выше творчества! В первую минуту он даже не осознал, что уже отмечен высшей наградой в государстве.

В районе богатой усыпальницы Хемиуна - строителя Великой пирамиды - воздвигалась гробница, и царь однажды пообещал подарить ее Сепу. К тому времени, как она была почти готова, в земной жизни Сепе произошли неприятности.

Сеп - необычная фигура даже в столице, где нельзя пожаловаться на однообразие людей. Высокий, здоровый, с несколько ассиметричным лицом. Вдобавок - заика, и, когда волновался, слушать его приходилось долго.

Отец его, мастер по камню, оставил небольшое состояние и семь мастеров, работавших под его началом в городской мастерской.

В искусстве Сеп оказался посредственностью, но боги даровали ему предприимчивость. За несколько лет он расширил мастерскую и превратил ее в предприятие, выполнявшее заказы знатных вельмож.

Мериб, строитель царской пирамиды, заказал ему скульптуру самого Хефрэ, из диорита, для заупокойного храма. Сеп использовал камень из царских запасов для... своей скульптуры, в свой сердаб, в расчете, что он "чуть позже" выполнит работу Мериба из слудующей партии камня, что должны во-вот доставить ему. Слишком спешил он, думал о себе, и медлил - когда дело касалось царя...

А судно с диоритом затонуло в пути, расчет Сеп не оправдался... Разгневанный фараон отменил свою милость и вот теперь... подарил гробницу Мериптаху!

Когда боги захотят порадовать человека, то - поскольку их много - блага так и сыплются на счастливого избранника, точно из рога изобилия...

- Брат мой, - сказал Мериптаху Анхи, - пока ты будешь плыть на юг, затем обратно, камень мы будем брать тут же, возле будущего Шесеп-анха, освобождая заодно площадку для него.

- Как хорошо исходящее из уст твоих, - растрогался Мериптах. - Вместе с другими, которые вместе со мной, мы сделаем все быстро...

...Воспоминание об этом поддерживало Мериптаха все дни долгого, хотя и не слишком утомительного для него путешествия. А в такой внутренней поддержке он, оказывается, стал нуждаться.

Могуч и многотруден Кемт. Бесперывно, как песня путника, тянулись по берегам затопленные, но заметные для опытного глаза оросительные каналы. Сотни плотин воздвигали роме - малых и больших. Каждая из них - это две тростниковые или камышовые стены, с камнями между ними. Наружные стороны тщательно обмазаны плотным илом.

В районы высоких земель, где стоят каменные дома знати, воду приходится поднимать. Бедные же селения расположены на низких, нередко затопляемых землях. Грустно проплывали они мимо их судна. Хижины издали напоминали голубятни.

Только сейчас, уйдя далеко от белых стен столицы, Мериптах начал всматриваться в худое, изможденное лицо своей родины. Всюду десятки обездоленных, лишенных радости познания, далеких от возвышающего влияния искусства, безвольных, ведущих тягостное существование - кормили одного вельможу, или чиновника, или художника, такого же, к примеру, как и... Мериптах!

Только труд от зари до зари - их удел. Только молитвенное, мысленное обращение с богами - их источник крохотных надежд. Только часть их скудной пищи, отрываемой от себя для жертвоприношений, дает им чувство исполненного приятного долга.

И почти везде, несмотря ни на что, он все чаще слышал слова Та-Мери...

Новое чувство - любви не только к родному городу, но и ко всей стране Кемт - появилось в нем. Теперь у него возник совсем иной замысел, и он стал считать часы, остававшиеся до встречи с учителем.

Он хотел воздвигнуть скульптуру на века, на тысячелетия!

На тысячелетия?..

Значит, надо позаботиться о прочности, долговечности. Очертания должны быть просты. Долой мелкие, хрупкие детали! Ни к чему и тонкая шея...

Шея?

Но ведь на голове царя платок - клафт, сзади он скроет ее и придаст небывалую крепость и устойчивость фигуре. Надо немедленно проверить это в глине.

Мериптах подскочил, как мальчишка, и кинулся к носу судна, где у высокого борта стоял его маленький Шесеп-анх. Теперь он знал о нем почти все, а знающий - сам подобен богам!

7

Звезды ярко сияли над пустынным Городом мертвых. Ступенчатая пирамида, хотя и отделенная от остального мира высокой стеной, казалась матерью, окруженной множеством младенцев, - такими скромными в сравнении с ней выглядели каменные гробницы вельмож, современников усопшего царя.

В ладу или во вражде жили они когда-то, хвалили или порицали друг друга, ласкали красивых женщин и презирали простолюдинов и рабов, кормивших и одевавших их, - по-разному складывались их судьбы.

И только у Вечной черты смерть властно остановила их, приняв в свое молчаливое лоно.

Здесь успокоились они. Здесь угасла их земная борьба. Здесь, на западе от Хапи, они укрылись камнем. Как при жизни тянулись они к своему царю, так и, окончив бранные годы, окружили великодержавный саркофаг в Царстве Запада.

Столетия спустя фараоны будут хоронить себя в тайниках, убегать от могил современников и прятаться от грабителей. А во времена Хефрэ поколение высокорожденных, высокоудачливых и высокоодаренных вместе жило и

творило, вместе ложилось навечно в одном Городе мертвых. Появлялись уже и тогда грабители, но одиночки, как и то, что сейчас, пригнувшись, перебегают от усыпальницы к усыпальнице, замирая порой в черных косых тенях и чутко прислушиваясь к ровной и печальной тишине...

Куда и какая сила влечет его сейчас? Кто он?

Зорко оглядываясь, он упрямо и уверенно обогнул стену пирамиды Неджерихета и направился к уже знакомой нам кладовой древних скульпторов, засыпанной сверху песком, напоминающей, особенно ночью, скорее бархан, нежели постройку разумных существ.

Вот он еще раз оглянулся, одним движением отвалил плоский камень от неровного овального отверстия, пролез в узкий проход и, присев на корточки, принялся добывать огонь, быстро вращая при помощи маленького лука палочку в деревянном гнезде. Нескоро тепло трения превратилось в огонь, но незнакомец не спешил. Он был вооружен, а неторопливостью своих действий как бы старался убедить себя в том, что ему не грозит никакая опасность.

Как и в прошлый раз - если это был он, - незнакомец пошел левым ходом, уверенно минуя неровности покосившихся от времени стен, и, следуя по знакомому пути, проник в зал, где стоял алебастровый Апис и... где он стоит сейчас?!

Незнакомец отступил на шаг, но скорее от неожиданности, нежели от испуга, и поднял горящий фитиль выше. Сомнений нет: скульптура Аписа как

ни в чем ни бывало стоит на прежнем месте, в левом дальнем углу, хотя... хотя неизвестный точно знал, что этого не должно быть.

И вдруг Апис из чудесного светлого камня негромко произнес:

- Сенеб, вельможа Сеп, сенеб. Даже в одежде простолюдина я узнал тебя...

Грабитель обмер. Его ассиметричное лицо еще больше перекосилось, а щека под левым глазом стала нервно подергиваться.

- Что же ты молчишь? - с явной иронией спросил Апис. - Прежде ты был смелее... Даже упрятал в яму старого Нефр-ка... Похитил меня, но я вернулся, ка видишь... И Нефр-ка... жив...

Грабитель прыжком повернулся и кинулся к выходу. Он бежал, согнувшись, бился головой о неровные стены подземелья, задыхаясь от страха и густого чада светильника.

Еще два-три шага - и он увидит над собой звездное небо, как вдруг впереди он услышал ласковое ворчание, подняв голову - чему очень мешало согнутое положение тела, - он увидел прямо перед собой острые белые зубы в раскрытой пасти льва.

Грабитель попытался дотянуться до пояса, но зверь сильно ударил себя толстым, как кобра, хвостом и спокойно сказал:

- Не спеши, Сеп, не спеши. Не торопись.

Грабитель в изнеможении опустился на земляной пол.

- Я пропущу тебя сегодня, Сеп, - сказал лев. - Но в следующий раз ты станешь моим ужином. А сейчас иди, только забудь дорогу сюда, Сеп, говорю я.

И лев исчез.

Прошло немало времени, прежде чем грабитель пришел в себя и увидел небо над головой.

Он облегченно вздохнул, хотел сотворить молитву, для чего снова открыл рот, и в то же мгновение раздался могучий львиный рык, пронесшийся, словно вихрь, над окрестными холмами и спящей долиной Хапи.

Грабитель оглянулся, отчетливо различил над собой среди звезд на вершине бархана-кладовой стройный силуэт льва, как бы благодарившего богов за свою царственную силу, и кинулся бежать.

Боги, видно, смиловались над ним и будто убирали из-под его ног камни и кочки, а когда он, словно шакал, прыгал через препятствия - поддерживали его, не давая потерять равновесие...

8

Отдохнувшее в зените солнце спускалось осторожно и размеренно, но едва коснулось оно изрубленного островерхого горизонта, как вдруг, будто утратив силу, исчезло.

Мериптах успел лишь заметить, как подобие огненного копья пролетело над ним, оставляя черный след и отразившись на гладкой поверхности воды. Лазурное небо сурово потемнело и покрылось на западе сетью трещин, из которых брызнули последние струи золотистого света.

Коричневые скалы, зарывшиеся в ослепительно белый песок, стали как бы выше, устремились за уходящим светилом. Заколебавшийся воздух, пропитанный пряными ароматами трав и цветов, дохнул прохладой. У берега застыли

наполовину погруженные в воду большие толстые животные, неповоротливые, короткошее, темно-серые.

- Слоны? - спросил Мериптах.

- Нет, - засмеялся кормчий. - Камни. Так многие думали, потому называли город у этих скал - Абу: Слоновый...

Вокруг легла темная африканская ночь, и в небе разом зажглись звезды. Черные перья пальм, у причала тянулись к судну, уже сбросившему парус, словно пытаясь помочь ему пристать к острову Йэб.

Гребцы взялись за весла: до конца долгого путешествия оставалось всего несколько минут...

9

Нефр-ка - отец Кара - видел вельможу Сепе всего два раза, да и то издали. У каждого из них своя жизнь, а город Белых Стен многолюден. Со всеми, даже именитыми, не познакомишься близко.

И все же, когда по пути с работы домой, ночью, он встретил человека в длинной белой одежде вельможи с богатой расписной лентой на лбу, он сразу признал в нем Сепе и замер, не зная, как поступить.

Тот остро и зло глянул на скромного зрителя пирамиды, скинул с плеч накидку, под которой был только роскошный набедренник, и ни с того ни с сего набросился на Нефр-ка. Оба покатались по земле, яростно колотя друг друга.

Изловчившись, противник удержал Нефр-ка на спине и набил ему полный рот песку. Почувствовав в правом боку острый укол, Нефр-ка застонал и на короткое время потерял сознание.

Когда она пришел в себя и огляделся, склон холма у края города, где случилась эта стремительная схватка по-прежнему был пуст. Рана в боку кровоточила, но, судя по первому впечатлению, казалась неопасной, и Нефр-ка, пошатываясь и время от времени отдыхая, доплелся до дома.

- Сенеб, отец, - весело встретил его Кар, но, почуяв неладное, кинулся к старику. - Ранен ты, отец, ране? Кто? Где?

Нефр-ка молчал, тяжело дыша от боли.

Кар и Акка обмыли рану и сделали луковую повязку, подавив для этого в миске целую головку. Вначале рану сильно пекло, Ии Нефр-ка морщился и стонал, но, когда боль и жжение улеглись, он облегченно вздохнул, глянул на сына и отчетливо сказал:

- Сеп!

10

Африканское утро так же коротко, как и вечер. Большущее солнце резво выкатывается на небо, прогоняя мрак, будто сдерживая черный полог, и начинает припекать.

Но земля еще не отогрелась, и воздух слегка пронизан прохладой.

Мериптах хотел сразу окунуться в воды Хапи, но, вспомнив вчерашний подарок гостеприимного хозяина, снял ожерелье. На тонкую волосяную нить

нанизаны крупные, глянцево-черные семена эбенового дерева, перемежающиеся кусочками пахучего лотоса. В нижней части ожерелья - яйцеобразный, с плотной зеленой кожурой, плод пальмы дум. Изящное, типично негритянское изделие Юга.

Бережно положив ожерелье на камень, Мериптах прыгнул в воду. Да, Хапи здесь много теплее, чем в дельте, на севере. Или утренний воздух прохладнее. Или то и другое вместе.

Немудреный завтрак, И Мериптах снова в пути. На этот раз в весельной, трехпарной лодке. Покинув Йэб, они направились на юг, обогнули островки Салуга и Сехель и вскоре свернули в широкий и глубокий канал. Он вел на восток, в центр знаменитых каменоломен.

Северный берег потемнел и стал повышаться, каменисто взбираясь к небу. От резкой смены дневной жары и ночного холода и от времени скалы покрылись коричнево-черной корочкой, красиво и впечатляюще выделяясь на фоне золотистого песка, ручейками огибающего камни и гонимого ветром то в одну, то в другую сторону. Точь-в-точь как невдалеке отсюда воды Хапи пробиваются сквозь первые пороги.

Сойдя на берег, Мериптах стал взбираться наверх - туда, где виднелись рабочие, слышались их голоса, стук молотков и ворчание сверл. Поднявшись локтей на сорок, он остановился и с интересом стал наблюдать, как рабочие катали большие каменные шары по ровному желобу, трением постепенно углубляя его. Когда желоб достигнет нужной глубины, начнется подсечка скалы снизу - зубилами, долотом и шарами, чтобы еще позже забить в оставшуюся полоску камня деревянные клинья и поливать их водой...

Шагах в пятидесяти отсюда камнерезы обрабатывали вчерне два саркофага. От них Мериптах узнал, как найти учителя Рэура, высекающего статую царя Хефрэ. Объясняя ему, как пройти, камнерезы как-то странно посмотрели на него, но Мериптах не придал этому значения.

Поднявшись еще локтей на двадцать, он увидел ровное плато, несколько неожиданное среди хаотического нагромождения скал, и в середине его слегка намеченную скульптуру царя, лежащую на спине. Головной убор - корона - и лицо уже прорисовывались, но туловище пока еще казалось бочонком, и предстояло удалить немало лишнего камня. Ног, по существу, тоже не было. Но Мериптах опытным глазом уловил общий замысел - учитель задумал...

Только сейчас Мериптах рассмотрел человека в белой накидке, сидящего к нему спиной. Скорбная поза, загорелые руки, сжавшие виски, говорили о тягостном душевном положении: очевидно, вдохновение покинуло художника, и ничто на свете не даст ему душевного спокойствия и мира, пока боги не укажут, где и как возник просчет и что делать дальше.

Мериптах понимает учителя: дорога творящих ведет сквозь ущелья отчаяния и неверия, сквозь топи самоуспокоенности и дельту поисков. Далеки урожайные поля победы, как далеки!

Он обошел Рэура кругом и увидел милое, такое любимое им удлинненное худощавое лицо с тонким носом, маленьким ртом и острым подбородком. Черные прямые брови, как две стрелы, приподнялись к вискам над закрытыми веками.

- Учитель, - волнуясь произнес Мериптах. - Сенеб, Учитель! Я рад видеть тебя вновь...

- Мериптах! Мальчик мой! - воскликнул Рэур, подняв голову. - Как хорошо, что ты приехал. Но где ты?.. Где?..

Он смотрел в сторону своего ученика и задавал этот непонятный вопрос! Мериптах вздрогнул и медленно приблизился, с тревогой всматриваясь в его

невидящие, слезящиеся глаза.

Учитель был слеп!

- Что... Что с тобой, мой Учитель?! Я же тут... Вот я стою перед тобой - ты видишь?

- Нет, мой мальчик, я только слышу тебя...

Они обнялись, и Мериптах, как ребенок, зарыдал на его груди. Рэур гладил его голову дрожащими руками, неумело ощупывал тонкими пальцами его лицо и негромко говорил:

- Я был увлечен работой, Мериптах. Все внимание, весь я ушел в эту скульптуру, что лежит у моих ног. Я забыл о почтении к богам... Меня наказал теперь сам Рэ: яркий свет убивал мое зрение. Завистливый Сет, покровитель пустыни, засыпал мои глаза мелким песком. Вот сижу я сейчас, а надо мной ночь... Ночь, еще маленькие танцующие звезды вижу я... Это все, Мериптах, все, что мне осталось... Ты можешь завершить мое дело, только ты...

- Учитель, чья рука прикоснется к твоему творению? Кемт мало знает художников, равных тебе...

- Но они есть - ты один из них.

- А кто даст этому камню именно ту жизнь, что задумал ты, Учитель? Кто бы ни взялся продолжить, он сделает это по-другому.

- Ты прав, Мериптах, ты прав: искусство неповторимо, как мы сами... Прав ты, говорю я.

- А что... врачеватели?

- Вот говорят мне: боги лишили тебе зрения, они одни могут вернуть его...

- Значит, надежда еще есть!

- Надежда - это то, что не зависит от богов, а зрение могут вернуть только они...

Большое горе постигло Рэура, но и оно не сломило окончательно волю художника. Сегодня он - на время! - прощался с начатой им скульптурой и намеревался вернуться в Белые Стены, чтобы дома переждать беду: он и раньше слышал истории временной потери зрения. Кто знает... Болезнь глаз в Кемте обычное дело...

Когда оба они несколько успокоились, Рэур сказал:

- Долгий путь за твоими плечами - начало большого дела? Так думаю я?

- Верно, Учитель! Ты помнишь скалу, что возле Великой пирамиды?

- Помню, Мериптах. Рядом брат твой Анхи строит нижний заупокойный храм для нашего царя.

- Я хочу, Учитель, я хочу сделать из этой скалы фигуру льва с головой владыки Обеих Земель...

Рэур порывисто встал.

- Я понял, Мериптах, все понял. Кемт еще не знает подобного! Тысячи людей видят скалу, а ты увидел - скульптуру... Ты один! Боги вдохновили тебя. Как проста сущность великого, как проста, говорю я. Но не все глаза видят ее, не все уши слышали ее, не всякий ум постигнет эту простоту!

Радостное на этот раз волнение мешало Рэуру говорить. Мериптах же бережно приподнял его и повел по извилистой тропинке, не замеченной им вначале, вниз, к лодке. Учителю необходим покой, но Мериптах чувствовал, что это должен быть не "покой" узника, а отдых от света и пыли. Разговоры же о новом замысле только помогали отвлечь его от беды, точившей ум Учителя.

- Я отберу камень по поручению Анхи, Учитель. Отберу я быстро. Потом отправимся домой...

11

Царь принял Хеси на крыше дворца. Родственные отношения, связывающие их, не помогли сегодня сократить и смягчить ритуал встречи. Хефрэ молча наблюдал, как изящный вельможа прижался к полу и затем поцеловал протянутую ему босую ногу.

Хеси уселся на коврик и, глядя снизу вверх на владыку страны Кемт, спросил:

- Ты звал меня, Хем-ек? Я здесь. Приветствую тебя!

- Сенеб, Хеси. Ты - сидящий справа от моего Главного скульптора Рэура, что сейчас на южных каменоломнях. Мне нужен твой совет.

- Разве звезда может учить луну, как надо светить ночью?

- Тогда зачем ты занимаешь эту должность?! У тебя есть дом - он твой. А должность, занимаемая тобой, принадлежит мне... Может, ты не справляешься?

- Хем-ек, - поразмыслив, ответил скульптор, - я только имею свое мнение о вещах и явлениях. Может ли оно послужить советом? Не знаю...

- Хороший ответ. Смотри, Хеси: внизу у моего заупокойного храма есть скала. Один молодой скульптор просит разрешения высечь из нее Шесеп-анх...

Хеси помрачнел. Его красивое лицо стало жестоким. Тонкие губы точно слиплись. В черных глазах - жаркая зависть.

Царь усмехнулся:

- По тебе вижу - замысел хорош.

- Но я ничего не сказал, Хем-ек.

- Я вижу, Хеси, все вижу!

- Кто он?

- Мериптах.

- Еще никто не делал таких больших скульптур, Хем-ек, - осторожно заметил Хеси.

- Потому что никто не подумал о таком!

- Это трудно...

- Как все великое.

- Неподходящее место, Хем-ек. Вот, думаю я, там пирамида твоя, там Царство Запада, а скульптура Мериптаха будет говорить о жизни...

- О вечной жизни, Хеси!

- Но Шесеп-анх...

- У него будет мое лицо, Хеси! - жестко сказал Хефрэ.

Хеси понял.

- Именно это я хотел сказать, Хем-ек, - пробормотал вельможа. - Твое лицо на скульптуре придаст всему особый смысл.

- Твое мнение теперь?

Хеси тяжело вздохнул. Никто из придворных не мог привыкнуть к манере царя говорить прямо и требовать такой же прямоты от окружающих.

- Я за эту скульптуру, Хем-ек. Но только...

- Говори.

- Мериптах молод, неопытен. Лучше поручить строительство скульптуры другому. Я бы мог возглавить его, Хем-ек...

Царь задумался. Надолго. Хеси напряженно ожидал. Сегодняшний его визит в Большой дом оказался более чем необычным. Хеси полагал, что царь заговорит о загадочно пропавшем Аписе... А тут... Гениальный замысел Мериптаха мгновенно был оценен Хеси, но и порастил его в самое сердце.

Он понимал камень и дружил с ним, но фантазия его была неможна. Порой часами смотрел Хеси на камень, но никак не мог придумать, что бы из него сделать, как найти применение своим умелым рукам.

Тогда он решил, так сказать, брать количеством, то есть повторял в копиях более или менее удачную скульптуру. Но этим с большим, чем он, успехом занимался Сеп.

Хефрэ уже подумывал заменить Хеси на этой должности, как вдруг скульптор словно очнулся от "творческого сна". Длительный застой сменился бурной деятельностью. Из его рук с необыкновенной быстротой выходили в свет скульптуры одна лучше и оригинальнее другой. Из дерева и глины, алебаstra и гипса, диорита и гранита.

Сутками он сидел дома и самозабвенно трудился. Да иначе и не справиться с этим. Никого не пускал он в свою мастерскую, но это уже право художника...

Наконец царь заговорил вновь:

- Нет, Хеси. Это будет несправедливо. Поговори с ним. Если Мериптах согласится, тогда ты будешь руководить строительством его Шесеп-анха.

- Мудры слова твои, Хем-ек!

- И еще, Хеси, это будет, если найдется Апис...

- Злые люди похитили его, Хем-ек.

- Или боги отвернулись от тебя?

Хеси прижался к полу, не смея перечить. Исчезновение алебастрового Аписа было столь таинственно и для Хеси, что вельможа до сих пор не мог придумать приемлемого объяснения.

Единственное, что было в его силах, - это свалить ответственность на Хену, в храме которого все произошло. Однажды он сделал это в личной беседе с царем и даже преуспел, но фараон все еще не удовлетворился, тая в своей голове мысль опасную и только сейчас высказанную им вслух...

- Ступай, Хеси.

- Да продлят боги дни твоего земного бытия, и будешь ты жив, цел, здоров!

12

Чаще всего Рэура и Мериптаха можно было видеть на палубе беседующих у макета скалы и красивой глиняной скульптуры.

- Учитель, - сказал Мериптах в первый же день их отбытия из города Абу, - у меня новый, совсем новый замысел...

- Слушаю, Мериптах.

- Ты знаешь, Учитель, что означает Та-Мери?

- Земля возлюбленная. Хорошие, добрые слова, Мериптах!

- Согласен, Учитель. Я хочу своей скульптурой изобразить Та-Мери...

Мой лев будет спокойным, смирным. В этом я вижу счастье Кемта. Наша страна

**должна быть могучей, как лев, умной, как человек, и всегда желать мира!
Будет не Шесеп-анх, а Та-Мери...**

- Боги говорят твоими устами, Мериптах!

- Если лев каждого государства будет мирным, тогда никто не познает бедствий войны!

- А что скажет царь?

- Это я скажу ему, Учитель... Я скажу, что у него уже нет врагов - он всех победил. Перед ним - трепещут. Спокойная поза моего льва означает величие царя, его силу, объединяющую обе земли. Еще скажу, что царь - это Кемт, а Кемт - это царь!

Наверное, всему есть конец, - восторженно произнес Рэур, прижимая к своей груди любимого ученика. - Но нет, думаю я, нет конца человеку! Я сам поговорю с царем, Мериптах, сам...

Они обсуждали всякую мелочь, опасаясь непредвиденных трудностей в будущем. Тяжелогруженная барка медленно двигалась на север, но дни проходили для них быстро. Они перебрали вдвоем десятки вариантов, все упрощая образ Та-Мери и придавая ему необходимую строгость и стройность.

- Я вовремя лишился зрения, - однажды с горькой усмешкой заметил Рэур.

- Не понимаю, Учитель.

- Теперь царь разрешит мне снять с его лица маску, а тебе будет легче добиться точного портретного сходства, - пояснил Рэур.

Мериптах не ответил.

- Но лучше поговорим о деле, - продолжал Рэур. - Нужна еще одна скульптура из глины. Только большего размера. Для рабочих.

- Ты прав. Учитель, прав, - согласился Мериптах.

Полтора месяца длилось их плавание от каменоломен Юга до Белых Стен. И у них - ни минуты свободного времени. Весь свой опыт передавал Мериптаху его учитель.

- Такую скульптуру, - сказал Рэур, - нельзя сделать одному человеку. Не сумеет ее сделать толпа людей. Вылепим большую модель, Мериптах. Потом рассчитаем. Потом - будем резать ее на части. Каждую часть дадим одному из отрядов рабочих с камнерезом во главе. Сейчас мы можем наметить все - только лицо оставим... Пока я не сниму маску с лица Хемефа...

- На сколько частей разрежем модель?

- Это самое трудное, Мериптах. Надо, чтобы рабочие не мешали друг другу. Еще - чтобы их не было мало. Еще, Мериптах... Эта скала имеет слои по горизонту, линии, их разделяющие, словно трещины.

- Да, Учитель. На копии скалы, что я сделал из глины, все нарисовано.

- Тобою сказанное отрадно. Одну из этих трещин - там, где будет лицо, - ты используешь, чтобы сделать рот царя. Понял?

- Да, Учитель.

- Найди ее - пусть эта линия станет основой расчетов, Мериптах.

- Нашел, Учитель...

- Тому, кто нашел, есть что терять. Три раза по три проверь!

И снова они считали и пересчитывали пропорции будущей скульптуры, прикидывали число рабочих, недостающий материал, где его взять, как доставить.

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ,
все еще темная, хотя кое-что и проясняется...

1

Мсть - опасное чувство. Человека горячего ослепляет, опустошает, лишает речи. При уме холодном - наделяет коварством, терпением, внешним спокойствием.

Именно мсть привела Кара к везиру. Фокусник был человеком необычным, известным в столице, и везир принял его без промедления.

- Сенеб, хранитель истины, благодарю тебя за внимание.
- Сенеб, Кар, рад видеть тебя счастливым, - милостиво ответил Иунмин.
- Слышал я, что Хем-еф повелел наградить нашедшего алебастрового

Аписа золотом доблести?

- Говори, Кар, - насторожился везир.
- Соизволь призвать главного жреца Хену, скульптора Хеси, мастера

Сепа.

- Сеп тоже?!
- Тоже.

Везир удивился. Распорядился. Любопытен он. Да и день сегодня пустой, точно гнилой орех. Не худо бы поразвлечься. Пока посланные исполняли приказание, Кар не торопясь поведал странную историю. Жадный до слухов вельможа получил целую гроздь подробностей и мысленно отрывал их, словно виноградинки, одну за другой, как бы любуясь и предвкушая дальнейшее удовольствие...

Вызванные вели себя по-разному. Хену - сумрачен и неразговорчив. Хеси по обыкновению учтив и краток. Сеп - многословен и пусторечив.

- Сен-н-неб, лю-лю-бим-мец ца-цар-ря, - тянул он. - Я ж-ж-ду т-твоих пр-ри-ка-а-за-а-ний.

Ничто не выдавало волнения в нем, предчувствия беды. У Кара невольно сжались кулаки.

- Хену, - сказал везир, - ты озабочен поисками алебастрового Аписа, пропавшего из храма?

Жрец кивнул.

- Хеси тоже? Это же работа твоих рук...

Хеси горестно склонил голову.

- А я п-пр-ри-ч-чем? - удивился Сеп.

- Ты будешь свидетелем, - пояснил везир.

Сеп хлопнул себя по ляжкам и развел руками в знак вынужденного подчинения.

- Кар обещал нам помочь, - объявил везир.

Хеси посмотрел на фокусника с откровенным недоверием. Хену безразличен, его мозг еще не успел уяснить смысл услышанного. Сеп - с уважением повернулся к Кару.

- Напиши, Хену, напиши свое желание на папирусе, - попросил Кар.

Жрец трудился долго и сосредоточенно. Кар взял у него записку, тщательно свернул ее несколько раз. Щелкнул пальцами, и в руке у него появилась эбеновая шкатулка с малахитовым "глазом Гора" - древним талисманом - на одной из боковин.

Наступило всеобщее молчание, и вдруг... шкатулка заговорила. Глухой голос доносился, казалось, из самой ее глубины:

- Знаю желание досточтимых мужей...

Все невольно отшатнулись, переводя взгляды со шкатулки на Кара и обратно. Фокусник невозмутим. Слегка приоткрытые губы его оставались неподвижными, а голос из шкатулки тем временем продолжал:

- Поднимитесь все... Неси меня, Кар, в Город мертвых...

Хеси схватился за сердце, - видно, нервы избалованного вельможи сдали, и он оглянулся с явным намерением остаться, но везир жестом пригласил его следовать вместе с ними.

На улице слуги усадили их в носилки, и вся процессия в сопровождении десятка рослых нубийцев из охраны везира покинула столицу.

Солнце уже клонилось к закату и светило в лица путников, когда они сошли на землю и приблизились к древней гробнице-бархану.

- Здесь никто не похоронен, - объяснил зеленый "глаз Гора". - Вы увидите заброшенную кладовую скульпторов, давно зашедших за горизонт. Готовьтесь...

Слуги добыли огня и зажгли фитили. Один из них освещал путь Кару. За ним шли Хену, Сеп, Хеси. Замыкал шествие везир. Пробирались осторожно, порой, когда факельщик уходил вперед, - на ощупь, чтобы не зашибиться и не упасть.

В мастерской при виде Аписа везир ахнул от удивления: происходящее воспринималось им как сон. Облегченный вздох вырвался из груди Хену. Хеси в изнеможении оперся о стену, чтобы не упасть. Сеп окончательно лишился речи.

- Вот смотри, - сказал Кар, поворачиваясь к везиру. - Это скульптура давно умерших мастеров, а не Хеси. Ее похитили отсюда, поставили в храме Птаха, а она - вернулась... Нельзя обманывать ее!

- Но кто? Кто взял Аписа из его дома?

- Спроси у Аписа, - предложил Кар. - Спроси у самого Аписа. Скажи, Священный: кто похитил тебя?

- Мастер Сеп, - сурово ответил Апис.

Чувствовалось, что алебастровый бык только начал свою речь и намеревается сказать немало важного для собравшихся. Но тут тяжелое тело Сепа грохнулось на пол.

И уже не только везиру, но и остальным присутствующим в общем картина стала ясной. В тени остались лишь некоторые детали. В этом помог Хеси.

Вельможа упал на колени перед везиром, с жаром поцеловал его сандалии, поднял к нему свое орошенное слезами раскаяния лицо и негромко, но отчетливо заговорил:

- Прости, Иунмин, прости... Наш земной путь недолог, но неровен...

Сеп обнаружил эту мастерскую, Хранитель истины, но я до сих пор не знал этого! Теперь я тоже понял: этот Апис - творение древнего неизвестного мастера. Я же думал, что его сработали камнерезы Сепы...

- Но ты говорил, что это твой Апис, - напомнил везир.

- Каюсь, говорил. Тщеславие едва не сгубило меня. Я приобрел фигуру у Сепы, чтобы порадовать Хем-ефа.

- Себя тоже, - закончил везир, движением руки прекращая эту сцену и направляясь к выходу.

Слуги подобрали бесчувственного Сепы, Хену побрел с ними. Кар удовлетворенно улыбнулся и подмигнул Апису...

...Пройдет несколько дней - и Сеп будет запирается и клятвенно заверять, что он не виновен, никогда не был до того рокового вечера в подземелье, что не покушался на жизнь зрителя пирамиды Нефр-ка, но показания алебастрового Аписа, уличающее признание Хеси и рассказ отца Кара - все вместе окончательно убедят царя.

Хефрэ сослал Сеп в южные каменоломни, разумеется, после плетей. Совсем легко отделался Хеси: на этот раз Хем-еф ощутил тепло родственной крови и простил "шалости" своего троюродного брата. Больше того, наказал молчать всем посвященным.

Однако добрый Нефр-ка посчитал себя отмщенным, и теперь его рана стала затягиваться быстрее. Посему они с Каром оторвали головы десятку гусей и преподнесли их в жертву славной богине Маат.

Будущее покажет, что жертва эта была принята Повелительницей Истины благосклонно.

2

Слухи о том, что скала в Городе мертвых, ранее предназначенная на слом, будет жить в образе льва с головой царя Кемта, просочились в среду мастеров еще до объявления царского указа. Когда же Анхи принялся набирать строителей - известие проникло и в лачугу бедноты.

В короткий срок было призвано пять тысяч камнерезов и землекопов, разбитых на отряды по двести пятьдесят человек. Каждый отряд состоял из "десяток", то есть бригад по десять человек. Возглавил их друг Анхи, пятидесятилетний Тхутинахт, - замысел Мериптаха вдохновил его.

- Смотри, - сказал он Анхи, - до сих пор строил я дома вечности для вельмож. Хорошее дело. Но теперь понял я, что Тхутинахт не может умереть, пока не родится Шесеп-анх!

Не рискуя до возвращения Мериптаха приниматься собственно за скульптуру, Анхи приказал углубить и расширить ров вокруг скалы. Ведь будущий Шесеп-анх вырубался в склоне пологого холма, идущего от пирамид к Хапи. Значит, надо освободить по бокам "тела" будущего льва, пока намеченного вчерне, достаточно пространства, чтобы Шесеп-анх казался сидящим на ровной просторной площадке.

- Смотри, Анхи, - настаивал Тхутинахт, - камень, изымаемый нами, можно обтесывать в плиты для наращивания передних лап льва.

- Так, Тхутинахт, - кивнул Анхи. - Сын моей матери Мериптах точно говорил мне об этом, ошибки не будет. Готов камень!

Тхутинахта обучили грамоте еще в юности, но он не любил писать, предпочитая расчеты в уме. Поэтому Анхи пошел с ним на строительную площадку и показал, как и где должны проходить ее границы.

Планирование и расстановка рабочей силы - привычное занятие для Тхутинахта. Но почему-то сейчас он все внимание направил на расширение площадки до нужных размеров. Анхи не вмешивался - он хорошо знал своего верного помощника.

С восходом солнца строительную площадку окутывало облако пыли, откуда доносились неумолкаемый грохот кувалд, и стук молотков, и зычные голоса десятников. Юго-восточную часть площадки Тхутинахт отвел под круг для экзекуций.

Рука Тхутинахта твердая, как и его принцип: "Человек с ласковым взором убог". Поэтому бывали дни, когда в круге нерадивые выстраивались в очередь, а "нравоучительная" бригада едва успела обеспечивать себя пучками папируса и измочаливать их о спины нуждающихся в поучениях.

Тхутинахт торопился. Это его чувство передалось остальным. Работали с остервенением под грозные окрики и свист розог. Анхи в первые дни совсем не появлялся здесь. Так длилось, пока строительная площадка достигла нужного размера, а по ее краям вырубили канавку шириной в локоть и заполнили ее водой Священной Хапи. Уф-ф!.. Теперь злые силы не смогут помешать строителям, не посмеют перешагнуть замкнутую водную черту. Широкое скуластое лицо Тхутинахта с умными и строгими черными глазами подобрело. Успокоились и бригадиры. Облегченно вздохнули рабочие. Вот как важно окружить себя священным кольцом! Кроме того, поверхность воды в канавке давала бригадирам постоянную и точнейшую линию горизонта, от которой следует вести вертикальные расчеты.

Тхутинахт замедлил темп работ, рассчитанный на длительное время. Правильно расставил по объектам рабочих. И принялся добиваться ритмичности. Даже "друзья палок" - экзекуторы - частенько теперь удалялись в тень и отдыхали.

Однажды в круг экзекуций угодил чернокожий мальчишка, дрожавший от страха и возмущения.

- Я не ваш, - вопил он. - Я пришел только посмотреть...

- Дай доказательство, - проворчал высокий нубиец, одной рукой крепко державший мальчишку, а другой - извлекающий гибкий стебелек из связки.

- Но у меня ничего нет, - отбивался мальчишка. - Я бедный, говорю я, совсем бедный! У меня нет доказательства...

- Зато у тебя есть спина, а у меня - вот это... - холодно заметил нубиец. - Нижний никогда не станет верхним просто так: ты будешь посылать многих, если научишься слушать старших!

На его шершавое и мускулистое плечо легла чья-то нежная маленькая ладонь, и нубиец оглянулся.

- А, это ты, Туанес, - миролюбиво произнес он.

- Вот возьми медное кольцо, а мальчика отпусти со мной...

- Смотри, Туанес, смотри. Как хочешь. Кольцо я возьму, пожалуй.

Страх мальчишки мгновенно улетучился. Он глянул на Туанес, как на царевну из сказки, и открыл белозубый рот. В глазах его теперь одно любопытство...

- Пойдем со мной, - сказала она.

- Идем. Кто красив - тот добр, - простодушно ответил мальчик.

- Как тебя зовут?

- Джаи.

- Что делаешь ты здесь?

- Я стану соколом, - не отвечая на вопрос, мечтательно заговорил Джаи, - а этот нхас, - он метнул злой взгляд в сторону нубийца, - змеей. Я возьму его в свой клюв, унесу в небо. Потом брошу его на камни. Будет знать он!

- Перестань злиться, Джаи.

- Потом я стану большим. Еще - богатым. Возьму тебя в жены, поведу в свой дворец.

Туанес весело засмеялась: такого юного фантазера она видела впервые.

- Кто твои родители, Джаи?

- У меня их нет, - беспечно ответил он.

- Откуда ты?

- Не знаю... Я живу в доме скульптора Хеси. У него много слуг, они приютили меня. Особенно ко мне добр Сенмут - точильщик инструментов Хеси.

- Как очутился ты здесь?

- Я везде бываю, Туанес... Сенмут уехал в свой город Абу, я сейчас один. Хуже стало.

- Ты голоден?

- Я всегда хочу есть, - просто сказал Джаи и спросил с надеждой: - Хочешь накормить меня?

- Если пойдешь со мной.

- Хорошо, Туанес. А правда, что из той скалы, - он махнул рукой назад через плечо, - хотят сделать льва?

- Верно, Джаи.

- Хорошо. А как зовут того, кто это придумал?

- Мериптах.

- Хотел бы я его видеть.

- Я тоже, Джаи, - с грустью произнесла Туанес.

- Ты его не знаешь? - сочувственно спросил Джаи.

- Я его жена...

- Жена?! - Джаи ужаснулся. - Тогда не говори ему, что я хочу на тебе жениться, Туанес, ладно? Я подарю тебе скарабея из зеленого камня, только не говори!

- Я не скажу ему, Джаи.

- А почему ты сказала, что тоже хочешь видеть его?

- Он уехал на южные каменоломни - я его жду.

- Мой Сенмут тоже уехал на юг, но я его уже не увижу...

- Сенеб, Туанес! Это что за герой? - перед ними выросла широкая фигура Кара.

- Сенеб, Кар. Это Джаи.

- Ты богач, Джаи! - воскликнул Кар и с деланным удивлением извлек из носа мальчика блестящий кругляш, из уха - три медных кольца, одно за другим, а из рваного набедренника... живую ящерицу!

Джаи взвизгнул и кинулся бежать, но Кар успел схватить его в охапку...

- П-пус-сти, - заикаясь от ужаса, едва проговорил Джаи. - Я... я... с-с-мот-тр-ри, Ка-р... с-с-мот-т-ри...

- Не бойся, глупый, - убеждал его Кар. - Если ты обиделся, я верну тебе твои вещи...

И он действительно попытался "вернуть" ему ящерицу и кольца, Но Джаи удалось вырваться, и он умчался от них, прыгая с камня на камень.

- Я хотела его накормить, - огорченно объяснила Туанес.

- Это моя вина... Может, еще увидим - я запомнил его... Извини, Туанес. А сейчас идем домой: Мериптах вернулся!

Владыка Обеих Земель лежал под пестрым пологом на крыше дворца, заложив руки под изголовье, и размышлял.

Золотистое утро взошло над рекой и холмами. Отсюда видны пустынные улицы Белых Стен и ярко раскрашенные гробницы Мертвого города на горизонте.

В нескольких шагах от Хефрэ на полу сидел ослепший Рэур, главный скульптор царя. Для него все еще была ночь.

Их беседу прервала молчаливость Хефрэ, и художник ожидал, когда царь заговорит вновь.

"Люди - разные, - думал Хефрэ. - А жизнь напоминает дорогу. Одни моложе, ухватистей, другие немощны, тихи - вот растянулись идущие длинной лентой, точно Кемт на берегах Великой Хапи.

Но впереди всегда царь!

Так и среди богов: есть второстепенные, есть и главные. А впереди - Рэ...

Все как на ладони - никто не обойдет ведущего.

Ну, а душой? Умом? Все ли ведомые идут позади?"

Царь вздохнул. Мудрецов Хефрэ не любил: один такой умник может оказаться опаснее тысячи скульпторов, художников, песнопевцев. Он мысленно перебрал в памяти свое окружение и несколько успокоился: "кого надо" он вовремя убрал.

Надо неустанно укреплять свое превосходство. Мериптах вовремя придумал Шесеп-анха.

Хорошо, что Рэур горячий сторонник его. Но сегодня он пришел с новым замыслом, и Хефрэ постепенно проникался им.

Завистник Хеси? Обычное явление. Надо только приказать следить, чтобы он не отравил соперника раньше времени... Завистник должен оставаться лишь тенью таланта.

Открытое недовольство высказывают жрецы Птаха, подстрекаемые глупцом Хену. Это хуже. Они боятся возникновения нового культа, который отберет у них часть доходов.

Но ведь он и не собирается превращать эту скульптуру в подобие храма с приписным хозяйством. А они не верят... Может...

Хефрэ недовольно поморщился. Можно и реку перегородить наглухо. А потом? Вода наберет силу, порожденную такой плотиной, и прорвет ее!

Нет, запрета жрецы не дождутся.

Хефрэ хитро улыбнулся, легко поднялся и зашагал перед Рэуром. В его голове, привыкшей к множеству непредвиденных ситуаций, стал созревать свой план.

- Повтори, - коротко приказал он, остановившись над слепцом.

- Смотри, Хем-ек, - повеселел Рэур, предчувствуя согласие царя. -

Если ты станешь в этом камне только Шесеп-анхом, твоя божественная сущность не увеличится в глазах роме... Ведь ты сам - живое олицетворение Хора. Великого. Ты сын божественного Рэ!

Хефрэ, не мигая, смотрел в его невидящие глаза и чувствовал, как холодок неприязни побежал у него между лопатками. "Слишком умен!" - подумал он.

- Пусть ты будешь Та-Мери, - продолжал Рэур. - Олицетворение всей страны, всего народа... Тогда ты станешь над многими богами, и еще больше - над жрецами. Ближе к роме!

"Он читает мои мысли... - испуганно подумал царь. - Убрать! Непременно убрать..."

- Та-Мери будет стоять вечно. Ему не надо жрецов, Хем-ек. Чтобы никто

не дрался из-за лепешек возле скульптуры. Все это, Хем-ек, Мериптах хорошо придумал!

"Убрать обоих".

- Новый замысел. Роме будут довольны: Хем-ек - тоже...

"Покончу с обоими после окончания работ".

И вслух:

- Ты убедил меня, Рэур. Пусть будет, как я скажу сейчас: назовем скульптуру "Та-Мери"! Я так называл ее, Сам!..

- Слышу мудрость твою, Хем-ек, радостно мне. Веление твое исполню. Позволь обратиться с просьбой.

- Говори.

- Я слеп, стар. Назначь главным скульптором Хеси. Он талантлив. Один из давних моих учеников. К тому же сидящий справа от меня...

- Талантлив?!

- В нем поздно проснулся художник, Хем-ек. Видел ты, сколько превосходных работ выполнил он в последнее время?

- Хватит, старик, Хеси хотел обмануть меня. Пусть теперь подождет. Оставайся сам в этой должности!

- Тебе приказывать, Хем-ек. Благодарю за щедроты. У меня все.

- Иди, Рэур. Пусть быстрее строят моего Та-Мери... Я сам придумал его!..

4

Опустели улицы Белых Стен в часы дневного отдыха. Кар один шел по теневой стороне. Он зорко осмотрелся - ни души. Беззвучно открыл калитку и юркнул в сад, окружавший заветный дом. Еще несколько шагов - и занавеска в низком окне будто сама откинулась в сторону.

Его глаза, быстро привыкающие к полумраку, заметили слева фигурку обнаженной Сенетанх.

Нежные руки обвили могучую шею одного из тех немногих, кто удостоился чести получать ее любовь здесь, в доме ее мужа, Главного жреца бога Птаха.

Весь Кемт изнемогал от иссушающей жары в эти часы. Угасли на время полевые и строительные работы, замолкли мастерские ремесленников, мирно почивали супружеские пары. И только наши влюбленные презрели пору отдохновения.

Не скоро задал он ей вопрос, более уместный в начале их свидания:

- Где твой муж?

Сенетанх наморщила алебастровый лоб и ответила:

- Мой Хену опять девятидневно очищается от последнего прикосновения к женщине, перед службой в храме...

- Если бы ум этого человека стал равен его благочестию, - заметил восхищенный Кар, - он превзошел бы царя!

Желая подольше удержать возле себя Кара, Сенетанх предложила:

- Хочешь, я покажу тебе мои подарки от мужчин?

- Хочу, Сенетанх, с удовольствием, - ответил Кар, надеясь, что это не займет много времени.

- Подожди, - и Сенетанх убежала в соседнюю комнату.

Вскоре оттуда донесся ее недовольный голос:

- Тяжелый ларец...

Кар вовремя подхватил резной тисовый ящик и бережно опустил его на пол.

- Смотри, - сказала она, извлекая медный браслет, и огонек истого коллекционера вспыхнул в ее глазах. - Это от чернокожего солдата из охраны царя. Этого скарабея я получила из рук вельможи Заячьей области... Вот кольцо камнереза из Сиены... Коробочка из кости, подаренная Хеси...

- Хеси?!

- Да. Хеси - давний друг Хену, мне не хотелось обидеть его. Вот смотри, твой простой камень... - и Сенетанх тесно прижалась к Кару, обняла его, но молодому человеку не хотелось прерывать знакомства с уникальной коллекцией, тогда Сенетанх послушно отстранилась, с гордостью продолжая демонстрацию своих богатств. Ведь другой такой коллекции, пожалуй, не найдешь в Белых Стенах, а возможно, и во все Кемте. Эта ли мысль возникла в красивой головке Сенетанх или другая, но она вновь прижалась к молодому гиганту и весело воскликнула:

- Почему бы тебе, Кар, тоже не собирать подарки, но от женщин?

Кар рассеянно слушал ее: он то возвышался в собственных глазах, узнавая о вещах, даримых ей знатными роме, то горестно вздыхал, когда Сенетанх показывала ему жалкие подарки нищих или даже чужеземцев, руки которых тоже ласкали ее.

Сенетанх повторила вопрос, и Кар засмеялся: идея не казалась ему неприличной. Она извлекла на свет ожерелье из зерен черного дерева, кусков лотоса и плодов пальмы дум и сказала:

- Возьми. Пусть оно будет первым подарком у тебя.

- От кого это, Сенетанх?

- Сеп собрал его, когда был на южных каменоломнях раньше...

- А ты... ты знаешь, что он судим? Сослан?

- Знаю, Кар. Это не мое дело. Сеп умеет любить, он сильный. Он смелый охотник...

- Сеп?! - вовсе изумился Кар. - Охотник?..

- Да...

- Этот заика?

- Почему заика? Он говорит обычно.

- К тому же я никогда не встречал его среди охотников, - добавил Кар.

- А я видела глубокий шрам на его бедре! - с вызовом произнесла Сенетанх.

Кар промолчал...

5

Приемные часы царя нерушимы, как созвездия. Это знали придворные, вельможи, вся страна. И сегодня точно в указанное время он появился на высоком помосте над главным входом дворца, под плотным пологом, в густой тени.

Царь удобно расположился на роскошном троне из черного дерева. Ноги его обуты в золоченые сандалии, на бедрах белый передник, на голове двойная корона Верхней и Нижней страны. В одной руке гиппопотамовая плеть, в другой - волопавсовый крюк.

За правым плечом его - везир Иунмин, за левым - "заведующий двумя житницами" Сехемкарэ. У ног справа - писец Ченти. Позади всех - телохранитель Уни.

Курьер, не спускавший зорких глаз с царя, бросился выполнять волю правого указательного пальца державной руки - не зря он слыл знатоком дворцового этикета и наиболее устойчивых вкусов фараона.

Минуту спустя на дорожке перед возвышением царя на тростниковых циновках уселись двадцать усладителей, тончайших психологов и мастеров-сладкопевцев. Просители заранее, не скупясь, стремились подарками приобрести их симпатии. Ведь многие их слова, словно ветром разносимые по столице, а то и по всей стране, могли понравиться фараону.

- О великий сын солнца, - негромко, но с расчетом быть услышанным начал старший усладитель вельможа Псару, - как красив нынче, как здоров, могуч наш Хем-еф!

Плечи фараона невольно расправились.

- Как далеко, как много видит каждый его глаз, - продолжил один из подчиненных Псару.

- Как справедливо настроен он сейчас: богине истины Маат есть с кого брать пример! - подхватил другой.

Морщинки на лице царя исчезали одна за другой.

- Вот стоят за его плечами достойные царские сыновья, виднейшие люди государства, - заговорил следующий усладитель, и теперь весь трудолюбивый хор включился в почетную и ответственную работу.

- Какие откровения добра узнает сегодня страна?

Взгляд Хефрэ потеплел.

- Много царей пребывало на троне Кемта, однако наш Хем-еф самый сильный, самый умный!..

Кровь живее заструилась в полнеющем теле царя.

- Страшен гнев его, но счастье народа в его безмерной любви!

Каждый мускул царя молодец и крепнул на глазах придворных.

- Не теряй времени, курьер, - возвысил голос Псару, - не ленись: пусть ведут сюда жаждущих справедливости, кому светит сегодня счастье вкушать милостей Хем-ефа, да будет он жив, цел, здоров!

В самом деле, приятные слова освежили душу и тело фараона, точно утреннее омовение. Теперь царь был подготовлен к утомительному приему.

Его левая бровь приподнялась, придавая лицу выражение невольного любопытства, и курьер убежал, чтобы вернуться в сопровождении жреца Хену.

Увидев фараона, Хену зажмурился, пал ниц, прополз немного и замер, прижавшись к земле, на которой жил его властелин.

- Говори.

Хену слегка приподнялся, неловко просунул под себя толстые ноги и уселся на них, как на подушках.

- Великий царь, - начал он, покрываясь крупными каплями пота. - Благой бог! Я всегда благодарен тебе за твое внимание к богам Кемта, их храмам, ко мне - служителю богов...

- Истинно сказал верховный жрец Птаха, истинно, - хором поддержали усладители, искоса наблюдая за своим дирижером и повинаясь его едва заметным и непонятым для непосвященных жестам. - Где, в какие времена цари больше нашего Хем-ефа чтили богов Кемта, где?!

- Твое желание воплотить свой образ в скульптуре размером с гору преисполнило мое сердце радостью... Я уже готовлюсь, - Хену с откровенной

грустью произносил последние слова, - я понимаю, что доходы мои должны сократиться, ибо новые жрецы Шесеп-анха - только служители бога, а не сами боги...

- О благородный Хену, - завопили усладители. - Бескорыстие твое достойно наивысшей похвалы!..

Но тут Хену зло посмотрел в сторону Псару, и усладители мгновенно "перестроились на ходу".

- Не только похвалы, Хену, а награды, - причитывали теперь усладители. - Пусть наградой тебе будет полное сохранение доходов!

Хену взглядом дал понять Псару, что усердие его людей вновь приобрело нужное направление и будет оценено по заслугам, а сам обратился к царю:

- Мне отраднo, что честные, беспристрастные люди окружают тебя, Хем-ек! Конечно, если бы можно было внять их советам... Но я не вижу такой возможности...

- О Хену, - дружно оттеснил грубый голос жреца нежный хор усладителей, - что бы делали все, если бы в Кемте была лишь одна твоя голова?

Это была правда, Хефрэ рассмеялся и хлопнул в ладоши. На ноги мгновенно вскочил царский писец Ченти со свитком в руках. Хену побледнел: что еще он придумал там? Какие козни? Отчего так смешно царю? Тревога сжала его сердце, но дальнейшее поразило своей неожиданностью и сделало этот день одним из самых памятных в жизни...

- Я приказал назвать мою скульптуру, - членораздельно заговорил царь, - Та-Мери.

Хену растерянно заморгал и уставился на владыку Обеих Земель.

- О Хем-ек, - подхватили усладители, - это прекраснейшая мысль: назвать изваяние "Земля возлюбленная"!

- Не будет храмов, жрецов, богослужения при этой скульптуре, - объяснил Хефрэ.

Наступило молчание. Тугодум Хену лихорадочно пытался осмыслить слова царя. Наконец улыбка озарила его напряженное лицо, но немного спустя как бы растаяла.

- А... а если... царь потом передумает?

И тут произошло то, чего еще не знал Кемт. Позднее, при других фараонах, на протяжении многих веков такое произойдет не раз, станет привычным, но тогда это было новшеством. Это - означает охранительную грамоту, предоставляющую определенные и гарантированные льготы, в данном случае - жрецам храма Птаха [дошедшие до нас подобные грамоты относятся к концу IV династии - в описываемое в книге время они были, видимо, явлением нехарактерным].

- Читай, - коротко распорядился Хефрэ, и писец Ченти звонко и выразительно, чеканя каждое слово, исполнил веление царя:

- "Хор, любимый Обейми Землями, великий сын Рэ, царь и государь приказывает своему везиру, начальнику всех работ страны, начальникам областей, заведующему обеими житницами, всем остальным начальникам - отныне освободить жрецов храма бога Птаха от исполнения воинской и трудовой повинности навеки. Мое величество приказывает навсегда оставить за ними приписанные земли, не взимать с них налогов, не ущемлять благоденствия жрецов..."

- О, счастливцев Хену, счастливые жрецы бога Птаха, - грянули усладители. - словно в девичьих косах переплелись доброта и мудрость

Хем-ефа, да будет он жив, цел, здоров!

- Теперь ты понял, Хену? - спросил царь.

- Благодарю тебя, благой бог, - вновь распластался на земле Хену. -

Да будешь ты всегда жив, цел, здоров!

- Ступай, - махнул рукой Хефрэ.

Писец бросил вниз свиток царской грамоты, Хену на лету подхватил его и, пятясь задом, полз, пока не скрылся из виду.

- Позволь сказать, Хем-ек, - смиренно, но вместе с тем взволнованно обратился к царю из-за левого его плеча казначей государства Сехемкарэ.

- Говори.

- Твой указ о милостях жрецам - дорогой указ!

- Дальше...

- Не ослабит ли он твою казну, Хем-ек?

- А ты для чего? - усмехнулся Хефрэ. - Заготовь еще указ о повышении налогов с роме!..

- О всеильный, всемудрый владыка Обеих Земель, - радостно воскликнул Псару, обладатель самых чутких ушей при дворе. - Защитник своих вельмож, укротитель недовольных, заботливый отец Кемта... Подданные твои должны знать свое место, должны иметь цель, чтобы трудиться. Введите следующего, жаждущего неисчислимых царских милостей...

Перед фараоном предстала жена осужденного мастера Сепы, полная и добродушная Исет. Если в первом случае усладители не сразу разобрались в обстановке, то сейчас они действовали в редком согласии, что говорило о расходах, понесенных просительницей.

- Хороший день, удачливый день сегодня, - восторженно заголосили усладители. - Нашего царя беспокоят достойные люди...

- Говори.

- Благой бог, молю тебя: прикажи вернуть мужа моего, Сепы, из каменоломен Юга в места ближе к Белым Стенам, - плача, заломила руки Исет. - У него плохое здоровье, а здесь я смогу поддерживать его, пока милость твоя вновь не вернется к нему...

- Хорошее время выбрала ты, Исет, - поддержали усладители, - удачное время. Хем-еф полон доброты! Именно сегодня...

Хефрэ размышлял недолго. Кивнул в знак согласия, он приказал везиру Иунмину отдать нужное распоряжение и приготовился выслушать следующего. У него и в самом деле сегодня было благодушное настроение.

6

Жизнь мальчика должна быть далека от радостей и горестей мужчины. Даже сам Рэ молод утром, зрел днем и стареет лишь к ночи. И никогда не будет наоборот, ибо такова воля богов.

Но в земной жизни роме бывает иначе, Взять хотя бы Джаи. До сих пор он был лишен общества своих сверстников. Не знает мальчишеских игр. Только в двенадцать лет обрел первого друга, да и то взрослого - точильщика инструментов Сенмута, которого недавно вельможа Хеси отослал домой, в Абу.

И снова - одиночество...

Самое сильное, неумное в характере Джаи - любознательность. Его черную фигурку можно было увидеть на улицах города, в пустыне, в

праздничной толпе и в кварталах Города мертвых.

Он все хотел видеть. Услышать. Однажды он сделал важное открытие... Потом поделился им с другом Сенмутом. Тот приласкал тогда Джаи, но строго-настрого наказал забыть об этом навсегда. А молчать Джаи умел.

Сам-то он не видел особой нужды молчать в данном случае, но послушаться не посмел.

Сенмут!

Воспоминания об этом человеке стали отрадой для мальчика.

Случайная встреча с Туанес и Каром оказалась вторым значительным событием в его маленькой жизни. Гигант-фокусник сперва внушил ему мистический страх, но потом страх сменился любопытством - желанием познакомиться с ним ближе.

А дружба с Туанес возникла у них сразу. Он сам находил ее, вырастая как из-под земли, гулял с ней, носил ее вещи, собирал для нее цветы. Когда же мальчик познакомился с Мериптахом и проникся к нему доверием, его обожание Туанес стало еще более откровенным, а лучшие часы его жизни теперь проходили рядом с ней.

Так юный Джаи стал другом дома знаменитого скульптора Та-Мери, о котором уже заговорил Кемт...

...Строительство Та-Мери в разгаре. Пять тысяч рабочих, едва забрезжит рассвет, взбирались на скалу, как мухи, и начинали ее обтачивать. Вернее, на самой скале работала лишь половина. Остальные пристраивали лапы будущего льва и выносили щебень.

Девять "командных пунктов" соорудил для себя Мериптах - девять точек, с которых он попеременно наблюдал за ходом работ. В каждой из них находилась глиняная модель Та-Мери, изображавшая скульптуру под своим углом зрения, характерным именно для данной точки.

И в каждом пункте сидел опытный скульптор, имевший возле себя курьеров для связи с теми рабочими, кто трудился в районе его наблюдения. Таким образом, множество глаз стали как бы продолжением самого Мериптаха и одновременно обозревали Та-Мери практически со всех сторон.

День, когда Мериптах разрешил мальчику сопровождать его, носить за ним чертежи и измерительную палку, запомнился Джаи необычным происшествием.

Вдоволь набегавшись, мальчик зашел в прохладный грот в груди каменного льва, выпил кувшин кислого молока и, присев на песок, прислонился к камню.

Шорох слева заставил его повернуть голову: у входа стоял здоровенный мурлыкающий кот с поднятым хвостом и умильным заискивающим взглядом.

- Не ты ли это, Миу? - шутливо спросил Джаи, вспомнив, что он уже видел этого знаменитого кота на представлениях Кара.

- Да, это я, - несколько глуховато ответил кот. - Сенеб, джаи! Не угостишь ли ты меня кислым молоком?

От неожиданности мальчик готов был мгновенно покинуть место потрясшей его встречи, если бы Миу случайно не загородил собой выхода.

- Не бойся, Джаи, - успокоил его кот и ласково мяукнул. - Я никому не делаю зла, если это не мышь и не дичь, подстреленная Каром...

- Но ты... ты... в самом деле разговариваешь?

- Как слышишь, - согласился кот.

Мальчик вспомнил, что до него уже доходили рассказы об этом удивительном коте, а недавно, затерявшись в толпе зевак, он сам слышал его

глуховатый голос. Теперь страх у Джаи исчез, уступая место любопытству.

- Значит, это... не фокус? - спросил он.
- Что именно? - вежливо уточнил кот.
- То, что умеешь говорить, как человек, - сам, без Кара?
- Об этом в другой раз, - уклончиво ответил кот. - А сейчас лучше

угости меня...

Джаи подвинул к коту миску кислого молока и, пока Миу насыщался, деликатно отвернулся и молчал.

- Спасибо тебе, Джаи, - поблагодарил Миу, тщательно вылизывая миску.
- Вкусное молоко!

- А я еще слышал о говорящих зверях, - похвалился Джаи.
- Вот как?! Где же это? - удивился кот.
- У меня есть друг, - доверительно рассказал мальчик. - Его зовут Сенмут. Он сейчас вернулся к себе в Абу... А когда он был еще здесь, в доме Хеси, где мы жили вместе, от него я услышал о говорящем льве...

- Льве?! - голос Миу дрогнул. - Где?
- Не спрашивай, Миу, - твердо произнес Джаи. - Я дал Сенмуту слово никому не говорить об этом!
- Но ты уже сказал, - заметил кот.
- Только самое начало, - оправдывался Джаи. - Чуть-чуть... Притом ты же не человек, ты не выдашь меня?
- Конечно, нет, - заверил кот. - Я умею хранить тайны лучше людей. Но скажи, Джаи, не случилось ли это у входа в кладовую древних скульптур, что недавно обнаружена в Городе мертвых?

Мальчик широко раскрыл глаза.

- А в той кладовой есть алебастровый Апис, что умеет говорить не хуже меня или того самого льва?..

- Да будут милостивы к тебе боги Кемта, - молитвенно сложив руки, склонился Джаи перед котом. - Прошу тебя: не выдавай меня!

- Но кому же я могу тебя выдать? Я и сам бывал там...
- Сенмут сказал, что, если об этой кладовой узнают, плохо будет ему, плохо будет вельможе Хеси.

- Вельможе Хеси!
- Будь другом, Миу. Очень прошу тебя... не спрашивай дальше!
- Хорошо, Джаи, я согласен. Но теперь послушайся моего совета...
- Говори, я рядом с тобой.
- Как-нибудь я приду вместе с Каром. Ты не бойся его, он тоже будет тебе верным другом, Джаи!

Кот отошел в сторону, потянулся, взглянул на небо и, не поворачиваясь, проговорил:

- Солнце низко. Прощай, Джаи, мне пора идти.
- Прощай, Миу, мой новый друг. Приходи, когда захочешь...
- Спасибо за молоко! - еще раз поблагодарил кот и ушел.

7

Хефрэ видел полог над собой лишь одним глазом; другой был закрыт тонкой мокрой тканью, придавленной теплой и мягкой лепешкой гипса.

Рэур снимал с царя маску для Та-Мери. Он оказался прав: если б не его

слепота - царь не разрешил бы смертному коснуться своего лица.

Маска снималась по частям. Сперва левая половина - верхняя и нижняя, затем правая - нижняя. Отдельная лепешка приняла форму чувственных мясистых губ Хефрэ. Еще одна лепешка легла на нос. И вот сейчас - последний слепок с правого глаза и лба.

Гипс высыхал быстро, не причиняя беспокойства, не раздражая кожи. Рэур осторожным движением снял затвердевший кусок и подстилающую ткань и невольно напрягся: из державной груди вырвался могучий храп - царь уснул!

Еще не прошло и минуты, как они беседовали... Да, цари засыпают легко и быстро. Когда спокойно во дворце.

Уни помог Рэуру уложить в корзины гипсовые слепки и передал их носильщикам на лестнице у края дворцовой крыши. Вслед за ними удалился слепой скульптор.

Царь спал, забыв о том, что черты его лица скоро обретут другую жизнь в тысячелетиях.

Уни охранял его сон...

8

Добрые отношения в семье Кара установились у Мериптаха со львом. Ара любил играть с Мариптахом, а в дневные часы, когда Мариптах отдыхал в доме фокусника, они спали рядом, обнявшись и жарко дыша друг на друга.

Привязанность эта давняя - Ара познакомился с Мариптахом еще львенком и охотнее всего лакал молоко из ладони скульптора. Став взрослым и обзаведясь густой гривой, Ара проявлял к скульптору еще более верные чувства, но, понимая мир и людские отношения по-своему, не подпускал к Мериптаху красавицу Туанес.

Стоило ей приблизиться к мужу на расстояние ближе, скажем, двух шагов, как Ара в гневе оскаливал клыки и его басовитое ворчание становилось выразительнее слов. Поэтому, когда Ара позировал Мериптаху, лепившему из глины десятки моделей Та-Мери, Туанес тосковала в одиночестве, порой сердясь, и втайне невзлюбила зверя.

Когда же они, как сегодня, приходили в гости к Кару, Туанес располагалась в отдалении рядом с пигмеем Акка. Последнее время с Ара творилось что-то непонятное, и в случае необходимости чернокожий помощник укротителя смог бы защитить Туанес.

То ли наступила брачная пора, то ли инстинкт предков звал его на вольный простор саванн и пустынь, но лев порой становился грустным, терял аппетит или беспричинно раздражался и мог рыкнуть даже на Кара, впрочем быстро раскаиваясь и виновато опуская хвост.

Кар с удовольствием не выпускал бы его из клетки, но, едва завидев Мериптаха, лев радостно возбуждался и сильными ударами лап грозил разрушить свою темницу.

Сегодня в доме Кара появился новый гость - Сенетанх. На всякий случай Кар и Акка положили рядом с собой копья и лук с отравленными стрелами, но лев спокойно обнюхал Сенетанх и, обняв Мериптаха, положил ему на колени свою тяжелую голову.

- Смотри, Сенетанх, - засмеялся Кар, - смотри, Ара не признал твоих прелестей...

- Может, Хену посоветовал ему готовиться к богослужению? - сердито съязвила Сенетанх.

- У него дурной вкус, - заметил Мариптах.

- У тебя лучше? - спросила Сенетанх и так посмотрела на Мериптаха, что скульптор смутился, а Туанес нахмурилась и прикусила губу.

- Не смотри на него так, - приказала Туанес.

- Почему? - спросила Сенетанх.

- Я люблю его, он мой!

- Возьми на время моего Хену, - шутливо предложила Сенетанх, - а мне уступи Мериптаха. Хочешь?

Глаза Туанес сделались черными, а тонкие брови грозно сдвинулись.

- Я говорю: на время, Туанес, - нежно произнесла Сенетанх и кончиками точеных пальцев погладила плечо Мериптаха.

Лев зарычал, а в том месте, где его хвост с силой коснулся пола, взвилось облако пыли и осколков глины.

- Перестань! - предостерегающе произнес Кар.

- У меня двое соперников, - вздохнула Сенетанх и слегка отодвинулась, а Туанес впервые с признательностью посмотрела на зверя.

Кар разлил пиво. Ему показалось, что и его чем-то задело озорство Сенетанх...

Последние слова должны бы всерьез обидеть легкоранимую Туанес, но почему-то этого не произошло, и вскоре они, забыв минутную размолвку, весело беседовали друг с другом, и было ясно даже со стороны - несмотря на разность характеров, у них немало такого, что сближает людей, даже делает их приятелями, а то и друзьями.

- Акка, - приказал Кар, - отведи льва в клетку. А ты, Мериптах, помоги ему. У меня есть серьезное дело.

Скульптор и пигмей повиновались. К счастью, Ара, насладившись близостью с Мериптахом и, видимо, устав от пустых - по его мнению - разговоров шумной компании, без сопротивления удалился восвояси.

- Твое приказание выполнено, хозяин, - доложил Акка.

- Хорошо, Акка, молодец. Можешь идти...

- Так что за разговор? - торопила Сенетанх.

- Начнем с тебя... - негромко произнес Кар и спросил, смотря ей в глаза: - Опиши наружность Сеп, Сенетанх.

- Сеп?! Я рассказала об этом тебе одному.

- Не обижайся, Сенетанх. Смотри, все это очень важно. Ты скоро поймешь.

- Ночь была, Кар. Хорошая ночь. Лицо его плохо разглядела я. На бедре шрам. Я рассказывала, Кар.

- Если увидишь - узнаешь?

- Увижу? - задумалась Сенетанх. - Возможно... А к чему такой вопрос?

- Я встретил жену Сеп. Ее зовут Исет. Она сказала... сказала, что Сеп не был охотником... Не имеет шрама от схватки со зверем... Презирает дешевые украшения...

- Но он снял ожерелье с себя. Подарил мне. Я не обманываю.

- Нет, нет Сенетанх, - заверил Кар. - Это кто-то другой обманул тебя, назвавшись Сепом.

- Для чего? - удивился Мериптах.

- Пока не знаю...

- Это все? - спросила Туанес.

- Нет. У нас есть новый знакомый - Джаи. Вот недавно сидит он в твоей мастерской, мериптах, что в груди Та-Мери. Я шел туда. Но мой кот Миу обогнал меня. Слышу, как Джаи спрашивает: "Это ты, Миу?" А меня не видит... Я притаился за камнем. Отвечаю: "Да, это я..."

Сенетанх и Туанес весело засмеялись.

- Сперва Джаи испугался, но потом поверил, успокоился. Он же не знает, что я умею говорить животом, а я совсем рядом был. Хорошо получилось!

- Как это - "животом"? - не поняла Сенетанх.

- Ты многое не знаешь, Сенетанх, - заговорила в ее руке глиняная кружка с пивом.

Сенетанх вздрогнула и уронила ее на пол.

- Не бросай меня, Сенетанх, подними, - просила кружка. - Я же могу разбиться.

Она взглянула на Кара: его лицо непроницаемо, губы неподвижны, а из кружки доносилось сердито:

- Возьми меня.

- Успокойся, - обняла ее Туанес. - Это Кар говорит. Он же фокусник.

- Теперь понятно? - усмехнулся Кар.

- Не-ет...

- Мои губы будто мертвы, а голос идет как бы из моего живота.

- Как же это?

- Трудно объяснить. Я с детства так умею...

- Молодец, Кар, - восхищенно воскликнула Сенетанх, сообразив наконец, в чем тут секрет.

- А дальше Джаи рассказал Миу, что его друг, точильщик инструментов Сенмут... знает о недавно открытой кладовой древних скульпторов. Где был алебастровый Апмс, проданный Сепрм Хеси...

- Тот самый, что ты после выкрал из храма Птаха и унес обратно? - придвинулся к нему Мериптах.

- Да.

- Так вот в чем я помогала тебе! - догадалась Сенетанх.

- Надо было, - оправдывался Кар. - Ты помогла мне раскрыть преступление, Сенетанх.

Туанес молчала, собирая воедино все разрозненное, что было ей известно из рассказов мужа. Сейчас она стала представлять себе, что же тогда происходило.

- Но Джаи сказал, - продолжал Кар, - что Сенмут... знает "говорящего" льва...

- Но ведь вместо Аписа, вместо Ара в ту ночь в древней кладовой говорил ты, Кар, - уточнил Мериптах.

- Да.

- А видел тогда именно Сепу? Там, в подземелье?

- Сепу! - убежденно ответил Кар.

- Значит, Сеп рассказал обо всем Сенмуту, одному из людей Хеси, - решила Сенетанх.

- Может, Хеси знал, какого Аписа он приобрел? - предложила Туанес.

- Может быть.

- А сам отказался, чтобы свалить вину на одного Сепу, - сказал Мериптах.

- Надо узнать, - предложил Кар. - Я еще поговорю с Джаи, а тебя,

Сенетанх, прошу проникнуть в дом Хеси... Он уже делал тебе подарки...

- Это давно было, Кар, - пояснила Сенетанх. - Я была совсем девочкой, только вышла за Хену тогда.

- Смотри, Сенетанх, иной возможности нет, - уговаривал Кар. - Смотри. Ведь Хеси против Мериптаха, он завидует ему. Просил царя отказаться от строительства Та-Мери. Злой он.

- Хорошо, - согласилась Сенетанх.

- Будь осторожна: у Хеси много верных людей - он богатый человек.

Родственник царя...

- Мой Хену тоже в родстве с Хем-ефом! - гордо ответила Сенетанх.

- Все равно будь хитрой.

- А что делать мне? - спросил Мериптах.

- Воздвигать Та-Мери, а Туанес пусть помогает тебе... Мы с Сенетанх управимся сами...

9

В полумраке святилища храма бога Птаза встретились двое: главный жрец Хену и Хеси.

Они расположились на циновке перед занавеской, за которой вновь стоял алебастровый Апис, после таинственных приключений отданный фараоном храму.

С тех пор как это произошло, Хеси каждый раз, бывая здесь, непременно отгибал край занавески и заглядывал в нишу. Увидев скульптуру, вельможа неприязненно отворачивался.

Уже давно свершился суд фараона. Сеп отбывает наказание, а Хеси до сих пор не знает, как его скульптура вернулась в свое подземелье тогда?

Было ли это известно везиру Иунмину или царю? Как ни пытался Хеси разузнать - ничего не получалось. Может, и в самом деле разгневанный Апис сам проделал обратный путь?..

От подобной мысли Хеси становилось дурно и появлялась противная тошнота. Днем, отвлекаемый различными делами, он терял эту удручающую мысль, но, когда приходила ночь, Хеси подолгу молился богам, всем по очереди, ибо трудно предугадать, кто из них знал то, что Хеси хотел уберечь от людей. И приносил обильные жертвы, понимая, что и богам не чуждо ничто человеческое.

А потом ворочался с боку на бок, вздыхал и пытался уснуть, что не всегда удавалось ему даже под утро. Такое состояние продолжалось несколько месяцев и, правда, стало угасать, но стоило ему зайти в святилище храма, откинуть занавеску... и волна тревоги вновь захлестывала его.

- Почему молчишь? - обратился Хеси к главному жрецу.

- Трудно говорить умнее тебя, - схитрил Хену.

- Ты обещал уговорить Хем-ефа запретить строить льва с его головой, а недавно Рэур снял маску с лица царя!..

- Неужто?! - притворно изумился Жрец.

- Так что сказал Хем-еф? Ты говорил с ним?

- Да, Хеси. Он дал мне вот это...

Хеси взял свисток, развернул и принялся за чтение. Его красивое лицо стало злым и отчужденным. Он в бешенстве швырнул в угол папирус и, брызжа

слюной, с трудом удерживаясь от крика, выдохнул:

- Не ты ли мечтаешь о величии жрецов, Хену?
- Да, это верно.
- Не ты ли строишь планы увеличения доходов от храмовой службы?
- Правильно говоришь, Хеси.
- Не ты ли хочешь, чтобы храмы богам строились больше, богаче, нежели

заупокойные храмы царей?

- Я.
- А теперь ты радуешься, Хену?
- Да.
- Чему?
- Царь снял с нас налоги, освободил от повинностей, Хеси. Разве этого

мало?

- Он это сделал, чтобы вы не мешали укреплению его власти, Хену. Чтобы вы стояли на месте. Этой грамотой он "охраняет" вас от возможности получить больше!

Только теперь Хену несколько уразумел истинный смысл полученных им царских "милостей". Так опростоволоситься?! Помочь своими непродуманными домогательствами царю, между тем как сам хотел возвыситься над ним?

- Но ведь он все же дал нам права... Они помогут расширению наших благ.

- На это уйдут сотни лет! - воскликнул Хеси. - Теперь, после Хефрэ, другие цари с удовольствием последуют его примеру, а жрецы будущих поколений проклянут тебя за такие "права"...

- Что же делать?

- Добиваться, чтобы скульптуру Мериптаха снова называли Шесеп-анхом. Надо просить, чтобы скульптуру приписали к храму бога Птаха - в этом случае твое положение станет намного лучшим.

- Но как?

- Хену. Ты будешь действовать через царских сыновей. Я поговорю с Рэуром. Кроме того, мы должны отомстить Мериптаху: надо мешать строительству!

- Хорошо, Хеси, - склонил голову жрец, - пусть будет по-твоему...

Вот Хеси покинул храм и миновал сад. Во дворе Хену он почувствовал чей-то взгляд и невольно посмотрел в окно, мимо которого хотел пройти. Хотел и... остановился. В комнате - пышнобедрая молодая женщина в белой прозрачной накидке. Застигнутая врасплох, она растерялась, сделала неловкое движение, желая плотнее запахнуться, но невесомое покрывало и вовсе соскользнуло на пол.

- Сенетанх?! - хриплым шепотом произнес Хеси.

- Сенеб, - ответила Сенетанх и медленно отступила в угол, чтобы видна была лишь ее голова в окне.

- Как ты хороша! Грудь твоя стала еще больше, нежнее...

- Я знаю это, Хеси, - спокойно сказала она. - Но проходи, ты же торопишься...

- Я могу зайти, если хочешь.

- Только не здесь, Хеси.

- Тогда приходи ко мне.

- Хорошо, Хеси. Жди меня... Я приду!

**НОЧЬ ПЯТАЯ,
последняя в жизни Сенетанх...**

1

Вот уже каменный лев уверенно протянул передние лапы в грядущее, мирно закинув хвост на правую сторону: ему некуда спешить...

Мериптах почти не сходил с лестницы, высекая глаза, нос и рот фараона. Лучшие камнерезы Кемта плечом к плечу трудились рядом.

Казалось, Мериптах позабыл обо всем на свете. Но однажды вечером, покрытый пылью и пошатываясь от усталости, он спросил Тхутинахта:

- Сколько людей подверглось сегодня наказанию?

- Все, кто заслужил, - четь раздраженно ответил начальник рабочих, не терпевший вмешательства в свои дела.

- Хорошо сказанное тобою, - кивнул Мериптах. - Камень любит характер: он сам тверд...

Старый мастер восхищен: неужто и Мериптах взялся за ум?

- Но в стороне остались работающие лучше остальных...

Тхутинахт настороженно и вежливо молчит. "Какая еще мысль у Мериптаха просится на кончик его языка?" - думает он.

- Пусть два скульптора, - приказал Мериптах, - сделают десять моделей Та-Мери.

- Исполнят...

- Можно из глины.

- Хорошо.

- Будешь награждать ими отличившиеся десятки. Понял?

- Нет, - признался Тхутинахт.

- Надо поощрять старательных людей...

- Разве мало им того, что из не бьют? - удивился Тхутинахт.

- Мало!

Тхутинахт не посмел возразить, но лицо его выразило отчаяние - ему хочется, очень хочется уяснить смысл услышанного, но не все, видимо, подвластно человеческому уму!..

- Заслужившие награду, - терпеливо объяснял Мериптах, - получают двойную плату за свой труд...

Теперь Тхутинахт понял. Оценил простоту и действенность новых мер. Тхутинахту думалось, что по части организации строительства, расстановки сил и управления работами все известно людям, тем более ему - признанному и опытному. Оказалось, в любом деле нет завершенности. Даже в новом замысле Мериптаха... И Тхутинахт невольно улыбнулся, довольный, что последнее слово может остаться за ним.

- Тхутинахт умный, - ответил он. - Я понял дальше твоего!

Мериптах удивленно поднял брови.

- На весах справедливости две чаши. Так?

- Да, Тхутинахт.

- На одной из них будет наша награда. А на другой?..

- Не знаю.

- Тхутинахт знает! Не только двойную оплату получают отличившиеся, но

и... двойное наказание, если провинятся!

Мериптах засмеялся: кому много дано, с того больше спрашивается!

- Будь по-своему, Тхутинахт.

Строительство Та-Мери и прежде отличалось быстрым темпом, но после введения Мериптахом поощрений оно стало самым стремительным в истории Кемта.

2

Теанес меж тем чувствовала себя одинокой. Особенно последнее время. Она часто встречалась с Сенетанх, и они подолгу беседовали. Джаи не отходил от нее. Она даже гордилась верной привязанностью мальчика. Нередко навещал ее Кар.

Но никто и ничто не могло заменить ей мужа.

Она понимала, что так надо. И смирилась. Не роптала. Просто никак не могла привыкнуть. Вот если бы у нее были дети... Хоть один ребенок! Сегодня она призналась в этом Сенетанх.

- Надо просить богов, - предложил Сенетанх.

- Просила, - вздохнула Туанес.

- Надо знать, как это делается... Смотри, Туанес, смотри, богов уприсит Хену.

- Твой муж?

- Да. Пусть хоть какая-то польза будет от него...

- Захочет ли?

- Я прикажу ему - он захочет!

- Пожалуйста, Сенетанх. Я подарю тебе свой браслет: вот этот, с глазом Гора.

- Я беру подарки только от мужчин... Раньше брала...

- Как это - раньше?

- Не надо об этом, Туанес. Цела ли твоя фигурка из глины, что вылепил Мериптах?

- Да.

- Заверни ее осторожно.

- Хорошо.

- Пойдем к Хену.

- Когда?

- Сейчас, Туанес!

И они направились в храм бога Птаха. Сенетанх - уже сейчас со строгим лицом уверенной в себе повелительницы. Туанес - с трепетом надежды. Труден мир. По-своему - сложен. Но есть боги. И если соблаговолит - многое станет доступным человеку.

Джаи они не брали с собой. Но маленькая черная фигурка, таясь, следовала за ними. Мальчик слышал их разговор и, снедаемый любопытством, не мог отказаться от возможности внимать настоящим заклинаниям настоящего жреца.

"Возможности"? Громко сказано! Но ничего. На месте виднее. Джаи решителен, умеет быстро ориентироваться в обстановке.

Туанес осталась в комнате Сенетанх. Джаи - в кустарнике рядом. А Сенетанх пошла искать мужа. Ее не было долго, но, когда она появилась,

Туанес поняла по выражению ее лица, что боги сегодня милостивы и Хену также.

- Посмел бы он перечить мне! - гордо произнесла Сенетанх. - Я могу приказывать ему вот этим пальцем вот этой ноги...

Джаи совсем притих в кустах, размышляя: как можно приказывать, да еще уважаемому служителю бога, пальцем ноги? Ему захотелось как следует рассмотреть чудесный палец, но было далековато, и он отложил это до следующего раза. Лишь бы разузнать, о каком именно пальце идет речь и на какой ноге!

- Спасибо, Сенетанх. Когда?

- Сейчас.

Туанес обняла подругу и поцеловала в щеку.

- Мы пойдем к нему вместе.

- Хорошо.

- Только, знаешь, Туанес... Я найду тебе укромное место, чтобы ты сама видела и слышала все, а потом... уйду. Ладно?

- Уйдешь?

- Ко мне придет Кар... Но ты не волнуйся... В земле под храмом есть потайной, забытый всеми ход. Я покажу его тебе.

- Хену, наверное, надо очищаться перед общением с богами?

- Он уже очищается целый месяц, - зло ответила Сенетанх. - Пойдем...

Джаи слышал все слово в слово и опять удивился: ведь очищаться надо, вероятно, в воде или огне?.. Он представил себе такое длительное очищение, и мурашки пробежали по его спине. Ну и должность! Нет, Джаи не способен на такое подвижничество...

Крадучись, он выследил женщин, приметил место входа в подземелье, подождал, пока ушла Сенетанх, и тоже спустился вниз. Тихо. Чтобы не услышала Туанес и не испугалась. К счастью, здесь была тонкая стена, как бы разделяющая ход на два. Когда глаза мальчика привыкли к темноте, а слух обострился, он без труда определил, где Туанес, и, ступая как кашка, занял место почти рядом с ней, отделенный лишь ветхой перегородкой.

Над ним была ниша святилища храма, и Джаи разглядел в ней алебастрового Аписа, а в узкую щель увидел и самого Хену, освещенного масляными светильниками.

Вот жрец установил на низком столике глиняное изваяние Туанес, зло осмотрел его и опустил на колени.

- О великие боги Кемта, - отчетливо услышал Джаи (и Туанес тоже), - смотрите: я надел на свою шею магические ожерелья, охраняющие мою грудь. В них зеленый цвет Бодрости и белый - Чистоты... Вот на моих ногах браслеты, защищающие их движения... На руках моих священные узлы из папирусных веревок. Они окружили мой пульс - никому не прорвать его! На моем торсе магический пояс с ключами Жизни, Здоровья, Силы, Устойчивости. Смотрите, боги Кемта... Они сделаны из золота - царя металлов, из золота - затвердевших лучей Рэ! Я защищен амулетами. Я недоступен вам. Я не боюсь вас, боги Кемта...

Джаи невольно сжался в комок. Он знал лишь молитвы, то есть бесчисленные просьбы людей, обращенных к богам. Но чтоб так разговаривать с властителями неба?! Это выходило за пределы даже его буйного воображения.

- Смотрите, боги Кемта, - продолжал Хену. - Вот изображение Туанес, она мой заклятый враг. Я пишу ее имя зеленой краской на папирусе и сжигаю

его в священном огне, чтобы оскверненный дым дошел до вас. Возмутил ваш дух, укрепил вашу память.

Джаи затрепетал. Почему жрец назвал Туанес своим врагом? Может быть, это необходимо по ритуалу? А потом он признается богам, что желает Туанес добра?

Однако Хену, совсем распаляясь от злости, говорил другое:

- Слушайте боги Кемта, меня - Хену, великого мага. Вы исполните мою волю не только потому, что я вас не боюсь... Я не касаюсь женщины положенное время, не ем мяса, не ем рыбы. Я умастил себя бальзамом, положил за уши благовонные вещества, омыл губы свои соляным раствором, обут в деревянные башмаки, я - друг ваш! Я исполнил угодное вам, богам Кемта. Смотрите сюда: в моей правой руке волшебная палочка из слоновой кости, покрытая фигурами и знаками. Повинуйтесь ей! Вот я указываю ею на живот Туанес. Он - ваш. Это говорю вам я, сам Хор! Пусть всегда он будет пустым, не знает детей Мериптаха. Вот груди Туанес, боги. Они тоже принадлежат вам. Пусть сохнут они, чтобы никогда не давать пищу живому. Вот лицо ее - пусть постареет оно раньше времени, чтобы никто не любовался им. Лишите ее сна, лишите ее покоя, досточтимые боги, властители снов, повелители имен! Ниспослите на Туанес самые страшные болезни, известные вам, пусть она тает подобно воску... Обратите красу ее в безобразие, молодость - в увядание, освободите члены ее от подвижности. Сделайте все это, боги Кемта: вы укрепите нашу дружбу! Еще сделайте так, чтобы жалобы ее Мериптаху на свое нездоровье, жалобы ее друзьям на свои недуги - через слова эти передали Мериптаху свои болезни, передали недуги друзьям ее. Да будет так, великие боги Кемта, как сказал я, ваш друг, великий маг Хену. Я принесу вам достойные жертвы, я прослаблю вас на площади Белых Стен, где хранится огонь для жителей столицы, поддерживаемый моими жрецами. Да будет так, сказанное мною, исполните услышанное вами: умертвите Туанес.

Хену вошел в экстаз и стал произносить бессмысленный (для Джаи) набор слов и звуков - сладкий дым курильниц стал гуще и вскоре так окутал зловещую фигуру жреца, будто он исчез, растворился в жарком воздухе храма.

Мальчика трясло от страха, и он, едва владея собой, почти ничего не соображая, обратился в бегство. Но тут он вспомнил о Туанес, перебежал на другую сторону подземелья и с трудом отыскал ее. Молодая женщина лежала на земляном полу в глубоком обмороке.

Напрягая силы, Джаи вынес ее на воздух, положил на густую траву и убежал...

Лишь к самому вечеру он окреп духом и заставил себя вернуться к месту, где он покинул бесчувственную Туанес.

Ее уже там не было...

3

Тхутинахт сперва удивился. Потом - стал нервничать. А последние дни - холодок страха проник и в его душу.

На строительстве Та-Мери начали происходить странные вещи...

Сперва погибло трое рабочих. Кусок скалы упал на них, когда они ровняли край площадки позади каменного льва. Некоторое время спустя во время сна погибло еще девять рабочих. Их укусили змеи, неведомо как

оказавшиеся среди спящих.

Затем умерло более ста человек... На этот раз боги отравили воду для питья. Неизвестно, кто пустил такой слух, но об этом вдруг заговорили все.

И наконец, доставая из своей плетеной корзины обед, Тхутинахт вовремя обнаружил трех маленьких змей, маслено блеснувших на ее дне. От их укуса человек умирал через пять минут...

Паника охватила людей, и строительство прекратилось. Все ходили на цыпочках, опасаясь змей, поминутно поглядывая вверх - не упадет ли с неба камень?

Впервые растерялся Тхутинахт, не зная, что предпринять. Только одна фигура рабочего видна теперь на спине Та-Мери, и лишь сейчас увидел его Джаи. Он сидел понуря голову, безучастный ко всему, в глубоком раздумье. Видно, ни змеи, ни камни, падающие сверху, не тревожили его.

Мальчик издал не то крик, не то болезненный стон и чуть ли не бегом вскарабкался на шершавую спину Та-Мери.

- Сенмут! - задыхаясь от бега, волнуясь, проговорил он. - Это я, Джаи. Как рад я видеть тебя...

Рабочий поднял голову, и мальчик содрогнулся, глядя в его асимметричное, такое знакомое ему, а сейчас усталое, изможденное лицо.

- Как ты попал сюда, Сенмут? Ты не уехал в Абу?

- М-мен-ня п-п-риве-езли об-брат-н-но... - сильно заикаясь, ответил рабочий.

- Почему ты говоришь так, спрашиваю я? О боги! Где шрам твой на правом бедре, Сенмут?!

- Я... не Сен-н-м-м-у-ут...

- Так кто же?

- Я Сеп.

Джаи, не веря услышанному, с трудом отрешается от того, что видит сам, своими глазами.

- Но ведь ты... Сенмут, - все еще сопротивляясь действительности, говорит он.

- Нет, я - Сеп, - безвольно и вяло ответил рабочий.

Мальчик вновь всмотрелся в его лицо и вдруг понял: да, это не Сенмут! У того лицо было как бы слегка перекошено слева направо, а у этого... наоборот. У Сенмута глубокий шрам на правом бедре, а у... Сеп - нет его. Сенмут мускулистый, а тело Сеп еще хранило жировые складки. К тому же Сеп почему-то заикается, а Сенмут - нет.

Убедившись в ошибке, Джаи, будто во сне, слез с каменной спины Та-Мери и направился было в грот Мериптаха, чтобы, уединившись, предаться размышлениям, но грота уже не было. Его обрубили по краям и заложили камнем.

Тогда он подумал о Туанес и пошел к ней. Он уже знал, что Сенетанх и Кар нашли ее на траве в саду Хену и отнесли домой.

Она пришла в себя лишь на следующий день. Джаи еще не видел ее. Возле нее часто бывал Кар, а мальчик не мог преодолеть робости при виде фокусника. Но будь что будет: если окажется, что Кар и на этот раз там, он все равно войдет в комнату Туанес.

Но вместо Кара Джаи застал там Сенетанх.

- Сегодня я пойду к Хеси... - услышал он ее голос.

Туанес ничего не ответила. Она смотрела в потолок, и только редкий взмах ее густых ресниц давал окружающим знать, что она жива.

Подойдя к ней и посмотрев на ее бледное лицо, мальчик присел рядом на тростниковую циновку и, прижавшись своим горячим черным лицом к ее холодной руке, заплакал.

Пришел Мериптах с врачом. Сенетанх поцеловала подругу, простилась с Мериптахом и, нежно обняв мальчика, отвела его в угол комнаты. Потом ласково и печально провела ладонью по его лицу, осушая слезы, вздохнула и ушла...

Мудрый Тотенхеб, светило врачевания в Белых Стенах, задумчиво стоял у постели Туанес. Внимательно осмотрел ее, нагнулся, послушал сердце. Ощупал живот.

- Сегодня смажьте ее медом, - распорядился он.

Мериптах кивнул.

- Завтра, еще три дня после - свежей кровью быка... Дать ей пить смолу священной акации, разбавленную наполовину водой - для успокоения. Причина заболевания - воля богов... Буду думать я, Мериптах, думать буду я. Основное - разгадать имя болезни, чтобы суметь воздействовать против него! А сейчас помощи мне выпустить дурную кровь...

Джаи плохо слушал остальное. Когда Тотенхеб произносил слова "...причина заболевания - воля богов...", Джаи увидел рядом с собой на тумбочке ту самую фигурку Туанес из глины, что была в руках Хену в храме. Ну, конечно! Только он, Джаи, знает истинную причину болезни Туанес... Но сказать об этом нельзя - иначе и тот, кто услышит подробности, заболеет сам. О себе Джаи почему-то не подумал. Только Джаи знает истину и сумеет помочь Туанес!..

Взрослым было не до него, мальчик зорко осмотрелся, бережно взял обеими руками скульптуру, спрятал ее за спину и, пятась выбежал из дома...

4

Откинув занавеску, Кар увидел оголенную спину Сенетанх. Красавица сидела на полу у шкатулки, в которой она хранила свою коллекцию. Но, странное дело, браслеты и ожерелья, флаконы для ароматных масел и гребни, подаренные ей многочисленными поклонниками, были свалены кучей в корзинке для мусора...

Все!

Хотя нет...

На правой ее ладони простой камень, подаренный Каром в час их первого свидания. Она пальцем нежно ласкает его отшлифованные Великой Хапи бока.

"Выкинет тоже в корзинку?.." - встревожился Кар.

Дотянувшись до туалетного столика, она положила на него камень и теперь любовалась им издали.

Кар самодовольно улыбнулся. Мужчине лестно видеть себя победителем, особенно имея столько соперников...

"Я хорош, красив я, - с удовольствием подумал Кар. - Девушки ходят за мной, как тень за телом... Пусть Сенетанх тоже воздаст хвалу мне, но пусть похвала ее моим доблестям не отвергает внутренность моего молчания!"

И, гордый увиденным, ушел бесшумно и незамеченным.

Это страшное утро началось тихо.

Толпы рабочих сгрудились на берегу Хапи. Безмолвно. Неподвижно. Кто сидит на камнях, кто стоит. Взоры всех направлены в сторону бригадиров, нерешительно направлявшихся к строительной площадке - вернее, к Тхутинахту, сидевшему у входа в нижний заупокойный храм фараона.

Вот подошли они к нему. Вот стали. Вот, словно сговорившись, пали ниц.

- Ну?.. - угрюмо произнес Тхутинахт.

- Ты первый над нами, - хором негромко заговорили они. - Начальник рабочих.

- Слушаю я говоримое вами.

- Смотри, Тхутинахт, смотри... Как работать нам? Люди хотят заслужить ласку своих начальников. Хотят они.

- Ну?

- Усыпи гнев свой, Тхутинахт. Выслушай. Как работать, говорим мы, если смерть окружает нас?

- Верно говорят они, верно! - вдруг послышался громкий бас, и из-за колонны позади Тхутинахта появился Хену.

При виде громадной фигуры Главного жреца Тхкутинахт склонился, он сложил ладони вытянутых рук вместе, не смея в упор смотреть на верного слугу божества скульпторов и камнерезов, великого мага Белых Стен.

- Пусть скажут они вновь просимое ими, - приказал Хену.

- Они боятся змей, - пояснил Тхутинахт, - камней, падающих с неба, отравленной воды...

- Я разговаривал с богами, - повелительно произнес Хену, - их желание известно мне. Смотрите, люди, смотрите... Среди вас есть Сеп, осквернитель Города мертвых.

- Да, есть такой, досточтимый жрец, - ответил бригадир Менхепер. - Он в моем десятке.

- Накажем его между землей и небом. Тогда все прекратится. Вы сможете работать не боясь, люди.

Бригадиры молча смотрели на Тхутинахта. Хену смерил его грозным взглядом и пробасил:

- Понял ты, Тхутинахт, веление богов, спрашиваю я?

- Да, - угрюмо ответил Тхутинахт.

- Что скажешь ты в ответ?

- Приказывай великий начальник мастеров, слуга Птаха, действуй, как считаешь нужным...

- Возвращайтесь к рабочим, - приказал Хену бригадирам. - Скажите им: пусть займут свои места, пусть смотрят... А ты Менхепер, пришли в место наказаний осквернителя Сеп.

- Исполню, великий начальник мастеров, - хмуро сказал Менхепер.

...Тысячи глаз устремлены к месту наказаний. Вот привели туда Сеп, и жрец, указывая на него пальцем, что-то гневно говорит ему.

Сеп стоит с опущенной головой. Понимает ли он, что говорят ему? Или безразличие овладело им? Или сознание своей вины породило в нем смирение и готовность?

С любопытством смотрят роте на обреченного. Если боги потребовали его

- значит, так надо. Жрецам виднее. Сеп - осквернитель Города мертвых, он связал себя с темными силами, используя которые уже успел умертвить десятки людей.

Хорошо, что жрецу удалось разгадать его коварство, доложить богам и уговорить их защитить невинных. Разумеется, уступчивость богов должна быть вознаграждена. Очень хорошо, что виновник многих несчастий на строительстве и понес ответ.

Вот четыре дюжих нубийца взяли Сеп за руки и за ноги, распластали на песке, а потом дружно оторвали от земли и как бы распяли его на весу.

Палач совершил омовение священной водой Хапи, взял в правую руку гибкий трехгранный стебель папируса, взмахнул им - и первая косая полоса легла на спину Сеп.

Жрец стал рядом и затянул молитву. Палач со свистом наносил удар за ударом. Толпа зрителей, облепившая Та-Мери, замерла в нервном напряжении.

Тело Сеп дергалось в руках нубийцев, но в наступившей тишине ни один стон его не присоединился к свисту розог, которые услужливый помощник время от времени заменял свежими и подавал палачу.

Хену что-то сказал, и палач, кивнув, стал наносить удары медленнее и точнее. Вот он опустил розгу острой гранью на спину Сеп, едва заметно повернул ее сперва налево, потом направо и слегка потянул на себя, оставляя на бронзовых лопатках казнимого глубокие кровавые канавки.

Палач плеснул на голову Сеп воды из кувшина, а Хену извлек из белого мешочка, что висел у него на золотом поясе с амулетами, горсть мелкой, как пудра, толченой соли и принялся втирать ее в длинную рану.

Теперь громкий вопль вырвался из груди жертвы, и лицо главного служителя бога Птаха посветлело: это свидетельство того, что богам угодно творимое!

Розовой пеной пропитывался воздух над телом Сеп, порой даже темно-алые струйки крови стекали на золотистый нежный песок, и палач с удвоенным усердием мастерски срезал с опухающего на глазах тела небольшие кусочки кожи, которые срывали с гудящей розги и разлетались далеко вокруг.

Это была настоящая работа, и палач Сенна всенародно демонстрировал свое искусство. С профессиональным остервенением. Дж-ж-жик-к!.. - и тонкий срез живой ткани с еще наполненными кровеносными сосудами и воспаленными нервами взвивался к сухому жаркому небу. Дж-жик! - и новый вопль Сеп улаживает слух богов.

Пусть камнерезы и скульпторы, все роме знают, что и среди палачей есть мастера, великие старанием и умением, достойные славы!

Толпа не выдержала. Безумие охватило ее. Люди бессмысленно что-то кричат друг другу, прыгают, лица у многих исказились, глаза широко открыты. Они царапают себя, чтобы и собственная кровь присоединалась к ручейкам, стекавшим с Сеп, - боги Кемта станут еще милостивее.

Тысячи глоток, ревущих, стонущих, вопящих, как бы слились в одну - и мощный гром дикого экстаза подняли вихри песка и пыли, окутавшие горячие камни Города мертвых.

Глаза жреца загорелись религиозным вдохновением... Вот он схватил пучок розог и, чуть ли не оттесняя палача, добивает Сеп. Геркулес Хену уже не помнит себя от ярости, он бьет все время по правому плечу Сеп. Оно превращается сперва в шар из мяса и крови, потом вся эта масса теряет форму и остатки сопротивляемости, розги входят в нее все легче и глубже.

Мертвое тело Сеп тупо уткнулось в песок, а занесенные над ним розги остановились в воздухе - экзекуция окончена. Главный жрец так и сказал: "Накажем его между землей и небом".

Толпа смолкает. Сотни людей на камнях, обессиленные, с трудом ловят воздух, но глаза их смотрят в одну красную точку - теперь беды минуют их!

Слуги палача завертывают в глубокое полотно то, что осталось от Сеп, и уносят на Запад, где умирает сам Рэ, - за пределы Города мертвых, на съедение диким зверям и птицам.

Тхутинахт объявляет два часа отдыха - он понимает, что сразу приступить к работе нельзя. В душе он встревожен тем, что здесь нет Мериптаха, его брата Анхи, нет высоких начальников. Но здесь Главный жрец бога Птаха, Тхутинахт не может его послушаться...

...Когда жене Сеп сообщили о новых преступлениях ее мужа и казни, Исет рассмеялась. Угостила обедом тех, кто принес ей страшную весть. Проводила, как провожают желанных дорогих гостей. Потом оделась в лучшее свое платье из тонкой, почти прозрачной белой ткани и, безумная, вышла из дома.

По улицам Белых Стен она шла, лучезарно улыбаясь встречным. Миновав западную окраину столицы, Исет босиком прошла по раскаленному песку, не чувствуя ожогов, и принялась бродить по пустынным улицам Города мертвых.

Она останавливалась у каждой гробницы, осторожно стучала в нее костяшками пальцев, негромко спрашивала: "Сеп, это ты, мой любимый муж, властелин моего сердца, отец моих детей?.."

И, прильнув ухом к суровым камням, тщетно прислушивалась, обходя каждую гробницу со всех сторон. Ответа не было, и терпеливая Исет являлась сюда на следующий день.

...Пройдет очень много лет, окончатся события, послужившие основой нашего повествования, уйдут на Запад многие участники его, а бедная Исет, поседевшая и высохшая от старости, все так же будет бродить по улицам растущего день за днем Города мертвых, с надеждой стучаться в стены гробниц, тихо спрашивать: "Это ты, мой Сеп?.." - и с надеждой прислушиваться, прислоняясь чутким ухом к безмолвным камням...

6

- Входи, Сенетанх, входи, Сенеб! - голос у Хеси дрожит от нетерпения.

Вельможа надолго задержал взгляд на ее обнаженных плечах, еще дольше - на крепкой, словно кокосовые орехи, груди. А когда увидел ее ослепительные ноги, звуки застряли в его горле и руки сами потянулись к хрупкой талии.

Сенетанх увернулась от объятий и усмехнулась.

- Я подарю тебе, - страстно шепчет Хеси, - пять золотых ожерелий.

- Нет, - мотнула головой красавица, позволив однако, вельможе слегка коснуться себя.

- Десять!

- Нет, Хеси... - ее удлиненные черной краской глаза закрылись.

- Пятнадцать!!

Сенетанх не успела набавить цену: за дверью послышался шум и кто-то постучал. Хеси мгновенно толкнул Сенетанх в спальню и задернул плотную

штору.

И вовремя: в первую комнату, иногда заменявшую Хеси мастерскую, вошел... Хену.

- Сенеб, Хеси!
- Сенеб... Видеть тебя - радость...
- Чем взволнован ты, спрашиваю я?
- Да вот, смотри, работаю я... Поднимал на стол эту скульптуру...

Тяжелый камень...

- Желание твое исполнил я, Хеси: Сеп больше нет!
- Почил Сеп на своем великом месте, - с явным удовольствием ответил Хеси, думавший лишь о том, как бы спровадить мужа той, что спряталась рядом за занавеской. - Ты друг мне, Хену. Друг! Я приду к тебе завтра.

- Хорошо.
- А сейчас жертву богам хочу принести я: благодарность воздать молитвой им...

- Иду я, иду, Хеси. Пусть приятной будет твоя беседа с богами!

Хену ушел, тяжело и громко ступая деревянными подошвами своих сандалий. Вельможа устремился к Сенетанх. На этот раз его цепкие руки успели обнять ее. Сенетанх не сопротивлялась. Ее лицо стало бледнее, чем до визита Хену. Может быть, она слышала их короткий разговор? Или ее напугал приход мужа?

Вельможа не заметил происшедшей в ней перемены.

Горделиво улыбаясь, она подумала о том, что вот Хеси держит ее в своих руках, а на самом деле - он пылинка в ее ладони; вот он несет ее на ложе, а по существу лишь запутывается в ее сетях, как рыба; вот Хеси что-то говорит ей, а в действительности - она повелевает им.

Возгордилась Сенетанх.

А гордыня - глупая советница. "Теперь, - подумала она, - Хеси выполнит любое мое желание..." Не ведала она, что всегда была лишь игрушкой - особенно для вельмож, что таких воспитывали для себя они. Только для себя.

- Мне не надо золота, Хеси, - сказала она. - Ответь: сколько Сепов в Белых Стенах?

- Я не пойму тебя, Сенетанх.
- Знала я Сеп, у которого шрам на бедре. Слышала я, Хеси, осужден Сеп - без шрама...
- Где знала ты... первого? - страсть мигом покинула Хеси. Голос его стал твердым.
- Там, на берегу...
- Когда?
- Давно. В ночь, когда он хотел убить Нефр-ка, отца Кара.
- Кому же ты... рассказала об этом?
- Тебе. Сейчас.

Хеси вновь стал нежным, внимательным. Чутко прислушавшись и убедившись, что близко нет слуг, заранее отосланных им в свои комнаты, он, приняв новое решение, приласкал красавицу.

- Уйдем отсюда, Сенетанх.
- Куда, Хеси?
- На берег Хапи. Я давно не был с тобою там...
- Хорошо, - не оправившись от удивления, согласилась Сенетанх.

Они незаметно выскользнули из дома и спустились с холма, где за

высокой стеной богатый дом вельможи. Река протекала почти рядом, но Хеси, обняв Сенетанх за плечи, увлек ее вдоль берега к северу.

Здесь пустынно, и черная безлунная ночь мгновенно укрыла их. Хеси вывел ее на ровную и гладкую тропинку. Сенетанх удивилась еще больше: если идти так дальше - они выйдут на высокий берег залива, где обитают священные крокодилы.

- Ты знаешь, куда ведешь? - спросила она.

- Знаю, Сенетанх. Не бойся. Там хорошая трава. Там никто не бывает в эту пору...

Снизу тянуло влажной прохладой. Ровное журчание воды прерывалось отчетливым чавканьем. Подойдя к краю обрыва, Сенетанх наклонилась, будто в этой могильной темноте можно было рассмотреть бугристые спины четырехлапых чудовищ... И вдруг - сильный толчок сбросил ее вниз.

7

Прошло несколько дней после казни мастера Сеп. На строительстве Та-Мери действительно стало спокойно: не падали камни на роме, не кусали их змеи, вода для питья оставалась свежей и вкусной.

Вовремя пришел им на помощь Главный жрец Птаха. Не будь его и богов - проклятый Сеп умертвил бы всех. Слава Хену! Его хвалили бригадиры, а жены рабочих продолжали носить ему подарки.

Ведь как удобно жить, когда над тобой есть боги и их слуги, верные посредники жрецы. Даже Мериптах, узнав о случившемся, ничего не сказал Тхутинахту, Да и что мог сказать он, сам моливший богов вновь даровать здоровье Туанес?

Но пока не помогали ей ни компрессы и окуривания, ни полынная настойка, ни кора гранатового корня, ни пчелиный яд. Мериптаху удалось прочитать несколько глав из древней книги, написанной Афотасом, сыном Мена, первого фараона Кемта, и "Тайной книги врача" самого Имхотепа. Да, видно, не каждому смертному дано проникнуть в значение металлов в жизни человека, воздуха, что, пройдя легкие, освежает сердце и из него по артериям бежит по телу.

Мериптах окрасил ногти Туанес на руках и ногах и синеющие губы в красный магический цвет крови, но боги не оценили его стараний.

Она бледнела и худела.

Чем больше богов, тем больше опасностей, что не только один из них может на тебя рассердиться. Наверное, потому говорят во все времена и у всех народов, что беда не ходит одна.

Исчезла вдруг Сенетанх!..

Кар сделал все возможное, чтоб хоть как-то напасть на ее след. Безрезультатно. Только сейчас почувствовал Кар, что значила для него Сенетанх. Тоска охватила его. Одна лишь память осталась: ожерелье, подаренное ей тем, кто почему-то назвал себя Сепом.

Вначале Кар хотел его выбросить, и только случайно оно осталось у него в доме. Сейчас Кар надел дешевое ожерелье на свою могучую шею и ценил его не меньше, Чем Сенетанх тот простой камешек, что он "подарил" однажды ей. И не снял даже тогда, когда по городу распространились слухи, будто Сенетанх сбежала от опротивевшего ей мужа в район Дельты с каким-то

юношей. Глупый Хену не только не пытался ее разыскать, а проклял в своем храме. Да и зачем искать, если это так похоже на правду.

- Это так, - вздохнув, сказал и сам Кар в разговоре с Мериптахом.

- Все может быть, - меланхолически ответил Мериптах, - все...

Кар хотел рассказать о том, как он случайно подсмотрел Сенетанх в одиночестве, выбросившую свои подарки, кроме его камня. Хотел, но воздержался. Теперь это ни к чему. А нерассказанное подчас - дороже и ближе.

- Разгневали мы чем-то богов, - раздумчиво сказал в тот вечер Мериптах. - Может, оттого что маленький лев с головой человека, Шесеп-анх, найденный тобой в древней кладовой скульпторов, еще у нас? Ведь мы даже не знаем, чье лицо изображено на нем?

- Кто его знает...

- Отнеси его, Кар, на место. Хорошо?

- Отнесу, Мариптах. Это не трудно.

- Он ведь не нужен мне. Я сделаю своего льва совсем по-иному.

- Ладно, Мариптах. Отнесу. Успокою его дух...

НОЧЬ ШЕСТАЯ, печальная...

1

Кар идет в кладовую древних скульпторов. В левой его руке диоритовый Шесеп-анх, завернутый в пальмовые листья. Рядом - смельчак Миу. Дневная жара спадала, но заходящее солнце слепит глаза Кару, невольно замедляющему шаг.

Кот то и дело обгоняет хозяина: ему не мешает божественное светило - от холма, на котором раскинулся Город мертвых, легла длинная тонкая тень.

Изломанная линия Запада обогрилась кроваво-огненной полосой заката, предвещавшей бурю. И сейчас ветерок заметно посвежел, но пока еще прозрачен и шевелит лишь легкие зерна песка на поверхности барханов.

- Не будь нахалом, Миу, - сказал Кар. - Учись у меня скромности: не спеши...

Кот выгнул спину, поднял хвост к холодеющему небу и замурлыкал. Настроение у обоих - отменное.

Подойдя к знакомой, рассыпающейся в прах стене, кот приметил, что вход открыт, и шмыгнул в отверстие. Но услышал призывный свист Кара, встревожено ошетинился и вернулся.

- Мяу?

- Здесь кто-то был, Миу, - шепотом объяснил Кар, - а возможно, и сейчас там: камень-то рядом.

- Мяу...

И они тихо, не торопясь, вошли в подземелье. У развилки ходов, как обычно, свернули влево, но Миу, уловив горелый запах светильника, остановился. Кар погладил кота по спине, как бы давая знать, что уже настороже, и они двинулись дальше.

Вот впереди показалась тусклая полоса света. Друзья замерли неподалеку от входа в зал, где раньше стоял алебастровый Апис. Один - размышляя, другой - ожидая простых и четких указаний.

Кар мысленно восстанавливал в памяти обстановку в кладовой после своего последнего визита. Тогда они вместе с Мериптахом многое переставили с места на место и несколько загромождали правую часть входа. Если никто не убрал камни и скульптуры, то сейчас можно неплохо притаиться за ними и кое-что увидеть, если, конечно, там есть на что посмотреть...

Подобравшись ползком, Кар убедился, что все в порядке, и услышал чье-то бормотание:

- О великие боги Кемта, властители здоровья, слов, имен, вершители людских судеб. У меня нет амулетов, нет золота. Не знаю я своих родителей, боги Кемта; меня просто зовут Джаи... Но я никому не делаю зла - я только потребляю его, как люди едят хлеб... Я хороший, умный, добрый... Я люблю Туанес! А вы наслали на нее болезнь по наущению жреца Хену. Не слушайте его, боги Кемта. Исцелите ее!

Кар вытянул шею и увидел Джаи, склонившегося в молитвенной позе перед глиняной фигуркой Туанес.

Подтолкнув кота вперед, но придерживая его левой рукой, Кар осторожно положил на земляной пол диоритового Шесеп-анха и негромко стукнул камнем о камень.

- Кто там?! - встрепнулся мальчик. - Ах, это ты, друг мой Миу?

- Да, Джан, это я, Сенеб.

- Сенеб, Миу. Но как ты нашел меня?

- Лучше объясни, как ты очутился здесь?

- Так ведь это я первый случайно наткнулся на эту кладовую. Ты один, Миу?

- Один, Джаи, не беспокойся, продолжай...

- Хорошо, что ты здесь, Миу! Мне надо поговорить с тобой... Никому из людей не могу я рассказать то, что знаю, ибо это принесет им вред. Иное дело ты, мой добрый кот!

- Говори, Джаи, говори.

- Еще давно, играя в этих местах, я увидел сверху дыру в песчаном холме. Вон ту, что открыта сейчас, - мальчик указал на потолок, в котором виднелся кусочек совсем потемневшего и слегка запыленного неба. - Потом я рассказал Сенмуту, точильщику инструментов у Хеси. Он был здесь. Привел своего хозяина. Но доложил ему, будто он - Сенмут - открыл это место, а не я!..

- Понятно, Джаи.

- Хеси был доволен. Услышанное уладило его. Приказал он освободить помещение от песка. Много работал здесь Сенмут, а я помогал выносить корзины наружу. Хеси приказал Сенмуту все хранить в строгой тайне...

- Почему?

- Хеси брал здесь старые скульптуры, обновлял их, стирал надписи, а после выдавал за свои!

- Ого! - воскликнул Миу и присвистнул.

- Ты умеешь свистеть?! - поразился Джаи.

- Немного, - смутился кот. - Не обращай внимания. Говори...

- Так было до истории с Аписом, что стоит сейчас в храме бога Птаха.

- Слышал я о ней, Джаи, слышал.

- После Хеси отослал моего защитника Сенмута в его родной город Абу.

Один я теперь, Миу... Потом подружился с Туанес, Мериптахом, с тобой, Миу...

- Спасибо, Джаи. Продолжай.

- Сенетанх принесла Хену вот эту фигурку Туанес, чтобы он своими заклинаниями помог ей иметь детей. А он...

- А он?

- ...наслал на нее болезнь. Уговорил богов Кемта умертвить ее!

И мальчик рассказал о том, что он видел и слышал, прячась под полом святилища в храме Птаха.

Все стало ясным. Кар торопился покинуть подземелье и дважды дал знать об этом Миу, но коту почему-то понравилось здесь, он даже замурлыкал и удобнее примостился на гладком прохладном камне.

Кар сердито дернул его за лапу, и кот яростно огрызнулся.

- Что с тобой, Миу? - удивился Джаи.

- Царь блох забрался мне под хвост, - соврал кот. - Я ухожу, Джаи. Не советую долго оставаться здесь и тебе: скоро буря. Сенеб!

- Прощай, Миу. Я еще буду просить богов Кемта, потом уйду...

Однако не до молитвы стало Джаи. Нервное напряжение последних дней вконец измотало его. Разговор с котом немного успокоил мальчика. Зато верх взяла усталость. Он свернулся калачиком на мягкой куче песка и крепко уснул.

Тем временем Кару удалось совладать с котом, зажать ему морду руками и вынести непокорного под открытое небо.

- Миу, - зло сказал он, опуская его на землю, - не советую становиться моим врагом!

Кот поджал хвост, понурил голову и преданно лизнул ногу хозяина. Кар только махнул рукой и вздохнул...

2

Хену спал в саду. Ножки его высокого ложа из крепкого финикийского кедра стояли на плоских камнях, уложенных в ямки, наполненные водой из Великой Хапи. Скорпионы и всякая мелкая нечисть не смогут пробраться к нему. Несколько овечьих шкур, разбросанных вокруг, должны остановить случайную змею. Сетка вверху охраняла жреца от жителей деревьев. Лишь свет луны, дробясь на узкие лучики, с трудом достигал ленивого тела жреца.

Хену почувствовал на себе чей-то взгляд и проснулся. Сперва он подумал, что это "лесной человек" из негритянских легенд далекого юга - так широк в плечах незнакомец, так высок, так грузно дышал от ярости, так блестели в полумраке его глаза.

И крепко струхнул: одно дело боги, души умерших, зверье и другое - человек, да еще чем-то разозленный и "лесной"...

- Вставай, Хену, вставай! Это я - Кар. Ты между Востоком и Западом... Я твоего благополучия хозяин.

Хену привстал, смекнул - что к чему.

- Чего хочешь ты? Почему пришел сюда ночью?

- Я знаю, Хену, болезнь Туанес - твое коварство. Все знаю! Она - жена моего друга. Ты должен упросить богов вернуть ей здоровье. Смотри, Хену...

Жрец отогнал от себя сон, встал и медленно выпрямился во весь свой

гигантский рост. Теперь они прямо смотрели друг другу в глаза, сравнивая возможности для поединка.

- Силен я, Кар, могуч, словно бегемот.

- Это верно, - согласился Кар. - Моя сила равна твоей, да еще ловок я, точно павиан. - Я могу зубами откусить твои уши, еще нос, еще перегрызть руку...

- Если я не захочу перед тем свернуть тебе челюсти!

- Я ногой убиваю собаку.

- А моя одна нога сильнее твоих двух!

- Я животом своим раздавлю тебя, как муху.

- Мой кулак пройдет сквозь него...

- Смотри, Кар, я могу сорвать тебе голову, как цветок со стебля.

- Но я быстрее, я разорву тебя пополам.

- Я брошу тебя на небо, чтобы ты упал трупом!

- Тело мое - скала, словами не поднять его! Померимся?

Они молча охватили друг друга и, топча траву, закружились, пыхтя от натуги, скрипя зубами от злости. Хену замолк, могучие объятия Кара стиснули жрецу дыхание, почти остановили сердце.

Бросив Хену на спину, Кар расправил затекшие члены, довольный победой, с хрустом раздвинул плечи и хрипло спросил:

- Понял ты, Хену?

Жрец медленно приходил в себя и молчал.

- К тому же еще ты дурак, Хену, - убеждал Кар. - При моем же уме твой путь в Царство Запада ускорится. Покорись!

- Хорошо, Кар. Но мне нужна фигурка Туанес из глины. Та самая, - схитрил жрец.

- Не ври, Хену. Та самая фигурка уже не годится для новых заклинаний: или фигурка другая, или другой заклинатель при скульптуре прежней. Напиши ее имя красной краской на папирусе.

- Хорошо, ступай, Кар.

- Нет, Хену, ты при мне сделаешь все. Я буду свидетелем, угодным богам.

Хену неловко поднялся с земли, и они вдвоем направились к храму. Надо покориться. Жрец уразумел, на чьей стороне перевес.

У ворот жрама их настиг первый песчаный шквал, он ударил им в спину множеством иголок и грубо втолкнул в пустынный мощный двор жилища бога Птаха.

Начиналась буря, грозившая Кемту бедствиями и разрушениями. Миллионы тонн песка полетели стеной из глубины Африки с шипением и воем - это краснолицый Сет набрасывался на все живое, закрывая лунный и дневной свет.

Опасные дни наступили в Кемте...

3

Хеси опять отослал слуг, готовясь к тайному визиту. На этот раз не обворожительная красавица собиралась навестить его, и поэтому мысли изнеженного вельможи приняли более серьезное направление.

На земле всегда были счастливы. Хеси - один из них. Чтобы ни происходило вокруг, какие бы беды ни настигли людей, Хеси неизменно с

любопытством взирал на чужое горе и не ведал своего.

С детства привык к роскоши. Его отец - начальник области Он, где жили жрецы златоглавого Рэ, - приходился родственником царю, как и его мать Ин. Но вот что-то произошло между ними, и мать уехала с Хеси от отца в дом своих родителей в Белых Стенах.

До совершеннолетия, то есть до шестнадцати лет, Хеси воспитывала мать. Она так и не вышла замуж вторично. Возможно, ожидала, когда отец Хеси позовет их обратно?

Этого не случилось, и мать принялась внушать Хеси, что отец его - человек недостойный, грубый, жестокий. Великое счастье для них, что они вовремя покинули его. Тысячи мужчин мечтают о такой, как Ин, уверяла она. Только намеки - и прибегут к ней толпой, нетерпеливой, просящей. Только согласись - сложат к ее ногам богатства Кемта. Но Ин посвятила себя воспитанию сына и оказалось во сто крат благороднее его отца!

Вначале Хеси верил ей. А потом...

Оказалось, отца можно не уважать! Хеси, рано усвоивший это, однажды подумал: значит, можно не уважать и мать?!

"Созрев", он навсегда оставил Ин, так и не понявшую, почему ее сын оказался безжалостным и холодным к родной матери.

Придворные фараона без труда сеяли семена своей "мудрости" на почву, взрыхленную Ин. Эгоизм и тщеславие Хеси пришлось ко двору, и он постепенно добился недурного места при фараоне...

Хеси - скульптор. Его божество - покровитель мастеров Птах. Ему поклонялся вельможа, желая славы художника. Не скупился на жертвоприношения. Но суровый Птах будто не замечал своего блистательного ревнителя. Не давал ему таланта, не помогал, когда Хеси брал в руки резец и молоток или влажными пальцами мял бездушную глину.

Вельможа искренне молился Птаху, но бог оставался равнодушным к нему. В красивой и всегда ясной голове Хеси родилась еще одна мысль: если можно не уважать отца, отвернуться от матери, то кто и что помешает ему предать Птаха?

Ответ на мучивший его вопрос Хеси нашел в новом волеизъявлении царя, объявившего себя сыном бога солнца Рэ...

Хеси выглянул в окно: незнакомые слуги внесли во внутренний домовый дворик скромные носилки с верхом, укрытые белыми занавесками. Вот помогают они сойти молодому и такому же красивому, как Хеси, бритоголовому Главному жрецу бога солнца Рэ из города Он.

Выбежав из комнаты, Хеси преклонил перед ним колена.

- Сенеб, уважаемый Рэ-ба-нофр, рад видеть тебя в своем доме!

- Сенеб, Хеси. Ты звал меня, теперь я здесь. Чем объяснить таинственность нашей встречи, просимую тобой? Я соблюдаю ее...

- Все скажу, Рэ-ба-нофр, все объясню тебе я.

- Уж не хочешь ли ты оставить Птаха? Перейти в слуги великого Рэ, отца здравствующего царя нашего? Переселиться в наш ном, где начальником твой отец?

- Ты все знаешь наперед, мудрый Рэ-ба-нофр?!

- Мои люди окружают тебя тоже, Хеси, - усмехнулся Рэ-ба-нофр. - Если бы ты не позвал меня сегодня... плохо пришлось бы тебе завтра! Однако для разговора нужна своя обстановка. Идем...

Будто на дне песчаного бурного моря жил эти дни Нижний Кемт. От Белых Стен до Великой Зелени все погружено в ревущие потоки песка и пыли.

Почти не стихали свист и вой урагана. Словно боги передрались между собой. Прекратились работы в Городе мертвых, с нескольких шагов нельзя было различить гордые очертания Та-Мери. Даже Великая пирамида потонула в темном неистовстве неба.

Ветхие хижины окраин в первые же дни сдул злой Сет, и бедняки перебрались в ближайшие гроты и пещеры или копали для себя временные убежища в крутом берегу Хапи.

Устояли лишь крепкие дома, такие, как дом Кара и его отца. Но даже их двор час за часом засыпал песок. Пришлось перевести зверей в жилые комнаты. Страх и уныние охватили веселых роме, упавших духом перед мощью африканской природы.

Маленький черный Акка впервые провинился: не уберег огонь в очаге!

- Прости, Кар, - заплакал пигмей. - Уснул я, уснул... Бей меня палкой, бей.

- Если б я смог извлечь из тебя хоть одну искру! - горько пошутил Кар. - Принеси дерево для добывания огня.

- Искал я, искал, - грустно ответил Акка. - Все поглощает песок... Не нашел я.

- Худо нам! - посерьезнел Кар. - Бери кувшин с водой, светильник, фитили, пойдем на площадь.

На их счастье, буря утихла на часок-другой, как бы отдыхая и набирая силы для следующего порыва. Увязая в рыхлом песке, долго пробирались они к Площадке Огня, в центре столицы. Здесь жрецы из храма Птаха днем и ночью, из года в год, хранили огонь для общего пользования.

У входа сидела, поджав ноги и обхватив их худыми руками, седая старуха в оборванном темном платье. Миновав ее, Кар согнулся чуть не вдвое, чтобы пролезть в огнехранилище, как вдруг раздался испуганный крик:

- Берегись, Кар, назад!

Отпрыгнув в сторону и мгновенно развернувшись, Кар увидел старуху перед собой. В занесенной над ним старческой руке блестел нож. Акка мячиком кинулся ей в ноги и сбил на песок. Одним движением фокусник обезоружил старуху и удивленно спросил:

- Что с тобой, старая женщина? Я впервые вижу тебя... За что ты хотела убить меня?

Глаза ее злы и блестящи, как у Миу, завидевшего дичь. Она шипит от ненависти, не в силах выговорить слова. Извивается и бьется от ярости в его сильных молодых руках, плюет ему в лицо. Старается ударить слабыми старческими ногами.

- Объясни, старая женщина! - повелительно прикрикнул Кар.

- Ты... - наконец с трудом произнесла она. - Ты умрешь от моей руки. Я ищу тебя повсюду! Я Мент - кормилица Сеп... Мои груди вскормили его не для того, говорю я, не для того, чтобы ты оболгал его!

Кар невольно отпустил ее. Воспользовавшись свободой, Мент кинулась на него и уже было вцепилась ему в горло, как вдруг увидела на шее Кара ожерелье и отпрянула.

- Откуда оно у тебя?

- Подарила Сенетанх, жена великого покровителя мастеров, слуги бога Птаха, Хену...

Старуха вновь впала в ярость, желтая пена выступила на ее ссохшихся губах, она стала корчиться, судороги сводили ее костлявое тело.

- Воды!

Растерянный Акка плеснул на нее из кувшина, но еще долго длился у старухи нервный припадок, сменившийся вялым спокойствием и безразличием. Вот вытянулось ее тело на неровном колющем песке. Вот она сама повернулась на бок, пристально, не мигая, смотрит на Кара.

- Дай, - говорит Мент.

Кар послушно снял с шеи ожерелье и протянул ей.

- Оно... - тихо сказала Мент. - Я сделала его... Давно было... Двое детей родилось сразу у жены отца Сеп. В городе Абу, где я тогда жила. Меня позвали к ней принимать роды... Но женщина, по велению богов, может дать жизнь только одному ребенку - весь Абу знает это... Другому не будет счастья ни здесь, ни в Царстве Запада...

- Говори, - просит Кар, когда Мент умолкает.

- А рядом бедная женщина родила мертвого... Тоже я принимала... Бегала из дома в дом... Сама произносила заклинания... Посторонних в ту ночь не было никого, даже отца Сеп... Я подменила мертвого одним из близнецов, а труп положила... рядом с Сепом... Чтобы в разных семьях росли близнецы...

- Кто знает это, Мент?

- Я... теперь ты... еще он, - старуха указала взглядом на Акка.

- Продолжай, Мент, очень прошу!

- После сделала я ожерелье... Если посчитать зерна эбени в нем, куски лотоса... будет время рождения близнецов... Я подарила его... тому...

- Как зовут другого?

- Сенмут...

- О боги! - простонал Кар. - Вам было угодно сделать так, что мы приняли Сенмута за Сеп... Я помог осудить невинного, я!

Теперь Кар принялся рассказывать старухе, как все произошло.

- У меня есть свидетель: мальчик. Джаи - зовут его.

- Надо отомстить Хеси, - сказала Мент.

- Верно говоришь. Перед самым царем разденем его душу!

- Помоги, - молит Мент. - Пусть хоть теперь возрадуется Ка моего Сеп...

5

Многодневная буря как бы заточила дома и Хеси. Часами слонялся он по комнатам или лежа предавался размышлениям. Его мечта - стать Главным скульптором царя, окружить свое имя славой и ореолом благородства.

Хеси посмотрел на правую стену и мысленно изобразил на ней все благоприятствующее ему.

Родство с царем - раз. Тайный сговор с главным слугой бога солнца Рэ, обещавшим сделать его жрецом храма в городе Он, - два. Смерть Сенетанх и удачно придуманная версия о ее бегстве с молодым любовником - три.

Безграничное влияние на Хену и его приспешников: этот здоровенный

дурак верит, а главное - следует каждому его слову.

Далее... Болезнь Туанес, от которой потерял голову Мериптах и затормозилось строительство.

Сеп забитый до смерти, ушел на Запад. Славно!

Хеси повеселел. А сколько у него мелких преимуществ! Хотя бы то, что ослепший Рэур на его стороне, а сейчас, обласканный им, на время бури даже переселился к нему... А сходство - пусть случайное, необъяснимое - Сенмута и Сеп! Как ловко он, Хеси, воспользовался им...

...В ту ночь прибежал к нему Сенмут и, заикаясь от страха, все пытался рассказать о говорящем Аписе и люве... Почудилось, вероятно. Да зато именно тогда, слушая заикающегося Сенмута, Хеси осознал выгоду его поразительного сходства с мастером Сепом.

Сенетанх?..

Ясно, что после "попытки убить" Нефр-ка Сенмут, впервые наряженный в богатые одежды и выступивший в роли порядочного человека, не вернулся сразу домой, а пошел покрасоваться в город. Пожалуй, даже хорошо, что ему попалась навстречу эта потаскушка, а не друзья и родственники Сеп! Не то вся история могла бы раскрыться...

Но тут уж Хеси перевел взгляд на левую стену, как бы рисуя на ней все беспокойное и мрачное, грозившее ему.

Прежде всего - Кар.

Если вдуматься - самый серьезный противник. Его отец, Нефр-ка, выследил Сенмута и таким образом открыл древнюю кладовую скульпторов. То, что Апис "заговорил", - конечно, проделки Кара: как только он, Хеси, не догадался сразу? Хорошо бы его убрать совсем. Но это опасно. Подозрение возникнет тут же. Сперва надо подружиться с ним...

Хену? Необходимо только время...

Сенмут?

Хеси задумался. Слишком глуп. Значит - нежелателен... Надо написать в Он и попросить Рэ-ба-нофра, чтобы он послал в Абу верного человека с поручением убить Сенмута...

Шум в соседней комнате прервал размышления Хеси. Вельможа, крадучись, подошел к входу в мастерскую.

Лицом к нему сидел Рэур. Он держал в руках алебастровую статуэтку и внимательно... разглядывал ее!

- Учитель... ты... видишь?!

- Да, Хеси, благодарение богам, зрение вернулось ко мне. Но первая радость моя омрачена...

- Не понимаю, учитель.

- Помнишь ли, Хеси, помнишь, говорил я тебе: сознание человеку дают боги!

- Помню, учитель. А ум человека, говорил ты, проявляется в умении придать своему сознанию верное направление. Это свои слова: глупец никогда даже не поймет, на что он способен... Ум - это дорога доброго дела.

- Верно, Хеси, верно. Но ты не ведаешь добрых дорог.

- Объясни, учитель.

- Ты берешь чужое, с тем чтобы выдать за свое...

И Рэур обвел руками скульптуры, когда-то принесенные Сенмутом из древней кладовой и время от времени "выпускаемые в свет" вельможей.

Кровь ударила в голову Хеси. Кто мог подумать, что старик прозреет в такой неподходящий момент и разгадает его простую, но надежную игру?!

Повернувшись к статуе восторженного павиана, приветствующего восходящее солнце, что стояла на козлах за спиной учителя, Хеси ударом ноги выбил подпорку - и мгновение спустя его старый учитель был мертв...

Значит, мало иметь даже зоркие глаза для того, чтобы увидеть свою смерть, если она, вот как сейчас, стояла рядом!

Погиб учитель. Так и осталась неоконченной его скульптура в южных каменоломнях. Лежит он там, и некому разгадать ее тайну...

Хеси спокоен. Собран. Холоден. Расчетлив. На цыпочках вернулся в спальню и улегся поудобнее, как прежде.

Вскоре в спальню вбежали слуги, привлеченные стуком падения и треском козел. Вот один из них осторожно коснулся мирно спящего хозяина. Но тот спит крепко, утомленный трудом и непогодой. Пришлось почтительно потрясти его за плечо.

- Ну?! - открыл Хеси сердитые глаза.

- Прости, хозяин, прости. Беда в доме.

- Говори.

- Погиб твой учитель, погиб... Слепой он... Видно, неосторожным движением опрокинул каменное изображение священного павиана на себя... Беда!

Ветром пустыни влетел в мастерскую Хеси. При виде раздавленного учителя горе выбелило его лицо. Черные глаза его затуманились. Прозрачные слезы увлажнили его скорбно неподвижные щеки. Отчаяние лишь подчеркивало светлую любовь к человеку, воспитавшему его. Слуги видели, какое тяжкое бедствие постигло их хозяина, и пали ниц, дважды сраженные - смертью старого художника, к которому успели привыкнуть, и благородными переживаниями его достойного ученика.

Что бы там ни говорили, а вельможи - это высшие существа, истинно лучи божественного фараона, призванные соединять в себе лучшее, что есть в человеке, быть средоточием Верности, Дружбы, Любви!

6

Туанес умирала...

Все выло и свистело за стенами прочного дома. Нескончаемые потоки песка проносились над его плоской кровлей, порой оседая на нее, но тут же, сдуваемые ветром, мчались на восток. У богов есть неиссякаемые запасы мелких и колких песчинок. Говорят, будто на Западе, за холмистыми зелеными саваннами, вся земля - один песок, один только песок!

Красив он, когда влажным добрым утром искрится на солнце. Но зол, когда, озверев, проникает сквозь мельчайшие щели, сухой и жестокий, лезет в рот, в нос и входит в тебя с дыханием.

Туанес знала, отчего гnevаются боги: они исполняют заклинания Хену. По крайней мере она так думала.

За что Хену возненавидел ее? Ведь она не сделала ему ничего плохого. Но не уйти от того, что свершил он, что видела и слышала Туанес.

Уже придя в себя дома, на следующий день после того, как Хену восстановил богов против нее, Туанес почувствовала недомогание. Сначала в животе, затем в груди. Ее стошнило. Она не хотела есть. Только пила воду. Прислушивалась к себе, присматривалась как бы со стороны. Нельзя было не

заметить, что внутри ее что-то произошло, что здоровье уже покидало ее. И как было ей не поверить в могущество Хену - мага и чародея?..

Если б знала она, что это беременность наконец-то пришла к ней?! Что их теперь двое угасало на шкуре ягуара!..

А ей казалось, что боги убивают ее по просьбе Хену. И разве врачевание спасет ее отныне? - спрашивала она себя, отдаваясь во власть безысходности и обреченности.

И чем больше вот так искала она в себе малейшие признаки недуга - там скорее находила их и убеждалась, что не скоро состоится ее встреча с Мериптахом и далеко...

И некому было объяснить ее состояние. Она и выросла-то среди мужчин, так же, как Мериптах, не испытав материнской ласки. Счастье совсем покинуло ее.

А тут еще эта ужасная буря, ниспосланная послушными Хену богами...

У постели Туанес сидят ее муж, изнуренный тоской Мериптах, и друг ее Кар. Молчала Туанес все эти дни. Молчит и в последнюю минуту. Нежно смотрит она на Мериптаха, не сводит с него печальных глаз. Ямочки на ее щеках и углубление в подбородке запорошены пылью.

Хочет она что-то сказать на прощание, да боится: в вдруг губы ее, околдованные Хену, не подчинятся ей? Ведь ноги ее, что целовал Мериптах, ведь руки ее, ласкавшие его еще так недавно, не повинуются ей! Нельзя доверяться и голосу своему: роковые для Мериптаха слова могут вырваться - и тогда, так же как и она, угаснет счастье ее, радость ненаглядная, солнце немногих ее дней, ее нежный, умный, самый талантливый на свете - муж Мериптах.

Молчит и Кар. Потому что не раскрывают уста и знающие все. Да и что толку в словах сейчас. Еще и вправду заболит Мериптах... Туанес не простит ему такого... При нем Хену выпрашивал у богов исцеления, да, наверное, уже поздно. А может, оттого, что под угрозой?.. Боги все видят. Но почему они так несправедливы? Впрочем, они снисходят к тому, кто лучше сумеет их ублажить. Кто глубже проник в тайны общения с ними. Мир не только сложен, он еще - и прост...

Молчит и Мериптах. Ему нечего сказать. Внутри у него голо и пусто. Он даже плохо соображает и уже не понимает происходящего. Вот глаза его Туанес будто улыбнулись ему. Ободряюще. Любяще. И закрылись.

Навсегда!

Не сразу понял неотвратимое Мериптах, а когда мысль эта все-таки дошла до его сознания, вдруг все померкло вокруг и исчезло... Нет для него никого и ничего... Кроме прошлого!

7

Буря умерла вслед за Туанес. Впервые проглянуло солнце. Златоглавый Рэ победил краснорожего Сета и взошел на голубизну вновь ласкового и невинного неба, чтобы осмотреть разрушения, причиненные его врагом.

От многих жилищ остались жалкие обломки. Дворцы вельмож и самого фараона - слава богам! - незыблемо красовались в окружении мусора. Что поделаешь - когда боги враждуют, достается и роме: они ведь всегда у них под ногами.

Надо воспеть славу победившему и его друзьям, чтобы отвести от себя гнев богов. И снова заполнились храмы, сладкогласые жрецы затянули молитвы, подхваченные теми, кто "вечно внизу". И несли жертвоприношения: проголодавшихся в битвах богов надо подкормить. И жрецов тоже. Счастливая страна Кемт: ее опекают столько богов - небесных и земных, сколько не имеет ни один соседний народ.

Грех жаловаться! Не сетовал на судьбу и Хеси: все складывалось благоприятно для него. Тело Рэура - в руках бальзамировщиков. Туанес - тоже. Он вспомнил, каким торжествующим выглядел Хену, когда пришел с этой вестью.

- Боги вняли мне, - хвалился он. - Они боятся меня, великого мага. Туанес умерла, как я говорил!

В самом деле, ее смерть явилась для Хену такой неожиданностью, что Главный жрец Птаха ошалел от восторга. Гордость собой. Самодовольство. Вера в свою силу. Готовность убедить всех в своей непобедимости. Вот что такое Хену сегодня!

- Смотри, Хену, - сказал Хеси, жестами, интонацией, всем своим видом подчеркивая уважение к нему. - Смотри, тебе ничего не стоит убедить царя не называть каменного льва с его головой Та-Мери...

- Я все могу! - пробасил Хену и осекся. - Но как?

- Слушай меня внимательно. Сможешь ли посеять недовольство среди рабочих Мериптаха?

- А где для этого повод, Хеси?

- Я создам его. Но остальное...

- ...сделаю я! - важно прервал его Хену.

- Смотри, какой ты сильный человек! - воскликнул умиленный Хеси. - Какая честь быть твоим другом, Хену...

- И твоим тоже, Хеси!

Они расстались довольные.

А сегодня Хеси воспользовался отличной погодой.

Написав тайное письмо Рэ-ба-нофру о Сенмуте, вельможа отправил в город Он нарочного и велел приготовить носилки. Правда, дом Мериба, младшего брата царя, занимавшего должность меджех нисута - начальника всех строительных работ, был рядом, но улицы еще полны песку, и избалованному вельможе не хотелось утруждать себя. Да и для чего тогда слуги? Чтобы жиреть и бунтовать от безделья?

- Сенеб, Мериб, - приветствовал он соседа. - Я по делу к тебе...

- Сенеб, Хеси, говори.

- Помнится, тебе не нравилось название скульптуры Мериптаха...

- Та-Мери?

- Да.

- Я считаю, лучше назвать ее Шесеп-анх.

- Да продлят боги дни твои, Мериб. Я твой сторонник. Тогда исполни просьбу: обещай рабочим Мериптаха, что после окончания работ ты освободишь их всех от дальнейшей трудовой повинности...

- Зачем? - удивился Мериб. - Напротив, их надо использовать после на строительстве гробницы нашего царя.

- Мудрость твоя богоподобна, - смиренно ответил Хеси. - Ты их используешь. Только вначале пообещай...

- Чтобы вызвать недовольство? - догадался Мериб.

- Верно говоришь, Мериб!

- Хорошо, Хеси.
- Спасибо, Мериб, верный друг.

И удовлетворенного Хеси унесли домой. Он даже запел что-то себе под нос, довольный тем, что, как и прежде, овладевает событиями, сам надувает их паруса попутным ветром.

8

Кар обошел четь не все улицы столицы в поисках Джаи, но мальчик исчез. Тогда обеспокоенный Кар вместе с неизменным попутчиком Миу отправился в Город мертвых.

Оставив позади величественную ступенчатую Мать пирамид, они прошли несколько улиц с гробницами вельмож и... вышли на ровное песчаное плато!

Там, где раньше чуть в низине тоже были гробницы и среди них кладовая старых скульпторов, ныне царствовал песок. Сплошной песок!

- Смотри, Миу, смотри, что случилось. Засыпало все.

Кот прижался к ноге Кара и улегся. Он привык к тому, что Кар, рассуждая сам с собой, любит обращаться к нему.

- А если, - пробормотал Кар, - Джаи узнал о смерти Туанес? Уехал в Абу к своему Сенмуту? Тогда он не под нашими ногами, а еще жив, говорю я?

Кот замурлыкал.

- Надо ехать в Абу, - решил Кар. - Если не Джаи, то хоть найду Сенмута... Мне нужен живой свидетель! Возможно, найду обоих...

- Поедем, Миу, - вслух произнес Кар. - Все: Акка, ты, я, Ара... будем выступать, чтобы никто не понял, почему мы покинули Белые Стены. Особенно - Хеси. Едем, Миу!

Это слово кот знал прекрасно и любил его. Встав на задние лапы, он подмигнул Кару, прошелся бочком, смешно подпрыгнул и перекувыркнулся.

9

Прекрасную Туанес готовили в последний путь.

Вот извлекли из тела ее внутренности, оставив на месте лишь сердце и почки. Совершили омовение пальмовым вином и уложили их в сосуды - канопы.

Обвязали ногти рук и ног, чтобы не отпали они. Много дней и ночей обезжизняли тело ее содой. Обработали смолой, доставленной из Пунта. Вложили внутрь две священные луковицы, а шелухой от них прикрыли веки. Воском пчелиным залили глаза ее, уши, тонкие ноздри ее обострившегося носа, рот, некогда целовавший Мериптаха. Подошли бальзамирщики к густым кустарникам хны с остро пахнущими цветками, нарвали листьев, сделали пасту и окрасили ею холодные руки и ноги Туанес. Обернули ее прочными бинтами, чтобы в них вечно сохранилось тело для ее неумирающего Ка и других лучистых сущностей.

Дорогие гробы изготовили для нее и каменный саркофаг. Свою гробницу отдал ей Мериптах. Несколько отрядов рабочих неустанно готовили усыпальницу к принятию верной подруги скульптора. Рисовали на ее стенах короткую и счастливую жизнь Туанес. Богов, принимающих ее в свое лоно.

Священные строки из древних рукописей, которые будут сопровождать ее в Царстве Запада...

"...О телец Запада, говорит Тот, царь веков... Я открываю отверстия и освежаю того, чье сердце не бьется... О открывающие пути, отверзающие дороги в доме Осириса, откройте дороги... для души Туанес... да войдет она смело и выйдет мирно из дома Осириса, не будучи задержанной или не допущенной. Да войдет она хвалимая и выйдет любимой... да не будет найдено в ней ничего предосудительного, когда она будет находиться на весах, свободная от недочетов..."

"...Слава тебе, бог великий, владыка обоюдной правды... Ты привел меня, чтобы созерцать твою красоту. Я знаю тебя, я знаю имя твое, я знаю имена сорока двух богов, находившихся с тобой..."

"...Слава вам, боги. Я знаю вас. Я знаю ваши имена. Я не паду от вашего меча... У вас нет против меня обвинения, и вы скажете обо мне правду перед лицом Вседержителя, ибо я тоже творила правду... Нет ко мне обвинения и со стороны современного царя. Слава вам, боги..."
[Представления древних египтян о посмертных злоключениях души, о суде над ней, об угрожающей ей опасности и о средствах избавиться от них изложены подробно в "Книге мертвых". Это обширный сборник многочисленных заупокойных формул. Древнейшие из них, так называемые "Тексты пирамид", писали на стенах гробниц фараонов пятой и шестой династий. В переходное время такие тексты писали уже на саркофагах вельмож. И только позже эти все более разрастающиеся погребальные тексты стали писать на папирусах и класть на грудь мумии умершего.]

Молча, иступленно трудился и Мериптах. Из нежного алебаstra сделал он статую любимой. Рядом - друзья его, лучшие мастера Белых Стен, высекали такие же скульптуры для сердаба Туанес.

Тем временем рабочие Мериптаха освобождали Та-Мери, плененного завистником Сетом: горы песка засыпали его лапы. Скорее всего это произошло оттого, что лицо его еще не было закончено и Та-Мери не смог посмотреть в глаза Сету.

Надо бы поскорее закончить его лицо, но сам фараон Хефрэ, владыка Обеих Земель, велел не тревожить любимца бога Птаха до окончания ритуала погребения Туанес.

Пусть и эта доброта царя служит благим примером народу Кемта...

Труднее всех - Мериптаху.

Был он младшим в семье, и потом житейские невзгоды касались его меньше - все решал, как и положено, старший в доме. Небогата его жизнь и внешними событиями. С детства знал он только одну страсть - искусство.

Был он как залив у края Хапи. Добрый залив. С ровной поверхностью и прозрачной водой. Все любили его и одаряли лаской. Свободного времени имел он - сколько хотел. А без досуга некогда и развернуться таланту. Без любви тоже чахнет дарование. Еще - без одобрения, хотя бы редкого. Конечно, заслуженного. Искреннего. Но - одобрения.

Был он мягким и застенчивым. Молчаливым. Он с удовольствием открывал себя Туанес. Иногда - Кару. Больше размышлял. И без конца рисовал, лепил, высекал. Знал всевидящий Птах, кого сделать своим избранником!

Любовь Туанес, ее верная дружба и искусство - вот его личная жизнь... Вернее - была...

Тем невыносимее Мериптаху сейчас.

Когда вскрыли труп Туанес, то обнаружили в чреве ее плод. И сообщили

о том отцу неродившегося. Правдивая богиня Маат не позволила им скрыть истину.

Меры же горя человеческого не определили боги до сих пор...

НОЧЬ СЕДЬМАЯ, Та-Мери...

1

Там, там, там-там...

Сзывают звучные голоса барабанов. Рабочих, начальников, скульпторов. Готов Та-Мери! Сияют на солнце его полированные бока. Глаза его, встречающие рассвет, чуть утомлены, но воля, непреклонная воля в них. Рот его плотно сжат. Могуч и спокоен он.

Рабочие собирают и укладывают в корзинки тысячи медных и кремневых сверл, резцов, тесел, пил. Полировщики устраняют последние матовые пятна.

Счастливый Мериптах, счастливый!

До него художники трудились для подземелий гробниц - их творения безжалостно навеки замуровались от взоров живых. Его же Та-Мери у всех на виду и будет восхищать и вдохновлять неисчислимые будущие поколения Кемта и других стран.

Само имя этого каменного исполина - Та-Мери - будет облагораживать людей...

До сих пор в Кемте был только фараон и еще лучи его - вельможи. Жрецы - услаждающие богов. Сборщики налогов, еще другие чиновники.

Еще те, что внизу. Так называемые люди. Живые придатки Хапи и полей. Ноги, давящие виноград. Руки, бросающие семена в землю, взрыхленную ими же. Мускулы, сооружающие пирамиды и храмы.

И вот Мериптах своим Та-Мери открыл другую истину. Зримую! Скоро объявит фараон имя ее. Скажет, что лев - это народ, сила благодатного Кемта. Голова - это он сам, божественный фараон. А вместе - они олицетворяют их страну от Нубии до Великой Зелени. Та-Мери! Сотворенный для всех людей...

Уже сейчас, смотря на дело рук своих, люди Мериптаха осознают себя народом! Вот стоят они, стройные, широкоплечие. Готовые к дерзаниям, подвигам.

Там, там, там-там!..

Это их зовут барабаны. Вот собрались они. Вот вышел к ним Тхутинахт. Не то сумрачен, не то печален.

- Вот, смотрите, готов наш Та-Мери, готов он. Рука царя, брат его Мериб приказал: всем приступить теперь к завершению пирамиды!

Дыхание гнева пронеслось в толпе. Многие умеет сносить человек. Труднее всего - обман. Где же обещанное им освобождение от трудовой повинности по окончании работ?.. Ведь сам Мериб говорил так!..

В негодование приходит толпа. Роме требуют исполнения обещанного. Где Мериб? Пусть выйдет он к ним!

Но вместо начальника строительных работ царя над бушующей толпой на

крыше заупокойного храма вырастает фигура слуги бога Птаха. Вот поднял он руки к небу, призывая роме к порядку. Вот медленно стихают они.

- Роме, - говорит Хену, - вас обманул Мериб. Обманул он. К чему он вам теперь? Идите ко дворцу. Требуйте, чтобы вас выслушал царь! Нет выше его в Кемте. Как он скажет, так и будет!

- К царю...

- Пусть прикажет царь!

И пошли они в облаках пыли, влекомые всеобщим возбуждением, ищущие справедливости. Жаждающие отдыха. Еще никогда не строили в Кемте так быстро и споро. Поняли они, что впервые со дня сотворения государства фараонов они - носители нового, что олицетворяет каменный лев с головой человека, возбудивший в них гордость. Чувство человека. Идут они.

Впереди - Хену.

За ним - Тхутинахт. Позади их - толпа. Четыре часа быстрой, неровной ходьбы по широкой тропе - и вот перед ними холм и высокие стены дворца.

Усталость несколько ослабила их волю. Вид жилища Благого бога поубавил решимости. Вот отчетливо виден спокойный ряд величавых воинов, вооруженных луками и копьями, у подножия холма. Выше их, на склоне, - в длинных богатых одеждах вельможи. У самой стены - бритоголовые жрецы. Будто человеческая пирамида возникла перед рабочими. Вдруг увидели они на самой вершине ее - царя. В роскошных носилках. Опахала из белых страусовых перьев охлаждают воздух над его головой, увенчанной короной Верхней и Нижней страны. Гиппопотамовая плеть и волопасовый крюк в его неподвижных руках.

Не ожидавшая такой встречи и зрелища, толпа падает на землю, прижимается к ней, замирает. Где Хену? Пусть Главный жрец Птаха передаст их просьбу царю, Верховному жрецу Кемта, владыке Обеих Земель!

Где Хену?!

Нет его, будто растворился в воздухе он. А уже встал по правую руку царя везир Иунмин и громко вопрошает:

- Чего хотят верные царю строители Та-Мери?

Пусть тогда говорит Тхутинахт. Пусть он ответит за них. Глухой ропот пронесся в лежащей ниц толпе, достигает слуха начальника рабочих и поднимает его на ноги.

- Говори, - раздается голос самого Хефрэ.

- Великий владыка наш, - отвечает Тхутинахт, опустив голову, чтобы не встретиться с взглядом фараона. - Благый бог, хранитель Кемта, хозяин роме, да будешь ты вечно жив, цел, здоров! Брат твой Мериб обещал моим людям освобождение от трудовой повинности после окончания Та-Мери... Сейчас же он приказал всем перейти на строительство твоей пирамиды... - и замолчал, подавленный царским величием, блеском и роскошью его окружения, грозным видом его воинов.

- Сколько людей у тебя? - спрашивает царь.

- Осталось в живых тысяча, остальные умерли от болезней, укусов змей, камней, падающих с неба, от плохой воды, от перенапряжения...

И снова умолк Тхутинахт в ужасе: от царя нельзя скрывать правду, а она может не понравиться ему...

"Трудно жить спокойно даже мне, - думает Хефрэ. - Зачем только боги создали народ?.. Не будь его - не отвлекался бы я от радостей бытия... Умно Хеси придумал взбунтовать их... Ладно, получают они свое, получают... Хорошо, что мало осталось..."

- Мериб будет наказан мною, - говорит царь. - Обещание его будет... выполнено! Строители достойны награды... Можете встать!

Восхищенный рев толпы, наверное, достиг окраин Белых Стен. Радость сплотила всех в верности справедливому фараону. Многократно воздали они славу мудрому и доброму Хефрэ. Да будет он жив, цел, здоров в обоих мирах!

Улыбающийся Иунмин поднял руку, и толпа мгновенно замерла.

- Пусть награду выберет Главный скульптор страны досточтимый вельможа Хеси, - повелел Хефрэ.

Краем глаза увидел Тхутинахт красавца Хеси, ставшего рядом с царем. Вид у вельможи надменный, смотрит насмешливо, а лицо почтительно.

Вот сделал он шаг вперед и произнес:

- Благой бог, милости твоей нет конца. Разреши этим людям отправиться в поход во вновь открытую землепроходцами страну черных людей на Юго-Западе... Снабди их оружием... Воды дай им... Проводников, ведающих тайные тропы... Пусть добудут они там черного дерева, слоновых бивней, серебра... Потом подари им половину завоеванных богатств, чтобы по возвращении смогли они обзавестись семьями, могли жить безбедно. Путь труден, но на половине расстояния есть стоянки твоих воинов, которые помогут им...

- Да будет так! - молвил царь.

И снова восторженность толпы. Легенда о богатой и беззащитной стране на Юго-Западе давно ходила в народе. Царь дает им оружие и провиант, обещает им половину добычи! А слово царя нерушимо...

Правда, сомнение едва не прокралось в душу Тхутинахта, но он сумел пересилить себя, видя всеобщее ликование. Конечно, рискован путь, уводящий в сторону от Хапи, обещающий встречу с дикими зверями и сухими песками. Но жизнь роме никогда не была беззаботной. Стоит провести год в опасном походе...

2

Постаревшее за день солнце опускалось за горизонт. Напрасно длинными тенями цеплялось оно за каждый кустик и бугорок, точно утопающий, не желая покидать суетный и шумный земной мир.

Вот заметило оно вереницы рабов и слуг, несших своих господ из богатых домов столицы по дороге во дворец, окруживших роскошные носилки с ленивыми и откормленными телами. Но и их тени беззвучно скользили по шероховатой земле точно по зеркалу, все тускнея, и внезапно как бы растворились в ночи.

Еще день, словно капля расплавленного металла, упала в саркофаг минувшего. Все предопределено. Всему - свое время. Отойдем в прошлое и мы - каждый в свой час. Останутся лишь дела наши - добрые и злые, чтобы славить или гневить память о нас. Только те, кто ничего не делают, не возбуждают радости своим существованием и не вызывают печали уходом на Запад. На каждому дано зажечь свою Звезду Времени на Небосклоне Вечности, и никому не узнать, долго ли она будет светить потомкам...

Так думал Мериптах, покачиваясь в носилках, гордясь завершением мечты и грустя в своем одиночестве. Не захотела Туанес разделить с ним эту ночь его торжества во дворце фараона, куда стекались сейчас приглашенные... Нет

и брата его Анхи, отбравшего в Суне камень для облицовки подножия царской пирамиды. Нет и Тхутинахта: сегодня проводил он его и своих рабочих в далекий поход в легендарную страну на Юго-Западе. Они уходили воодушевленные надеждой. Не все вернутся, но еще меньше у них возможности встретить свою старость здесь, в стране Кемт, где непосильный труд и жестокость как бы спрессовывают их годы и дни в маленькие кирпичики. А из этих "кирпичиков" строят дворцы и пирамиды...

Правда, Кар возвратился из поездки по Хапи, но и его нет рядом; он раньше отправился во дворец, чтобы подготовиться к выступлению перед царем. Путешествие его оказалось напрасным - Сенмута найти не удалось, он таинственно исчез. Нет больше живого свидетеля против Хеси.

Сегодня оба входа в царский дворец открыты настежь. Стены дворца украшены ярко горящими плашками. Ряды факельщиков указывают направление для слуг и рабов с носилками гостей. В жарком дыхании костров тут и там аппетитно потрескивают туши кабанов.

В медных чанах варятся страусовые и черепаший яйца. Десятки голубей и журавлей запекаются в сухарях или в муке. Ласково поблескивают на подносах горы моллюсков. Молодые побеги папируса перемежаются головками лука и пучками молодого чеснока, в корзинах, плетенных из пальмового лыка и тростника.

В кожаных мехах булькает вино и пиво. В глиняных кувшинах - освежающее молоко. Чтобы оно лучше охладилось, повара укутали их в мокрые ткани и время от времени увлажняют водой из Священной Хапи. Финики с далекого Юга вкусно окружили на подносах тонкие диски пахучего сыра. Живые миноги - любимое блюдо царя - играют в бассейне, ожидая своей очереди.

Главный повар царя Киркуф, лоснящийся от пота, с полотенцем на плече, в ослепительно белом набедреннике, в мягких коричневых сандалиях, с широким многоцветным ожерельем из бус на мускулистой шее и с плетью в руке руководит подготовкой к пиршеству. Он зорко следит, чтобы не было суетни, неугодной фараону.

"Не делай больше порученного!" - гласит заповедь. Но ведь сказано еще: "Послушание - главная добродетель..."

И Киркуф неуклонно требует от подчиненных выполнения того и другого. Впрочем, рабочие обширной царской кухни прекрасно обучены и своей расторопностью и четкостью только способствуют возбуждению аппетита.

Гости покидают носилки у Площади Приемов возле дворца и дальше идут пешком. На шелковистом густом газоне с северо-восточном углу двора прямо на траве раскинуты мягкие подушки для сидения, и перед каждой - резной эбеновый столик для яств. Гости располагаются двумя вытянутыми и широкими рядами, друг против друга, оставляя свободную прямоугольную площадку для представлений. С севера ее замыкает царский трон, а с юга оставлен проход для танцоров и акробатов.

Церемониймейстер Никаурэ указывал каждому гостю его место. По правую руку царя - врач фараонова желудка Ихгорнахт и врачи обоих царских глаз - Инухотеп и Ренси. Затем - везир Иунмин и начальник казначейства Сехемкарэ.

По левую руку Благого бога - начальник туалета Габес, хранитель царского гардероба Схетепибрэ, начальник палаты омовения Сенбеф, главный жрец Бога солнца из города Он Рэ-ба-нофр и рядом с ним сияющий Хеси. Затем Хену и жрец Небутеф, еще старец Инфеб и лишь потом - Мериптах.

Правитель великого двора и распорядитель сегодняшнего пиршества Никаурэ выбрал себе место напротив царя у прохода для артистов. Позади трона владыки Обеих Земель - подушка и столик начальника поручений Неджемида.

Барабанная дробь тамтамов прижала лица приглашенных к земле - сам владыка Обеих Земель, сын Рэ, великодержавный Хор, отец и хозяин роме, медленно опускался на трон!

- Сядьте все, - приказал Хефрэ, - сегодня я разрешаю смотреть на меня...

Никаурэ подал знак, и слуги пришли в движение. Одни несут яства, другие разливают вино в алебастровые кубки, третьи разносят чаши с водой для омовения рук. Молча, без суеты. Слаженно, стремительно.

И снова - покой. Все взгляды на царя. Преданно. Ожидаяще. Вот поднял он божественное лицо. Оглядел каждого. В упор. Пронзительно. Холодно. Останавливая сердца подданных. Прервав их дыхание. Вот произносит он:

- Брат мой Мериб наказан. За обман рабочих. Не примет он сегодня участия в нашем пиршестве. Будет знать он!

Забегали глаза у гостей. Восторгаться? Но Мериб есть Мериб! Печалиться? Так ведь царь - еще выше... Презрительная улыбка легла на уста Хефрэ и тут же исчезла.

- Объявляю волю мою, - продолжал царь, насладившись замешательством придворных. - Изваяние, высеченное Мериптахом, достойно богов. Награждаю скульптора новой гробницей, взамен той, что отдал он жене своей...

Хор восторга и удивления щедростью царской ответил Хефрэ.

И началось пиршество!

Обильное питье и едой. Лучшие танцовщицы Белых Стен в прозрачных накидках на гибких телах извиваются перед гостями. Не зря говорят мудрые: юность женская - лучшее оружие против старости и увядания аппетита!

Лишь час спустя царь омыл руки водой из Священно Хапи и вновь оглядел гостей.

- Хотел бы я знать, - задумчиво молвил фараон, - кто мешал в строительстве Мериптаху? - и почему-то повернулся в сторону Хеси.

- Священная воля твоя, - склонил голову вельможа. - Жрец из храма Птаха по имени Небутеф сбрасывал камни на головы рабочих, отравлял воду для питья...

Побелел, собрался в комок Небутеф под тяжелым взглядом царя. Гневом налились глаза Хену, смотревшего на Хеси. Качнулся старый Инхеп.

- Может быть. Небутеф скажет, будто я учил его этому? - насмешливо спросил Хеси.

- Да... да... - трясущимися губами пробормотал жрец, не ведая, что уже попался на удочку предателя: ведь теперь всем ясно, что преступление совершено им. Не важно, по чьему наущению, - это уже вопрос второй. - Да, да, - повторил Небутеф. - Ты меня научил!

- Смотри, Хем-ек, - почтительно обратился к царю Хеси. - Если я его подговорил, то почему он не доложил тебе?..

- Пусть наказание преступнику придумает наш любимец Кар, - повелел царь.

И тут Мериптах увидел друга. Фокусник спокоен, даже весел. Он успел выразительно посмотреть на Мериптаха, и скульптору подумалось, что Кар участвует сейчас в спектакле, заранее подготовленном и обговоренном в деталях...

Вот Кар садится в центре площадки для представлений - с живым гусем - и поднимает правую руку. Акка вкладывает в нее острый нож и удаляется.

Мериптах возмущен: теперь, узнав, кто приостановил строительство Та-Мери, он желал смерти жреца, а фокус Кара, знакомый ему, мог только попугать виновного. Обычно Кар "отсекал" гусю голову, а несколько секунд спустя "приращивал" ее, и гусь важно уходил. Фокус старый, известный всей стране Кемт, придуманный дедом Кара - великим Джеди еще во времена Хуфу.

Но вот Кар ловким движением... в самом деле отсек голову птице и потом тщетно силился приставить ее на место.

- Разучился ты, Кар, говорю я, - раздался чей-то голос, и в прямоугольник между пирующими шагнул царский палач Сенна. - Дай попробую я!

- Но у меня нет второго живого гуся, - виновато ответил Кар, уступая ему место в центре.

- Птица? - презрительно произнес Сенна. - Я сделаю это на человеке! Разреши, Хем-ек, порадовать тебя?

Царь кивнул.

- Кого выбрать? - задумчиво спросил Сенна и, оглядывая поеживающихся гостей, подошел к Хену.

- Нет, нет, - не растерялся тот. Возьми Небутефа, а я тоже хочу посмотреть.

- Будь так, - согласился Сенна и выволок на середину почти теряющего сознание жреца. - Не бойся, Небутеф, верь в меня! Твоя голова окажется там, где ей подобает находиться. Стань так... На коленях... Только не качайся... Смотри вниз, а не по сторонам, Небутеф. Не дрожи...

Со свистом рассек воздух тяжелый тесак, и голова жреца, подпрыгнув от удара о землю, подкатилась к веселому Хеси.

- Ловко! - восхитился вельможа, поднимая ее и передавая палачу. - А ну, что дальше?

Сенна старательно стал приставлять отрубленную голову к туловищу, но и у него "не ладилось". Небутеф не хотел оживать...

- Что-то у меня тоже не получается сегодня. - Развел руками палач. - Был уверен в себе я. Хам-ек. Может, попробовать еще?

- Довольно! Хватит! Мы прощаем тебя, - завопили гости. - Кару тоже прощаем мы...

И тут захохотал фараон. Весело от души. До слез и колик в животе. Видно, давно не испытывал он такого удовольствия. Но приумолкли гости.

Так бы и смеялся он один, а в нарушение этикета молчали гости, если бы не верный царский телохранитель Уни. Вот щелкнул напоминающе его бич раз, другой, и вспыхнуло опять всеобщее веселье.

А слуги меж тем убрали тела и головы, оттерли кровь с газона и вновь наполнили кубки красным вином из Казнкэма.

- Хотел бы я услышать, - громко сказал царь, - неужели Хену не знал, что делает его подчиненный?

- Знал он, Хем-ек, знал он, - ответил за Хену вельможа Хеси. - При мне вели они разговоры, недостойные ушей твоих, при мне!

Задохнулся от ярости тупоголовый Хену, потемнел светлый лик фараона, омрачились гости в предчувствии новых царских увеселений.

- Может быть, Хену скажет, что его тоже я подстрекал к недовольству? - среди наступившей тишины прозвучал спокойный голос Хеси.

- Да, да, да, - исступленно выкрикнул Хену. - Я свидетельствую это,

Хем-ек!

- Но тогда почему ты не донес царю? - кротко спросил Хеси. - Носил в себе весть о заговоре...

Хену выпучил глаза от удивления: отчего Хеси все прощается? Царь будто не слышит вовсе то, что чернит его Главного скульптора... Даже, пожалуй, ласков к нему... Неужели?

- Что неужели? - спросил царь Хену, не заметившего, что он стал размышлять вслух.

- Покорный Небутеф подтвердил тебе злоучастие Хеси, я тоже свидетельствую против него, Хем-ек... Мы сообщили тебе факты, факты!

- Смотри Хену, - милостиво ответил царь. - Факты - это только дети богини истины Маат, дети ее, говорю я, а не сама истина.

- Так в чем же она?! - упавшим голосом проговорил Хену.

Хефрэ повернулся к главному жрецу Бога солнца из города Он, и Рэ-ба-нофр, повинувшись, пояснил:

- Хеси давно стал жрецом Бога солнца Рэ, отца нашего любимого царя. По моему поручению, Хену, он прощупывал тебя. Так мы увидели то, что прячешь ты в себе. Хем-ек, - Рэ-ба-нофр обратился к фараону: - Хену твой - отступник!

Хефрэ на мгновение пришел в ярость. Он резко повернулся к Хену и метнул в него ужасающий, убийственный взгляд.

И голова Хену с оттопыренными ушами тотчас безжизненно наклонилась, а последнее дыхание отлетело от него навсегда.

- Второй, - послышался чей-то угодливый голос.

- Третий! - уточнил Хеси.

- Кто же еще?

Хеси молча указал на Инхеба: старик тоже вручил все свои лучистые сущности богам. Царский врач сердца и желудка Ихгорнахт, подойдя к нему, определил смерть, и слуги унесли оба трупа; наполнили кубки.

Веселье продолжалось, уже не прерываемое ничем более двух часов, пока не попросил слова Кар.

Царь разрешил:

- Говори.

- Благой бог, справедливая кара должна настичь каждого, совершившего преступление?..

- Так сказала Маат, - подтвердил царь.

- Вельможа Хеси тоже должен понести наказание, - твердо сказал Кар.

- Жалкий фокусник! - вскричал Хеси. - Как смеешь ты говорить так о достойнейших у царя?!

- Благой бог должен знать правду о своих слугах, - воспользовался его мыслью Кар. - Дозволь, Хем-ек?

- Говори, я сказал...

Кар неторопливо поведал царю и присутствующим историю двух братьев-близнецов - Сепы и Сенмута, рассказал о кладовой древних скульпторов, открытой Джаи. О том, как алебастровый Апис вернулся на свое место. По мере того как слова Кара разоблачали Хеси, царь хмурился и лицо его багровело - в нем нарастал гнев, которого страшился Кемт.

- Я отрекаюсь от такого жреца, - громогласно объявил Рэ-ба-нофр. Внешне возмущенный, на самом деле он доволен: меньше останется тех, кому он обязан в тонком деле возвышения своего храма. - Обманывающий богов не может им служить!

- Это ложь, - торопливо выкрикнул Хеси. - Где живые свидетели?

- А верно: где они? - неожиданно поддержал вельможу Рэ-ба-нофр, вспомнивший, что одного из них - точильщика инструментов Сенмута - устранили по его же приказанию.

- Да, кладовую засыпал песком Сет во время урагана. Но Хеси думает, - медленно ответил Кар, - что умерли все неугодные ему... Я имею свидетеля, Хем-ек.

- Пусть придет, - повелел царь.

Акка ввел в круг худую старую женщину. Хеси силился узнать ее, но оказалось, что видел впервые. Он хотел что-то произнести, но спазмы сдавили ему горло, и это заметили все, даже царь, и каждый по-своему истолковал его волнение. Хеси понял, однако справиться с собой не смог.

- Кто ты? - спросил Хефрэ.

- Я - Мент, кормилица Сеп. Это я подкинула Сенмута в другой дом вместо умершего там ребенка. Так угодно богам... Кар сказал правду тебе, Хем-ек!

Чьи-то стоны прервали ее рассказ. Это Хеси, жалкий и уничтоженный, целовал землю у ног царя, моля о пощаде. Гости напряженно переглянулись. Царь жестом приказал отшвырнуть негодяя. Затем отпустил Мент и задумался.

- Пусть Кар определит и это наказание, - решил он и, откинув голову, хитро прищурился.

- Слушаю тебя, Благой бог, - склонился Кар и подал знак музыкантам.

Заунывная мелодия свистулек причудливо соединилась с голосами барабанов. На площадке появился маленький черный Акка. На нем юбка до пят цвета пламени.

Скрестив руки на груди, кончиками пальцев касаясь плеч, он плавно закружился. Все быстрее и быстрее, точно подгоняемый мелодией. Алая юбка поднялась и образовала у пояса круг. Его лицо передает различные душевные состояния. Тоску. Гнев. Сладострастие. Досаду. Мимика Акка как бы символизирует богатую страстями и полную противоречий человеческую жизнь.

Вот он быстро отстегивает у пояса застёжку, и алая юбка, словно волнующийся диск пламени, медленно поднимается вверх. Акка воздел руки к звездному небу, ладонями в стороны под прямым углом.

Лицо Акка искажено болью и страданием, и Мериптаху кажется, будто раскаленные волны пламени обжигают танцора и не алый диск поднимается вверх, а сам Акка погружается в огонь.

Из его широко открытого рта словно вырывается дикий вопль, хотя танцор не произносит ни звука. Еще один оборот, и пламя поглотило человека. Лишь две тонкие руки взывают к небесам...

Конец? Гибель?

Нет, далеко нет! Вот появляется из бушующего пламени лицо Акка, оно умиротворено. Счастье светится в его черных глазах. Пройдя сквозь очистительный огонь, человек обретает истинное блаженство. Избавляется от недугов своих страстей. Избавляется от грехов.

Именно это чудится Мериптаху и остальным. Хотя на самом деле танцор стал кружиться медленнее, и юбка невольно опускается вниз, сохраняя форму диска.

Царь в восторге! И от танца и от того страшного смысла, что не очень скрыт в нем!

Хеси, пользуясь общим возбуждением, срывается с места и прыгает в окружающую темноту, где кончается власть масляных светильников.

Правитель великого двора Никаурэ вопросительно смотрит на царя: поймать и вернуть?

- Не надо, - махнул Хефрэ. - В другой раз... Куда уйдет он от расправы? Будет еще в огне...

Никаурэ спокойно садится на подушку. Царь выждал тишины и сказал:

- Отныне Главным скульптором Кемта назначаю Мериптах!

И снова веселье, хмельное и буйное. Музыканты исполняют мелодии, полезные здоровью и пищеварению. Узкий серп месяца плывет лодочкой в высоком небе, холодным светом серебра Кемт. Но Мериптах ждет. Главного. По крайней мере для него. И вот оно пришло...

- Лев с моим лицом, - объявляет фараон, - что придумал я сам и что по моим указаниям сооружен Мериптахом - отныне получает имя... Божество Восходящего Солнца! Навсегда! Запрещаю именовать его иначе... В честь отца моего божественного Рэ воздвиг я эту скульптуру. В знак того, что я являюсь его любимым сыном. Поручаю Божество Восходящего Солнца слугам Рэ из города Он. Дарю им часть земель с людьми и поселениями. Пусть славят они, славят весь Кемт начало каждого дня!

И снова восторги и умиление. Разве знал мир до этой поры подобного художника, как автор Божества Восходящего Солнца владыка Обеих Земель Хефрэ?!

Главный жрец бога солнца Рэ-ба-нофр из города Он торжествует. Мериптах не верит себе, рухнула его мечта - не будет Та-Мери! Никто не узнает, что сказал он своим творением. Не будет знать его настоящее имя!

Слуги уже в который раз наполняют алебастровые, эбеновые, золотые кубки красным вином из Каэнкэма.

А на вершине Великой пирамиды до рассвета глухо кричал филин...

3

Еще не угасли звезды. И западный ветер холодит Кемт. Но уже блестит Восток. И лицо Та-Мери как бы волшебным выступает из ночи.

Теперь он - сам по себе. У него началась своя жизнь. Он простой и сложный, понятный и таинственный вместе. Он будет современником сотням людских поколений.

Его настоящее имя в самом деле забудется И все же оно долго будет передаваться из уст в уста, минуя строки в папирусах и настенных надписях. И много веков спустя мысль его создателя, пусть несколько иначе, оживет в государственных гербах многих стран. Придет время, когда идея мира воплотится в образе Белого голубя, именно Та-Мери есть первый в истории символ дружбы народов. Но придет время, когда и эта мысль его автора прорвется через горы времени к потомкам и обретет признание у них!..

Но это - будет...

А сегодня перед рассветом к нему пришел Главный скульптор фараона Мериптах. Один. Опустошенный. Доведенный до отчаяния. Лишенный права называть себя отцом Та-Мери.

Прислонился щекой к его правой ноге, прижался весь к его гладкой поверхности. Всего несколько часов назад Кар открыл своему другу тайну гибели Теанес...

Мериптах уже побывал в ее гробнице. Простился с нею. Посетил он и

гробницы своих предков. Прикоснулся ладонью к прохладной стеле у врат вечной обители своего усопшего учителя Рэура.

Всего несколько часов назад принес ему Кар и другую мучительную весть: царь отправил Тхутинахта и рабочие отряды не в легендарную страну на Юго-Западе, а на верную смерть! Их заведут далеко-далеко в пески и бросят там без оружия и провианта, без проводников и надежды возвратиться. Чтобы и слова "Та-Мери" умерли вместе с ними...

Сегодня Мериптах тоже уйдет на Юго-Запад. Его место с теми, чьи руки осуществили его мечту. Кто знает, что это именно он, а не фараон придумал Та-Мери. Он отыщет их и разделит с ними их участь.

Свое решение он скрыл даже от Кара.

Мериптах стоял, прислонясь к Та-Мери, пока Рэ не согрел своими лучами его плечи. Потом подошел к месту, где Туанес подарила ему первый поцелуй, поднял с земли камешек, прозрачный, как слеза Исиды, и спрятал его в белом мешочке на золотом поясе. Единственное, что взял он с собой в дальний, неизведанный путь.

- Сенеб, Та-Мери! - нежно проговорил Мериптах и ушел вслед за своей тенью.

С тревогой смотрел ему в спину пламенеющий Рэ. Все меньше становилась скорбленная фигурка величайшего художника Кемта. А вскоре и вовсе затерялась она в пологих холмах у горизонта...

Горестно вздохнул каменный лев, и печально-насмешливая улыбка знающего истинную цену сущего слегка раздвинула его уста, да с той поры и осталась навеки.

И еще, если всмотреться в него, нельзя не заметить, что лоб его стал как бы девичьим... Совсем как у Туанес...

И еще... Он многое старается рассказать о себе людям, да не все внимают ему. Поят - и уйдут. Странно!.. Потому-то он и замолчал надолго.

Если б заговорил сфинкс...